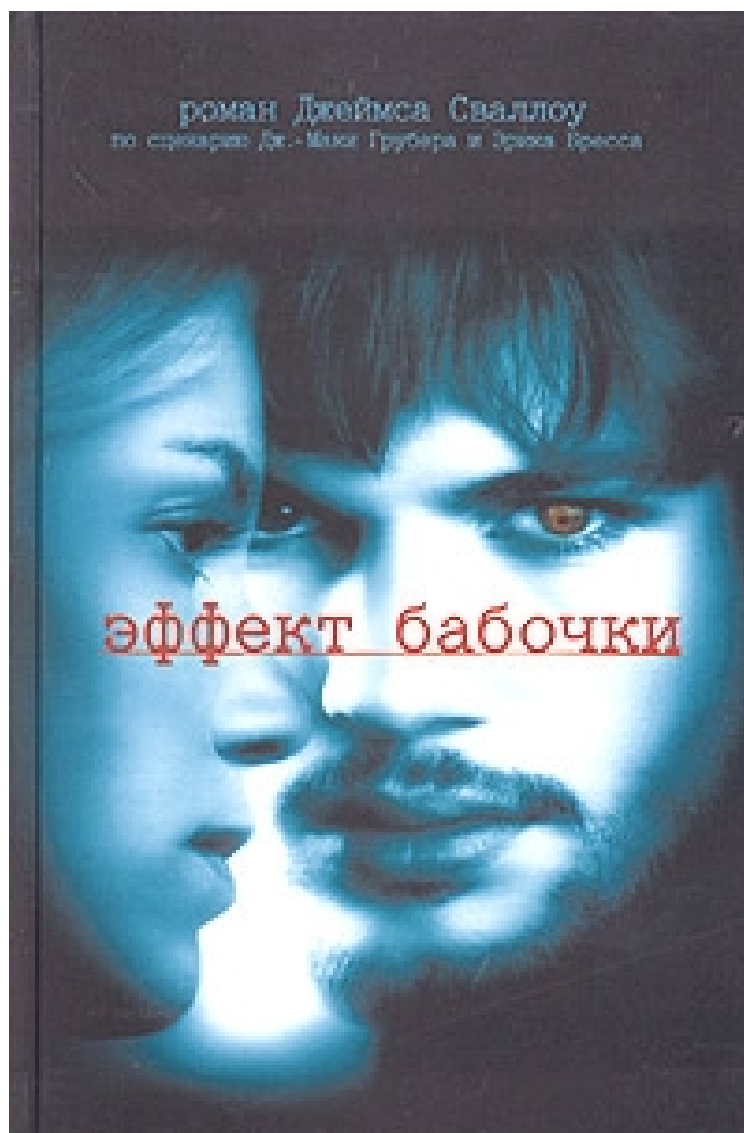

Джеймс Сваллоу
Эффект бабочки

«Сваллоу Д. Эффект бабочки»: Амфора, Ред Фиш; 2004

ISBN 5-901582-51-9

Оригинал: James Swallow, “The Butterfly Effect”

Перевод: В. Осовский

Аннотация

Борясь с мучительными воспоминаниями детства, Эван находит способ путешествовать во времени. Это позволяет ему возвращаться в прошлое и, изменяя там события, исправлять сломанные жизни друзей и близких людей. Однако каждое путешествие в прошлое приводит к катастрофическим последствиям в настоящем.

Джеймс СВАЛЛОУ ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Век расшатался — и скверней всего,

Что я рожден восстановить его!

Шекспир, Гамлет, Акт I, сцена 5

Глава первая

Наступило лето, и сад за моим окном сверкает буйством красок. Цветы распускаются и поворачиваются лицом к солнцу. Я наблюдаю за снующими меж ними букашками, трудолюбивыми пчелами и похожими на маленьких воздушных змеев бабочками. Хорошее время для начала.

Спустя столько лет пытаюсь изложить все случившееся на бумаге, я вдруг понял, как непросто будет отделить то, что на самом деле произошло, оттого, что я помню или думаю, что помню. Даже сейчас, сопоставляя события, я испытываю головокружение и тошноту, словно воспоминания, спрятанные в глубинах моей памяти, отравили ее.

Долгое время я не позволял себе даже думать о тех событиях, опасаясь, что они вновь обрушатся на меня. Люди шутят, что я живу по принципу «здесь и сейчас», и часто смеются над этим. Я всегда смотрю в будущее, но им никогда не узнать, что я делаю это из-за страха перед прошлым.

Даже не знаю, с чего и начать. Сперва я думал, что все началось с Джейсона, но тогда это будет его история, а я и по сей день не знаю всего, что ему пришлось пережить. По правде говоря, его отец, возможно, также повинен в случившемся. Вполне вероятно, что нас, проклятых этим ужасным даром, много. Молю Бога в надежде, что я последний.

Итак, эта история обо мне и о том, что я сделал. Как ни странно, лучше всего сохранилось воспоминание — и оно возвышается над движущейся водой памяти, подобно скале — о том моменте, когда я был готов отдать жизнь за последний шанс. Наверное, тогда я перешагнул какую-то черту и просто отбросил сомнения, злость и страх, обретя, наконец, уверенность. Интересно, сколько людей могут сказать о себе такое? Как много найдется тех, которые скажут, что в какой-то момент они знали точно, что должны будут сделать?

Сейчас я вижу все с кристальной ясностью. Летняя ночь ленива, и каменные стены кабинета доктора Редфилда отдают накопленное за день тепло. На его столе стопки бумаги и большой грязно-серый компьютер. На стенах висят дипломы в рамочках. В коридоре слышен вой сирены. Сквозь матовое стекло двери кабинета я вижу огни фонарей. Они ищут меня. Они бегают, кричат и зовут. Их голоса, похожие на собачий лай, звучат в отдалении. У меня в руках коробка, на которой кривым почерком доктора написано мое имя. В коробке всякая мелочь типа катушек с киноплёнкой, но эти вещи спасут меня. Они спасут все.

Кто-то пробегает мимо кабинета, и я поднимаю взгляд. В этот момент вижу свое

отражение в стекле одного из дипломов на стене. Я измучен и устал, в моих глазах ужас. Кровь, черная и маслянистая в полумраке, стекает по моему лицу и груди. Боль я едва чувствую, как будто все произошло не со мной. Она кольцами обвивает мою голову, впиваясь в череп.

Взяв ящик, я тащу его под стол Редфилда, прихватив с собой бумагу и ручку. Я почти не вижу того, что пишу, повинуюсь скорее мышечной памяти, чем сознанию. Мне остается только писать.

С моих губ слетают слова. Произнося их вслух, я словно усиливаю муку. «Если вы это нашли, значит, мой план не сработал, и я, скорее всего, мертв...» Возможно, я пишу эпитафию самому себе. «Но если мне удастся вернуться к началу всего этого, то, может быть, я смогу ее спасти».

Мне многое нужно сказать, но боль не дает мне такой возможности. Кровь из носа капает на бумагу. Я начинаю рыться в ящике, вытаскивая из него катушки с пленкой. Сотни метров пленки, упакованной в коробки с надписью, сделанной рукой Джейсона. Рукой моего отца. Эван.

Пленка крутится в стареньком проекторе, и экран оживает; воздух наполняется озоном от работающих лампы и мотора, а также нагретой пленки — это запах кино. На экране, за камерой, отец пытается отрегулировать резкость, стараясь сфокусировать изображение на маме, которую везут на каталке по больничному коридору. Ее красивое лицо покрыто капельками пота, и она кричит, держась одной рукой за раздувшийся живот и размахивая другой. Отец вовремя отступает в сторону, и она задевает капельницу какого-то бедолаги. Бутылка разбивается о стену, но мы уже проехали дальше.

Скачок пленки. Монтаж с помощью скотча. Камера удаляется от бледного, заплаканного лица моей матери, чтобы показать маленький живой сверточек в ее руках. Розовый новорожденный зевает и спокойно смотрит в камеру.

— Скажи привет, Эван, — говорит мать. Слышен голос отца за кадром:

— Добро пожаловать в этот мир, малыш. Еще одна склейка.

Экран на мгновение гаснет и снова вспыхивает. Отец следует за мамой. Она, повернувшись, улыбается прекрасной улыбкой, показывая ребенка в пеленках. Заботливо и осторожно кладет его в кроватку. Камера замирает, словно отец не знает, куда ее направить: на любимую жену или на только что вступившего в этот мир сына.

Проектор жалобно скрипит, когда по его направляющим валикам проходит еще один плохо смонтированный кусок пленки.

— Джейсон, посмотри сюда! — слышен теплый голос матери.

На переднем плане отец берет на руки годовалого Эвана, и они машут ей. Джейсон сажает сына на маленькую горку, и карапуз вскрикивает от восторга. Качество пленки становится лучше, и на экране появляется задний двор Ленни Кэгана: качели, старая яблоня и облупившаяся краска на сосновых досках крыльца. Даже в пять лет в Ленни заметны черты, которые останутся в нем на всю жизнь. Полный и неуклюжий, он тем не менее в картонной шляпе с надписью «Именинник» выглядит очень уверенно среди своих друзей. Мать Ленни несет грудку подарков, завернутых в разноцветную бумагу, и мальчик радостно на них набрасывается. Камера находит маму, мягко подталкивающую пятилетнего Эвана к Кейли, красивой девочке того же возраста. Эван проходит мимо ее насупившегося брата и неловко пожимает девочке руку. Кейли улыбается и чмокает его в щеку. Взрослые смеются, и Эван убегает. Камера снова находит его красное личико. Он пытается спрятаться за мамой.

Лицо Эвана заполняет весь экран, и слышен голос отца за кадром. Он что-то сбивчиво говорит, заикаясь. Фильм внезапно обрывается...

Эван Треборн переступил с ноги на ногу и посмотрел на дорогу. К нему подбежал щенок кокер-спаниеля и посмотрел на него серьезными глазами. Эван присел и почесал ему за ухом.

— Хороший мальчик. Крокет, — сказал он щенку. — Сейчас я не могу с тобой играть. Мы скоро поедем.

Щенок посмотрел на Эвана, потом на припаркованную у обочины «тойоту», потом снова на Эвана.

— Скоро, — повторил Эван, будто это могло бы поторопить его мать. Он вздохнул и побрел к ней. Крокет последовал за ним.

Андреа Треборн высунула голову из-под капота «тойоты» и вытерла грязной тряпкой потеки масла на руках. Она посмотрела на разобранный карбюратор и вздохнула. Уже шесть недель как она посещала курсы автомехаников, но понимающие в моторах люди по-прежнему находились в ее сознании где-то между нейрохирургами и инженерами космических кораблей. Она посмотрела на соседний дом. Ее сосед Джерри миллион раз предлагал ей помощь «ну, типа, с мужской работой», как он сам это называл. Она обижалась на людей, которые считали, что мать-13 одиночка не способна иметь дело с механизмами более сложными, чем пылесос или тостер, но бывали моменты, и это был тот самый случай, когда ей очень хотелось, чтобы кто-нибудь другой разгадывал эту головоломку.

Звук быстрых шагов привлек ее внимание, и она увидела соседку, совершавшую пробежку. Андреа помахала рукой, и соседка улыбнулась в ответ.

Лиза Халперн недавно вышла замуж и переехала в большой, колониального стиля дом, находившийся в нескольких кварталах отсюда, вместе с новым мужем и большим внедорожником. Лиза выглядела свежей и подтянутой даже в мешковатом спортивном костюме, и Андреа почувствовала себя бледной и бесформенной в своем грязном комбинезоне.

Да уж, подумала она, посмотрим, что с тобой будет, когда ты родишь...

Она снова повернулась к мотору.

— О'кей. Ну, что на этот раз?

Эван заглянул под капот и пару секунд изучал проблему. Потом достал из ящика с инструментами ключ 5/16" и крутанул его, словно стрелок — шестизарядный револьвер.

— Мы снова опоздаем.

Кивнув, мать взяла у него инструмент.

— И когда это ты беспокоился о том, чтобы попасть в школу вовремя? — спросила она через плечо.

Мальчик отвел взгляд.

— Мы будем делать картинки на Родительский вечер.

Андреа затянула гайку, не обратив поначалу внимания на изменения в голосе сына. Эван приподнялся на носочках.

— Мам, не забудь, вправо — туго, влево — слабо.

Она улыбнулась.

— Спасибо, Эван. Не переживай, у тебя будет полно времени...

Она замолчала, изучая неправильно установленный карбюратор. Скривившись, ударила по нему ключом.

— Будь ты проклят!

— Э... — начал Эван, и она уже знала, каким будет его вопрос. — А папа может прийти в этот раз?

— Ты прекрасно знаешь ответ на этот вопрос, — в ее голосе было раздражение.

Эван попытался скрыть жалобные нотки в своем голосе, но неудачно.

— Разве он не может выйти хотя бы на один день?

Она покачала головой.

— Мы уже сто раз об этом говорили. Это слишком опасно для него...

— Но Ленни сказал, что его папа придет. — Эван подошел еще ближе. — И папа Томми и Кейли тоже...

Андреа отдала ему гаечный ключ.

— Держи, Эв. Закончи за меня, ладно?

Ей было немного стыдно за то, что она отвлекла его от мыслей об отце таким образом, но она устала и не знала, что ему ответить. Пока Эван ставил на место карбюратор, Андреа

выскользнула из комбинезона, под которым оказалась чистая униформа медсестры.

— Все отцы там будут, — капот приглушил его голос.

— Я все поняла, малыш, но я не такая уж и плохая, как ты думаешь?

— Нет...

— Вот и хорошо. Я всю неделю ждала момента, когда смогу оценить твоё произведение искусства, мне было бы здорово не по себе, если бы ты только и думал о том, что твой папа не пришел.

— Готово, — сказал мальчик. — Попробуй.

Разочарование было написано на его лице.

Андреа села на переднее сиденье и повернула ключ зажигания. Двигатель, издав утробное рычание, завелся, и Эван гордо заулыбался. Сияя, Андреа похвалила его:

— Ты просто чудо, малыш. Мы с тобой отличная команда, да?

— Ага!

В тот момент казалось, ничто не может омрачить их радость.

Звонок прозвенел именно в тот момент, когда они заехали в парковочную зону начальной школы Хьюбера. Превысив положенную скорость, Андреа припарковала машину у ворот с мастерством автогонщика мирового класса. За несколько лет Эван привык таким образом прибывать в школу. Быстрая гонка от дома до школы и приезд с опозданием на несколько минут. Мама сделала опоздание видом искусства. Он уже отстегнул ремень безопасности и открыл дверь. Машина, дернувшись, остановилась, и Эван выкатился на улицу, на бегу послав матери воздушный поцелуй, а через мгновение исчез в толпе школьников.

— О'кей хорошего тебе дня я заберу тебя позже мне надо ехать! — на одном дыхании выпалила Андреа.

Она уже переключила скорость и отпускала сцепление, когда в окно «тойоты» требовательно постучали.

— Миссис Треборн! Мне нужно с вами поговорить!

Голос принадлежал миссис Босуэлл, классной руководительнице Эвана. Она была немного старше Андреа и постоянно выглядела недовольной.

— Извините, но нельзя ли подождать до сегодняшнего вечера? — Андреа указала на часы на приборной доске. — Я уже опоздала на работу, и...

Мрачное выражение лица миссис Босуэлл подсказало ей, что произошло что-то серьезное.

— Думаю, вам надо это увидеть, — сказала учительница. — Прямо сейчас.

Миссис Босуэлл провела ее в классную комнату, в море кричащих, резвящихся и бегающих ребятшек. Андреа оглядела комнату, отыскивая Эвана, и их взгляды пересеклись. Он с удивлением помахал ей рукой и отвернулся, возвращаясь к игре с Кейли Миллер. Та улыбнулась: девочка была очарована Эваном с самой первой встречи. Голос миссис Босуэлл пролаял:

— Томми! Оставь Ленни в покое! Андреа повернулась и увидела старшего брата Кейли, размахивающего пластмассовой битой с намерением заехать по круглой голове Ленни. Толстый мальчик сопел и дулся, а на лице Томми появилось обиженное выражение.

— Не заставляй меня посылать тебя в кабинет мистера Войтека! — добавила учительница.

Андреа посмотрела на нее с пониманием. Неудивительно, что она постоянно выглядела недовольной. Иметь дело с такими маленькими демонами, как Томми, пять дней в неделю — серьезное испытание для любой женщины.

Они подошли к столу, и миссис Босуэлл вытащила из ящика стопку листов бумаги.

— Я хотела показать это завучу, но решила сначала поговорить с вами...

Она вытащила один из рисунков и тут же прижала его к груди лицевой стороной. Андреа почувствовала, как в горле пересохло от дурного предчувствия.

— Что это?

— Вчера я предложила детям нарисовать, кем они хотят стать в будущем, когда вырастут. Большинство нарисовали то, чем занимаются их родители, но это... — Учительница понизила голос и развернула рисунок. — Это то, что нарисовал Эван.

Взглянув на рисунок, Андреа почувствовала, как кровь стынет у нее в жилах. Яркими красками был изображен ребенок, стоящий на горе изуродованных трупов. Лицо его было злым и темным, а в руке он держал, без всяких сомнений, большой и острый мясницкий нож. Это было страшное, отвратительное прославление убийства.

— С технической точки зрения нарисовано неплохо, особенно для семилетнего мальчика, — сказала миссис Босуэлл, снова понизив голос. Андреа не могла оторвать взгляд от рисунка. — Поскольку вы медсестра, я подумала, что, возможно, он скопировал какую-нибудь картинку из анатомического атласа у вас дома.

Андреа наконец заставила себя оторвать взгляд от рисунка и посмотрела на Эвана. Он сидел в компании Пенни и двух других мальчиков, весело смеясь. Казалось невероятным, что ее сын мог нарисовать что-то настолько адское и отвратительное.

— Спасибо вам за то, что показали мне это первой, — выдавила она из себя, вновь обретая способность говорить. — Я... Могу я забрать рисунок?

— Конечно, — миссис Босуэлл протянула ей сложенный пополам лист. — Есть еще кое-что, миссис Треборн. Мне неприятно упоминать об этом...

— Что еще? — вскинулась Андреа.

— Когда я спросила Эвана о том, что значит этот рисунок, он сказал, что даже не помнит, как и когда его нарисовал.

Андреа побледнела.

— Мне нужно идти, — сказала она и, вырвав рисунок из руки учительницы, вылетела из комнаты. Эван поднял голову как раз в то время, когда она выходила. На его лице появилось озабоченное выражение. Посмотрев на миссис Босуэлл, он увидел, что учительница рассматривает его холодным, изучающим взглядом.

Андреа успела дойти до бордюра, прежде чем ее ноги подкосились. Доковыляв до «тойоты», она открыла дверь и рухнула на водительское сиденье. Сердце рвалось из груди.

Во рту чувствовался металлический привкус, руки дрожали.

О, Господи, только не это! Разум ее помутился, и ужасные мысли, забытые воспоминания нахлынули потоком, когда страшная догадка поднялась на поверхность ее сознания. Что, если Эван такой же, как и его отец? Неужели он тоже болен? Андреа крепко сжимала в руке рисунок. Мышцы руки свело судорогой. Ей хотелось разорвать листок в клочки и уничтожить его. И что тогда? Даже если бы она это и сделала, изображение все равно останется в ее памяти, так же как и страх перед тем, что это могло значить.

Она попыталась вставить ключ в замок зажигания, но не смогла: мокрый от пота кусочек металла выскользнул из ее руки и упал на пол. Она медленно положила руки на руль и приказала себе успокоиться. Прошло добрых десять минут, прежде чем она смогла завести машину и поехать дальше.

Глава вторая

К середине учебного дня Эван уже забыл о неожиданном визите матери и после обеда с удвоенным энтузиазмом взялся за работу над своим новым проектом. До Родительского вечера оставалось несколько часов, и Эвану не терпелось побыстрее закончить.

Он с удовольствием осмотрел свой шедевр. Из бумаги, клея, краски и сухих макарон на глазах рождался образ семейной идиллии.

Эван подумал и отказался от идеи добавить к картинке блестки. Блестки — это для девочек.

Он не заметил взгляда, которым на него посмотрела миссис Босуэлл, проходя мимо. Прищурив глаза, она пыталась найти в его поведении признаки, выдающие возмутителя спокойствия. Сьюзан Босуэлл работала учителем с тех пор, как ей исполнилось двадцать, и

была на своем месте. Она научилась распознавать испорченных детей за милую, словно внутри нее срабатывал тревожный сигнал, что позволяло ей пресекать многие шалости. Некоторых из учеников, задира, типа Томми Миллера, или любительниц дергать за косички, вроде Хайди Никсон, она постоянно держала в поле зрения, словно красные флажки. Миссис Босуэлл хорошо знала, как вести себя с такими детьми.

Но все же больше всего ее беспокоили такие, как Эван. Такие дети постоянно исчезали с экрана ее радара. Такие, как он, были умными и внимательными, хотя и не выдающимися, детьми, обычно не вызывающими никаких подозрений. Она вновь вспомнила рисунок Эвана и поежилась. Миссис Босуэлл незаметно посмотрела через плечо мальчика на его новое творение и немного расслабилась. Картинка была простой и милой. Обычная поделка ребенка его возраста, не имеющая ничего общего с последним рисунком. Учительница прекрасно знала, что миссис Треборн воспитывала сына одна, что отец Эвана несколько лет не жил с ними, и решила поговорить с матерью мальчика на сегодняшнем Родительском вечере с глазу на глаз в надежде докопаться до истины. Не исключено, что этот рисунок был проявлением его психологических проблем, подумала она, а может, Эван просто увидел что-нибудь похожее по телевизору.

Как бы то ни было, она надеялась, что ничего подобного больше не повторится.

Учительница оставила Эвана и вышла из классной комнаты, чтобы принести еще несколько баночек краски.

Эван что-то ловко вырезал из листа коричневой бумаги, высунув кончик языка. Когда он сдул обрезки, стало ясно, что это силуэт собаки. Капнув на него клеем, Эван прилепил фигурку к большому зеленому холму, служившему картинке фоном. Работа закончена. Туда же были добавлены улыбающееся солнышко и еще две вырезанные из бумаги фигурки, одна из которых была самим Эваном в его любимой футболке с Бэтмэном, а другая — его мамой с волосами из макарон.

От работы его отвлек девчоночий смешок.

— Что такое? — спросил он, подняв взгляд на Кейли.

Она указала на его лицо.

— Твой язык.

— А что с ним?

— Ты всегда его высовываешь, когда что-нибудь делаешь. Забавно, — она показала, как именно он это делает.

Эван пожал плечами:

— Наверное.

Он посмотрел на картинку, над которой трудилась Кейли. Рядом над своей картинкой работал ее брат, то же самое делал Ленни. Картинки Томми и Кейли были практически неотличимы. На каждой из них были мальчик и девочка рядом с высоким папой и стоявшей поодаль одинокой фигуркой мамы. Эвану показалось, что мама выглядит очень печально, стоя отдельно от всех, но он ничего не сказал. Андреа просила не обсуждать развод в семье Миллеров. Ленни, закончив свою работу, со счастливой улыбкой поднял над головой рисунок, показывая его остальным детям.

— Я закончил. Я сделал томную семью.

Томми фыркнул:

— Чего? Что это значит?

Он ткнул указательным пальцем в рисунок Ленни.

— Папа говорит, что это так называется. Когда у тебя есть мама, папа и брат или сестра, тогда это томная семья.

Ленни нахмурился. Эван улыбнулся.

— Наверное, он имел в виду атомную маленькую семью. Как атомная бомба.

Томми зло засмеялся:

— Ха-ха! У Ленни радиоактивная семья!

— Неправда! — надулся Ленни. Он посмотрел на рисунок Томми. — Ты приклеил

маму слишком далеко. У миссис Босуэлл есть еще много макарон и клея, если ты хочешь переделать.

— Ты такой придурок! — сразу помрачнел Томми.

— Мама живет далеко от нас, но иногда она к нам приезжает, — сказала, отвернувшись, Кейли.

— Если... если я такой придурок, — начал Ленни, собирая в кулак всю свою храбрость, — почему тогда моя мама меня не бросила?

Брат Кейли покраснел и, закричав, схватил рисунок Ленни и разорвал его идеальную семью на две половинки. Ленни покраснел и расплакался.

— Эй! — крикнул Эван. — Зачем ты это сделал?

— Маленький толстячок плачет и хочет к мамочке, — пропел, убегая, Томми.

Эван подобрал порванный рисунок и подошел к сидевшему на полу и всхлипывающему Ленни.

— Да ладно тебе, Ленни, — начал он. — Все не так ужасно... Даже твою маму немного видно.

Однако мальчик его не слышал. Эван встревожился, особенно когда Ленни начал вздрагивать, хватая ртом воздух. Он задыхался, и с каждой секундой его состояние ухудшалось, становясь опасным.

Эван в отчаянии искал глазами миссис Босуэлл, но вокруг были только резвящиеся дети и Томми, равнодушно наблюдавший за происходящим со стороны. Эван решился.

Схватив свою работу, он оторвал силуэт мамы одним резким движением, а затем положил его на испорченную картинку Ленни. Семья была снова одним целым, и всхлипывания маленького толстого Ленни постепенно сошли на нет.

Через минуту Ленни уже мог нормально дышать.

— Могу... могу я это оставить себе? — Эван вздохнул с облегчением.

— Конечно. Я все равно собирался сделать еще одну.

Томми насупился и повернулся к ним спиной. Ему не понравилось, что развлечение закончилось так быстро. Кейли дала Ленни клей и помогла приклеить его новую «маму» на место. Она улыбнулась Эвану, и он кивнул ей в ответ.

Миссис Босуэлл догадалась, что за время ее отсутствия в классе что-то произошло, — только она не знала, что именно. Она оглядела всех учеников, отметив про себя и сжатые кулаки Томми, и покрасневшего Ленни Кэгана. Поставив банки с краской на стол, она молча прошла по классу, не задавая вопросов. Что бы там ни случилось у мальчишек, все уже было забыто, и у нее не было желания вытаскивать все снова наружу.

Пройдя мимо Эвана Треборна, она посмотрела на его работу и снова вздрогнула. До ее ухода на картинке была счастливая и веселая семья, теперь же картинка оказалась изуродованной. Изображение матери Эвана было вырвано из рисунка и смято. От мрачного символизма этого действия ей стало не по себе. Миссис Босуэлл оторвала взгляд от оскверненной картинки семейного счастья и прошла вперед, прихватив с собой на всякий случай ножницы со стола Эвана. Весь остаток дня она наблюдала за каждым его движением и никак не могла избавиться от беспокойства.

Андреа удалось-таки уговорить Барбару дать ей отгул на день, хотя это было нелегко.

Старшая медсестра была толстой и бойкой женщиной, переехавшей из трущоб Чикаго в хороший район Нью-Йорка. Барбара правила младшим медперсоналом железной рукой, но, будучи матерью, она без лишних вопросовпустила Андреа, когда та сказала, что беспокоится об Эване.

Как и большинство медсестер в Мерси Централ, Барбара знала о Джейсоне, по крайней мере слышала кое-какие сплетни о том, что с ним произошло, и сочувствовала Андреа.

Больница находилась в паре кварталов от психиатрической клиники района Саннивейл, и многие из персонала обеих больниц знали друг друга и любили поболтать. Когда-то Андреа думала, что было бы неплохо, если бы Джейсон находился где-нибудь неподалеку. Где-нибудь, куда она могла бы забегать в любое время. Но, по правде говоря, она не

навещала его уже целых полтора года. Во время их последней встречи они серьезно поссорились, обсуждая будущее Эвана, и наговорили друг другу много обидного. Андреа ушла, хлопнув дверью.

Подъезжая к больнице, Андреа поймала себя на том, что крутит обручальное кольцо на пальце, и уже в миллионный раз спросила себя, какого черта она до сих пор его носит.

Конечно, ей это помогало избавляться от назойливых приставаний всяких козлов, но на самом деле она просто все еще оставалась женой Джейсона Треборна. Доктор Джейсона, Редфилд, много раз говорил ей, что ни один суд не станет возражать, если она захочет развестись с мужем, но она так и не смогла решиться на этот шаг. По крайней мере, не сейчас. Похоже, она до сих пор любила мужа и в глубине души надеялась, что в один прекрасный день он все же поправится.

«Тойота» Андреа затормозила у готического фасада клиники. Один лор-врач, работающий с ней, рассказал как-то, что раньше, в начале двадцатого века, это была ночлежка, пока ее не купил богатый врач из Мэна, который и переделал ее в приют для душевнобольных.

Выходя из машины, она поправила себя: клиника. А не психушка. И не дурдом. Но уж точно не приют. Место, где больные выздоравливают, точно так же, как и в Мерси Сентрал.

Только не все пациенты приходят в себя. Не Джейсон.

Она задвинула мысли о муже в самый дальний угол своего сознания. Что ей сейчас нужно меньше всего, так это думать о нем. Вздохнув, она толкнула тяжелые дубовые двери и вошла.

Доктор Харлон Редфилд предпринял очередную попытку разобрать завалы бумаг на своем рабочем месте, но в конце концов не выдержал и оставил все как есть после того, как споткнулся о стопку «Психологических дайджестов», лежавшую на полу, развалив ее в неопрятную кучу. Несмотря на все его попытки навести порядок, кабинет все равно выглядел так, словно в нем взорвали гранату. Услышав шаги в коридоре, он поднял глаза и увидел стоявшую в дверях доктора Пуласки, которая, приподняв удивленно брови, смотрела на него.

— Почему бы тебе заодно не побрызгать одеколоном? — усмехнулась она. — Можно еще набросать на пол подушек, зажечь свечи и открыть бутылочку вина.

Редфилд покачал головой.

— Извини, Кейт, ты что-то хотела? Пуласки улыbnулась.

— Господи, Харлон, да я тебя насквозь вижу! Перед моим приходом ты никогда не убираешь кабинет.

— Потому что ты старая злобная тетка, и мне бы не хотелось чтобы ты тут болталась без дела, — раздраженно сказал Редфилд. — Теперь вали отсюда. Ко мне сейчас пациентка придет.

Она посерьезнела.

— Ты ходишь по лезвию, Харлон, нарушая профессиональную этику. Все знают, что ты неравнодушен к этой Треборн.

— Она не моя пациентка, — разозлился Редфилд. — Ее муж — мой пациент.

— Ага. И ты согласился принять ее без предварительной записи только потому, что ты хороший парень, даже несмотря на то что она не посещала этого беднягу уже больше года? И вообще, ты для нее слишком стар.

— Заткнись, Кейт. Иди, пугай параноиков или еще кого-нибудь. Ты мне мешаешь.

Пуласки хотела было что-то сказать, но писк интеркома прервал ее.

— Доктор, к вам миссис Андреа Треборн. Он нажал на кнопку ответа.

— Спасибо, Карен. Пусть проходит.

И, посмотрев на Пуласки строгим взглядом, сказал:

— А ты вали отсюда!

Его коллега закатила глаза и вышла, бросив через плечо:

— Что бы на это сказал Гиппократ?! Адекватный ответ доктору Пуласки был прерван

появлением Андреа. Редфилд тяжело сглотнул, встал и пожал ей руку.

— Как поживаете, миссис Треборн? Вы прекрасно выглядите...

— Зовите меня Андреа, пожалуйста.

— Да, конечно, Андреа, — он слегка ей улыбнулся, подумав, что комментарии Пуласки были близки к правде. — Вряд ли я могу сказать вам что-либо новое о Джейсоне. Его поведение...

— Речь не о моем муже, — перебила она. — Я хочу поговорить об Эване.

— О вашем сыне? — удивился доктор. — Сколько ему уже? Шесть?

— Семь. Я беспокоюсь о... — Андреа заколебалась. — Вот. Он это нарисовал, — она протянула доктору смятый рисунок. — Он говорит, что не помнит, как это сделал.

Доктор Редфилд надел очки и внимательно изучил рисунок.

— Неужели это нарисовал Эван? Так... э... подробно.

Андреа кивнула.

— И то же самое говорит его учительница. Я подумала, что, возможно, Эван унаследовал это от отца...

Редфилд услышал панические нотки в ее голосе и успокаивающе поднял руку.

— Подождите. Давайте не будем делать поспешных выводов. Если хотите, мы могли бы сделать несколько предварительных тестов, чтобы просто посмотреть, что к чему, — он заглянул в лежавший на столе блокнот. — Я вам вот что скажу. Привозите его ко мне сегодня вечером, и мы сделаем ему томографию.

Она выдавила из себя улыбку.

Спасибо, доктор. Вот уж не знаю, кто еще мог бы мне помочь.

Он тепло улыбнулся ей в ответ.

— Харлон. Зовите меня, пожалуйста, Харлон.

Прозвенел звонок, и Эван одним из первых радостно выбежал за ворота школы. Не важно, что завтра мама снова привезет его сюда. На сегодня уроки закончились.

Позади него пританцовывала Кейли, направлявшаяся к папиной машине.

— Увидимся завтра, Эван!

— О'кей, — помахал он ей в ответ, заскакивая в «тойоту» матери. Он пристегнулся быстрее, чем она успела ему что-либо сказать.

— Мы не поедem сразу домой, Эван. Сначала нам надо кое к кому заехать.

Эван пригнулся, когда машина рванула вперед.

— А как же Родительский вечер? Это все потому, что ты приходила в класс сегодня?

Андреа не сводила глаз с дороги.

— Вроде того. Но беспокоиться не о чем. Сам увидишь.

Мальчик какое-то время сидел молча. Затем с легкой дрожью в голосе он спросил:

— Это все из-за того рисунка, который не понравился миссис Босуэлл?

Мать не ответила сразу, но он настаивал:

— Из-за этого, да? Но я же сказал ей, что не рисовал этого!

Андреа фальшиво улыбнулась ему.

— Я знаю, малыш, но нам нужно поговорить об этом с доктором.

Весь оставшийся путь они проехали в неловкой тишине. Оба не знали, что сказать, чтобы продолжить разговор. Эван молчал до тех пор, пока они не подошли к дверям клиники.

— Мам, мне не нравится это место, — сказал он, оглядев мрачное здание. После захода солнца клиника выглядела злоеце. — У меня от него мурашки по коже. Обещаю, больше не буду рисовать плохие картинки.

— Все будет хорошо, — Андреа постаралась придать голосу как можно больше теплоты и легкости. — Доктор Редфилд просто даст тебе кое-какие тесты. Он тебе понравится.

Редфилд поприветствовал их в дверях кабинета и пожал мальчику руку. Он всегда старался завоевать доверие детей, обращаясь с ними как со взрослыми.

www.NataHaus.ru

— Здравствуй, Эван. Рад с тобой познакомиться, — он улыбнулся Андреа. — Мальчик такой же красавец, как и его отец.

От удивления Эван даже открыл рот.

— Вы знаете моего отца?

Андреа быстро ответила, прежде чем доктор смог что-либо сказать:

— Вот потому я тебя и привела сюда. У доктора Редфилда большой опыт работы с потерявшими память людьми.

— А что, мой папа тоже потерял память? — Эван пытался переварить информацию и добавить ее к смутному образу Джейсона Треборна, существовавшему у него в сознании.

Редфилд все понял и повел мальчика к дверям кабинета.

— Э... знаешь что, Эван, если твоя мама не против, я дам тебе несколько тестов. Ничего такого страшного, — улыбнувшись, добавил он.

Эван посмотрел на него взглядом, очень напомнившим Редфилду взгляд Пуласки.

— Ну, — признал доктор, — может, самую малость.

Сердце Андреа бешено колотилось, когда она смотрела, как ее сына укладывают на платформу перед массивным томографом. Они стояли рядом с настроивавшим аппарат техником и смотрели на Эвана через маленькое окошко.

— Ты в порядке, Эван? Тебе нельзя будет двигать головой, пока мы будем делать фотографии вот этой большой камерой. Больно не будет, — сказал в микрофон Редфилд.

— Мне страшно, — слабый голос Эвана заставил сердце Андреа сжаться.

— Не бойся, — сказал Редфилд. — Просто делай то, что я буду говорить, и представляй себя летящим на Марс космонавтом. Сможешь?

— Хорошо.

— Готово, — сказал техник.

Редфилд щелкнул переключателем интеркома.

— Крутите.

Большой агрегат, зажужжав, ожил и повернулся вокруг своей оси. Сканер медленно начал вращаться вокруг головы Эвана.

— Только пусть будет так, чтобы у моего сына не было болезни Джейсона... — взмолилась Андреа, глядя на работающую машину.

Доктор скрестил на груди руки.

— Послушайте, Андреа, я уверен, что тест не выявит никаких отклонений, но тем не менее вы все же можете сделать кое-что, что поможет и ему, и вам. Все просто, и никаких лекарств. Просто начните с ним вести дневник. Пусть он записывает все, что с ним происходит.

— И какой от этого толк?

Он посмотрел на сканер, когда машина начала сбавлять обороты.

— Мы обнаружили, что при потере памяти дневник с записями событий может быть очень полезен. Он нужен, чтобы подстегнуть память и проверить, сможет ли больной вспомнить что-нибудь.

Техник выключил сканер и кивнул доктору.

— Ну, вот мы и закончили. Результаты будут готовы к концу недели.

Андреа изо всех сил старалась сдержаться, чтобы не кинуться к Эвану сломя голову, ворвавшись в комнату для сканирования. Доктор Редфилд помог ему встать и потрепал по плечу.

— Ну и как прошло путешествие, космонавт?

Эван тряхнул головой, словно прогоняя назойливую муху.

— Одиноко и холодно. Земля мне нравится куда больше.

— Мне тоже, — сказала Андреа, взяв его за руку. — Пойдем-ка, съедим где-нибудь мороженого. Думаю, мы успеем это сделать до Родительского вечера.

— О'кей, — сказал Эван, и Андреа почувствовала, что ее напряжение немного ослабло.

Глава третья

Дневник был покрыт пластиковой, под мрамор, обложкой. Эван провел по ней пальцами. Мать уже окрестила дневник, написав на лицевой стороне черным маркером «7 лет». Она позволила сыну самому выбрать цвет тетради, и завитушки и линии на ее обложке заворожили мальчика. Они были похожи на маленькие реки, и на секунду ему почудилось, что он плывет по ним в микроскопической, не больше песчинки, лодке. В руке у него была шариковая ручка с пожеванным концом, которую он выудил из своего рюкзака.

Он вздохнул — все-таки то, что он собирался сделать, было важным — и, открыв дневник, написал в верхнем углу разлинованного листа спокойным и ровным почерком: «Меня зовут Эван Треборн. Это мой дневник».

— Это как если бы ты рассказывал кому-то историю о самом себе и о том, что ты делаешь, — сказала ему мама.

Поначалу он отнесся с подозрением ко всей этой затее, подумав, что это какой-то хитрый способ, придуманный миссис Босуэлл, чтобы заставить его выполнять домашнее задание, но мать все ему объяснила.

— Дневник — это что-то типа журнала о твоей жизни, — сказала она, когда они ели мороженое по пути из клиники. — И в будущем, когда ты станешь кем-то важным, у людей будет возможность его читать и знать, каким ты был в молодости.

Эван ухмыльнулся. Ему нравилась идея о том, чтобы оставить потомкам память о себе, вроде той временной капсулы, которую ребята из старших классов зарыли во дворе школы несколько лет назад.

— Мой дневник будет вроде тех костей динозавров, — сказал он, увлекаясь идеей, — и через несколько сотен лет кто-нибудь его выкопает!

Мама указала на него недоеденной вафлей.

— Ну вот, теперь-то ты понял!

Эван дописал до конца свое вступление и положил тетрадь на кухонный стол.

Он посмотрел на мать, но та была занята разговором по телефону. Посмотрев на первую страницу, он снова перечитал написанное им ранее, медленно шевеля губами:

«Сегодня мама бирет меня играть с Кейли и Томми. Там я встречу их отца и пасматрю на что похож настоящий Папа. Может в адин день я встречу своево Папу».

Одной рукой прижимая трубку к уху, а в другой держа коробку хлопьев, Андреа подошла к Эвану и улыбнулась. Она потрясла коробкой, и Эван подставил ей чашку.

— Да, все верно, — говорила она, стараясь не просыпать на стол хлопья. — Угу. Я очень признательна тебе за то, что ты согласился. Мне нужно разобраться со временем, и...

Эвану было слышно бормотание мужского голоса в телефонной трубке, но слов он разобрать не мог.

— Спасибо, Джордж. Я очень благодарна тебе за то, что ты за ним присмотришь. С ним не будет никаких проблем.

Эван почувствовал, как мокрый язык лизнул его ногу, и хихикнул. Из-под стула показалась мордочка Крокета, который с любопытством на него посмотрел. Аккуратно выловив из чашки с хлопьями все мармеладки в форме кленовых листочков, он протянул их псу на ладони. Крокет облизнулся: для него это был ежедневный ритуал, к которому он привык.

— Держи, — Эван начал кидать мармелад на пол. — Съешь их все, и будет тебе удача, Крокет.

Андреа, прикрыв трубку рукой, прикрикнула на него:

— Эван! Я что тебе говорила? Нельзя кормить собаку со стола.

Мальчик пожал плечами, но ее внимание снова переключилось на телефонного собеседника.

— Да, спасибо. Отлично. Скоро увидимся. Она повесила трубку, посмотрев на Эвана с притворной серьезностью.

www.NataHaus.ru

— Из-за тебя Крокет растолстеет, ты понимаешь это?

— Но они ему нравятся, — ответил он, плеснув себе в хлопья еще молока.

Она покачала головой.

— О'кей, о'кей, только не давай ему больше, не то его стошнит.

Посмотрев вокруг, Андреа нахмурилась.

— Эван, ты не видел мою записную книжку?

— Она в гостиной, — ответил он с набитым хлопьями ртом.

— Поторопись. Доедай быстрее, — сказала Андреа, проходя в гостиную. — Обувайся и поехали.

Она кивнула сама себе, обнаружив сумочку на кофейном столике, и, схватив ее, стала в ней рыться в поисках ключей от машины.

— Эван, ты меня слышишь? Вернувшись в кухню, Андреа удивленно вскрикнула. Сумочка и ключи упали из ее рук на пол.

Ее сын смотрел на нее пустым взглядом. Его лицо было ничего не выражающей маской, уродливой и вялой, словно кожу плохо натянули на череп. Глаза его, обычно живые и блестящие, напоминали два болотца с черной водой, казались пустыми и стеклянными, как у акулы.

Она позвала его, но он не реагировал. Андреа почувствовала, как похолодели щеки, словно из нее уходила жизнь. Маленькие детские пальцы ее сына крепко охватывали ручку самого большого кухонного ножа, которым она обычно разделявала мясо. Лезвие сверкнуло на солнце. Ее завтрак подскочил к горлу. Она снова вспомнила тот ужасный рисунок, изувеченные тела и кровь, и ненавидящий, нечеловеческий взгляд. Кое-как она нашла в себе силы заговорить:

— Эван! Ч-что ты делаешь?!

В этот момент словно кто-то повернул переключатель в голове мальчика. В одну секунду он ожил, взгляд снова стал осмысленным. Его будто подтолкнули, и в испуге он уронил нож на пол. Лезвие ножа попало между двух кафельных плиток и застряло.

— Что случилось? — спросил Эван. Его глаза блестели от страха и смущения. — Мама?

Андреа шагнула к нему.

— Дорогой? — она старалась как могла, чтобы ее голос звучал ровно. — Что ты с этим делал?

По щекам Эвана покатались слезы.

— Я... я не помню...

Он бросился к ней и обнял, отчаянно нуждаясь в материнской поддержке. Андреа собрала всю свою волю в кулак, чтобы не отшатнуться от него, и обняла сына. Пока он плакал у нее на плече, она смотрела, как Крокет подошел к ножу и, обнюхав его, заворчал.

До самого дома Миллеров они ехали молча, единодушно решив, что не будут пока обсуждать эпизод с ножом.

Дом Кейли и Томми был намного больше их дома, в основном благодаря тому, что Миллер сколотил себе приличное состояние на бирже. Он удачно вложил деньги в акции нескольких компьютерных компаний, которые стали ведущими в Силиконовой долине¹, и теперь без проблем содержал двух детей и выплачивал алименты бывшей жене. По сравнению с домиком Андреа и Эвана, с двумя спальнями и крошечным двориком, Дом Миллеров казался дворцом.

Джордж Миллер радостно помахал рукой подъезжавшей «тойоте» Андреа. Однажды он уже приглашал ее на чашечку кофе, но Андреа отклонила приглашение. Она считала его видным мужчиной, легким в общении и подтянутым, но он был не в ее вкусе, хотя многим

¹ Силиконовая (Кремниевая) долина — район в штате Калифорния, США, центр развития компьютерных технологий и электронной промышленности

женщинам ее возраста нравился. Андреа не знала, из-за чего именно распался его брак, но что бы там у него ни случилось с Эллис, этого было достаточно для того, чтобы она уехала во Флориду, оставив детей с Джорджем. Это не слишком укладывалось в голове Андреа: она считала, что никакая мать не может отказаться от своих детей.

Она посмотрела на Эвана, который все еще пребывал в слегка подавленном состоянии, и почувствовала приступ нежности к нему. Что бы с ним ни происходило, молча поклялась она сама себе, мы с этим справимся.

Улыбающийся Джордж открыл дверцу машины со стороны Эвана.

— Привет, Андреа. Привет и тебе, молодой человек.

Эван невнятно поздоровался, выходя из «тойоты».

— Большое спасибо тебе, Джордж, — сказала Андреа, возясь с фломастером и бумажкой. — Это номер моего рабочего телефона. Просто так, на всякий случай, если вдруг возникнут проблемы...

Джордж взял бумажку и хохотнул.

— Ты шутишь? Да мы прекрасно проведем время, правда, Эван?

Мальчик не ответил.

— Хорошо... — Андреа послала сыну воздушный поцелуй. — Мне нужно ехать. Увидимся позже, Эван. — И, помахав ему на прощание, она уехала.

Вздыхнув, Эван осмотрелся. Мистер Миллер, поглядев на него сверху вниз, поднял брови.

— Ну что же, входи.

Эван инстинктивно взял его за руку: так он делал всегда, когда находился в обществе дружелюбно настроенных взрослых. Их пальцы на секунду встретились, и мистер Миллер отдернул руку, словно от укуса. Он фальшиво засмеялся, пытаясь разрядить возникшую неловкую паузу.

— Ждешь особого приглашения? Дети внутри.

Эван смутился, увидев, как покраснел мистер Миллер. Он видел по телевизору передачу о людях, которые боялись микробов. Им не нравилось, когда кто-то их касался, и Эван решил, что мистер Миллер один из них. Он вытер руки о джинсы и вошел в дом. Возможно, если он будет чище, то понравится мистеру Миллеру.

Гостиная была больше обеих комнат дома Эвана, в углу стоял огромный телевизор, от которого шло множество проводов. К нему была подключена игровая приставка, вокруг которой лежало множество дисков с новейшими играми. При других обстоятельствах внимание Эвана было бы тот же час занято этой видеоигрой, но сейчас его взгляд был прикован к Кейли, впорхнувшей в гостиную, словно маленькая балерина.

На ней был костюм для детских утренников: длинное розовое платье с прозрачным шлейфом и остроконечная шляпка.

— Ух ты! — восхитился Эван. — Ты как принцесса из сказки.

Кейли сделала сложный книксен.

— А знаешь что, Эван? — ее прямо-таки распирало от восторга, который начал передаваться и ему. — Папа купил видеокамеру и будет снимать с нами кино! — Она помахала пакетом, который был у нее в руках. — У нас тут и для тебя есть костюм!

Вслед за ней вошел Томми, также одетый в средневековый костюм, с болтающейся на ремне шпагой.

— Не думаю, что Эван тоже будет в... — начал было он. В его глазах блеснула злость.

Кейли повернулась к нему, уперев руки в бедра.

— Перестань, Томми, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал как у королевы. — Эван будет Робин Гуд, а я — дева Марианна. А ты будешь шерифом Ноттингемским!

— Я хотел быть плохим парнем! — возмутился Томми.

Его сестра скривилась.

— Ты и есть, глупенький. Он плохой шериф.

Такой ответ удовлетворил Томми, и, вытащив шпагу, он сделал несколько пробных выпадов.

Волоча за собой провода, в комнату вошел мистер Миллер. На одном плече он нес тяжелую видеокамеру, держа штатив в правой руке, а стакан с виски с позвякивающими в нем кубиками льда — в левой. Сложив оборудование на пол, он отпил из стакана.

— Вот и я.

Эван с интересом смотрел, как отец Кейли распаковывал камеру и устанавливал ее на штатив.

— Я никогда раньше не видел видеокамеру, — сказал Эван и потянулся к ней рукой.

— Не тронь! — рявкнул на него мистер Миллер, и Эван испуганно отдернул руку. — Она дорогая!

Эван услышал, как сзади довольно хихикнул Томми. Мистер Миллер поставил в видеомагнитофон кассету и улыбнулся.

— Свет, камера, мотор!

— А мы правда будем в фильме? — спросил Эван.

— Конечно. И ты будешь кинозвездой! — подмигнул ему Миллер, и Эван широко улыбнулся.

Томми нахмурился.

— Но я думал, что я буду кинозвездой...

Мистер Миллер бросил на сына ядовитый взгляд.

— Заткнись, кретин, — сквозь зубы сказал он и, повернувшись к Эвану, снова заулыбался. — А теперь, Эван, надевай свой костюм. И поклянись мне, что это будет нашим маленьким секретом.

Мистер Миллер осушил свой стакан и посмотрел в глазок камеры.

— Думаешь, ты сможешь?

Кейли ободряюще кивнула Эвану, и он поднял вверх обе руки, показывая, что согласен. Мистер Миллер хищнически улыбнулся, оставив пустой стакан, и стал помогать Эвану переодеваться...

Внезапно желудок Эвана подпрыгнул вверх, и мальчик едва не упал. Его охватила паника. Секунду назад они были в гостиной, а теперь находились в каком-то незнакомом месте, в подвале, таком же, какой был у его дяди Питера в Нью-Джерси.

— Где я? — жалобным голосом спросил он. — Что случилось?

Его взгляд метался по комнате. Кейли сидела на полу рядом с камином. Ее костюм был наполовину расстегнут, а смятая шляпка лежала у лестницы. Лицо Кейли казалось измученным и бледным. Джордж Миллер стоял в нескольких футах от мальчика и придерживал камеру, словно опасался, что Эван ее сейчас перевернет, набросившись на него. Эван потряс головой, словно это как-то могло помочь понять происходящее.

— Где мы находимся? — Внутри он дрожал от напряжения, напуганный столь резким перемещением. — Мистер Миллер, пожалуйста! — Он понял, что его вещи разбросаны по всей комнате, и забегал, собирая их.

Отец Кейли моргнул.

— Успокойся, парень, — он выглядел таким же смущенным, как и дети. — Стой спокойно.

— Я только что был где-то еще... — Эван тяжело дышал. — Как я сюда попал?

— Перестань прикидываться идиотом, не то я позвоню твоей матери и расскажу ей, как ты себя здесь вел, маленький говнюк! — прошипел мистер Миллер со злостью в голосе.

Этой угрозы было достаточно для того, чтобы Эван остановился и посмотрел на Кейли. Она сидела не двигаясь и глядела в пол.

— Кейли, что случилось? — спросил он девочку.

Она, ничего не ответив, начала натягивать на себя платье. Эван опустился на ступеньку ведущей наверх лестницы и закрыл глаза. Стоя наверху, у входа в подвал, Томми смотрел вниз. В руках у него была одна из кукол Кейли. С тупой и бездумной жестокостью он крутил

ей голову, пытаюсь свернуть шею.

></emphasis>

— Хотите чего-нибудь? — спросил доктор Редфилд. — Чашку кофе или, может, травяного чая? У меня есть...

Андреа покачала головой.

— Нет, спасибо. Может, у вас есть сигарета?

Редфилд замялся.

— Э-э-э, нет. Нет, я не курю. Извините. Она попыталась улыбнуться, но у нее это плохо получилось.

— Не извиняйтесь. Я тоже не курю, по крайней мере с тех пор, как родился Эван. Но сейчас я настолько заведена после того, что случилось, после очередного провала памяти в доме Джорджа, что просто... — ее голос сел.

— Вряд ли это можно назвать хорошим способом снять напряжение, — сказал доктор. — Хотя я понимаю, что вам пришлось нелегко.

Андреа переплела пальцы рук, чтобы они не дрожали.

— Так что вы хотели мне рассказать? — У нее не было сил даже говорить.

— Я покажу вам, — Редфилд включил экран на стене кабинета. — Это томография Эвана. Хорошая новость — все результаты на сто процентов отрицательные. Не видно никаких повреждений, опухолей или кровоизлияний...

— А плохая? — перебила Андреа его. Ей не терпелось узнать всю правду. Доктор вздохнул.

— К сожалению, здесь нет физической проблемы, с которой нам надо было бы работать, а это значит, что придется иметь дело с проблемами психологического порядка. Теперь будет намного сложнее играть в детективов.

Андреа смотрела на томографические снимки, словно ожидая, что ответ на все вопросы вот-вот выпрыгнет на поверхность, подобно трехмерной картинке, из тех, что продаются в универсамах.

— Но хоть что-то у вас должно быть? Что-нибудь, с чего можно было бы начать лечение. Маленький мальчик не может вот так вот просто терять память без всякой причины!

— Почти наверняка его затмения вызваны стрессом.

— Но ведь ему только семь лет! — удивленно воскликнула Андреа. — И какой же у него в таком возрасте может быть стресс, интересно?

— Множество. Кто знает? Возможно, у него проблемы из-за отсутствия авторитета отца в его жизни. Вы ведь сказали, что последний провал у него случился, когда он был с отцом его друзей? Андреа покачала головой.

— Да ладно вам, доктор. Я сомневаюсь, что все так просто.

Редфилд едва заметно усмехнулся.

— Вы будете удивлены, узнав, насколько часто простые вещи служат ответом на решение проблемы.

— Вы правда так считаете? — она все еще колебалась. — Вы знаете, он меня постоянно просит отвести его к отцу, но я ему всегда отказывала. Он не видел Джейсона с четырехлетнего возраста.

— С тех пор, как ваш муж был госпитализирован, — кивнул доктор. — Вы знаете, мне кажется, стоит попробовать. Я мог бы организовать контролируемую встречу Эвана с его отцом здесь, в клинике. Я дам Джейсону успокоительных таблеток и позову охрану для дополнительной защиты. Вы и я — мы могли бы наблюдать за ними через маленькое окно в соседней комнате, — он взял со стола ежедневник и полистал его. — Вы могли бы устроить короткую встречу для Эвана, и, если повезет, это поможет ему избавиться от комплексов, связанных с отцом.

Впервые в душе Андреа появился проблеск надежды.

— Когда можно будет это сделать?

— Как насчет следующей недели? Пятнадцатого?

Глава четвертая

Накрахмаленный воротничок рубашки царапал и натирал шею. Эван потянул его, стараясь немного ослабить давление, и заерзал, сидя на переднем сиденье «тойоты». Он потел от волнения, даже несмотря на то что недавно прошел дождь и день был довольно прохладным. Андреа шикнула на него, и он насупился. Они проехали мимо строящегося кинотеатра вверх по дороге, к клинике Саннивейла.

Эван смотрел на свое отражение в окне машины. Его волосы были причесаны и уложены, он был одет в лучший воскресный костюм. Он надеялся, что отцу будет приятно видеть его таким. Андреа выглядела куда скромнее. Эван сам настоял на том, чтобы мать одела его именно так. Он нетерпеливо побарабанил по своему дневнику пальцами. В последнее время эта тетрадь стала его постоянным спутником. В ней он не только записывал свои мысли, но и рисовал или составлял списки дел. Эван также вклеил в нее дубовый лист, неиспользованный автобусный билет, обертки от жевательной резинки, разместив их вокруг набросков не то странноватого вида жуков, не то космических кораблей.

Эван открыл тетрадь на чистой странице и, достав ручку, начал писать, аккуратно и медленно выводя буквы:

«15 апреля. Сегодня я паеду к моему отцу. Его зовут Джейсон и он сумашетший. Надеюсь он разрешит мне называть его Папа».

Надев колпачок на ручку, он снова перечитал написанное и задумался о своем отце. У мамы было несколько способов говорить о Джейсоне — в тех редких случаях, когда она вообще о нем говорила, — и каждый раз она объясняла, что с ним было не так, по-разному. Он не был психом — ему нездоровилось. Он не был придурком — он был болен, и так далее. Эван помнил, как Томми, где-то узнав о болезни Джейсона, стал доставать его, дразня «психом» и «сыном ненормального». Андреа жестко поговорила с Эллис Миллер об этом, хотя, когда Эллис переехала в другой штат, подросток Томми нашел множество других вещей, над которыми можно было поглумиться. Но Эвана никогда особенно не беспокоило состояние отца. Он принял его с детской невинной логикой: Джейсон был сумасшедшим, и его держали в больнице, но это не значило, что Эван любит его меньше.

«Тойота», дернувшись, остановилась, и Эван поднял глаза.

— Приехали? Мать кивнула.

— Ты готов? Если тебе не хочется проходить через все это, мы просто можем развернуться и поехать домой. Каким бы ни было твое решение, Эван, оно меня не расстроит.

Она старалась, чтобы ее голос звучал нейтрально, но почувствовала, что в него прокралось нетерпение. В какой-то момент ей показалось, что он откажется, но, посмотрев на нее взглядом, в котором читались радость пополам с трепетом, он сказал:

— Я хочу его видеть, мам. Я хочу увидеть своего папу.

— Ну, тогда пойдем.

Эван не знал, брать ли ему дневник с собой или оставить в машине. Нет, не сейчас, решил он. Подождем, пока дневник не будет исписан полностью. Тогда я отдам его папе, и он сможет прочитать обо мне все.

Доктор Редфилд в развевающемся халате вел их по коридорам клиники, и Андреа крепко сжимала руку сына.

— Сюда, — сказал доктор, указывая вперед.

Андреа думала, что разобралась с чувствами к Джейсону, но чем ближе она подъезжала к больнице, тем сильнее билось ее сердце. Она поняла, что хочет увидеть его и сказать ему, как его любит. О том, как иногда плачет по ночам при мысли, что их семейное счастье было у них украдено. Ей хотелось обрушиться на него с упреками в том, что он был таким слабым

и больным, оставил ее одну воспитывать сына. Удивительно, как один человек мог вызывать у нее столько любви и злости одновременно.

Но кроме всего этого, ей было страшно. Андреа боялась, что сын унаследует безумие своего отца, что при встрече Эван может заразиться безумием. Все эти мысли и чувства пронеслись внутри нее ураганом противоречий. Почти физическим усилием воли она успокоила бурю эмоций и осторожно улыбнулась Эвану. Ради него она должна быть сильной.

Энтузиазм ее сына испарялся. Она почувствовала, как сжались его пальцы. Запахи дезинфицирующих средств смешивались с запахом мочи и еще чего-то неопределенного.

В коридоре находилось несколько пациентов: девушка, крутившая кубик Рубика с закрытыми глазами, средних лет мужчина, ходивший по кругу, и неказистый парень с белобрысой щетиной на подбородке, смотревший на них, словно они были его заклятые враги.

Двери были через каждые несколько шагов, и из-за этих дверей доносились крики, вопли и смех.

Редфилд смущенно улыбнулся.

— Обычно мы не ходим этим путем, но главный коридор реставрируется...

Пронзительный вопль прервал его. Эван, моргнув, спросил:

— Что это было?

— Некоторые из наших жильцов любят пошуметь, — ответил доктор, словно говорил о беспокойных соседях.

— И папа здесь... живет? — в голосе мальчика был страх.

Редфилд покачал головой.

— Не в этом крыле. Здесь мы присматриваем за э... особыми пациентами.

Андреа, наклонившись к Эвану, сказала:

— Папа, возможно, покажется тебе немного сонным, но это из-за лекарств, поэтому не беспокойся, ладно?

— Ладно, — эхом откликнулся Эван. Они прошли еще один коридор, и Редфилд провел их в приемную, на двери которой было написано: «Наблюдение». На одной стене приемной было большое окно, через него можно было наблюдать за происходящим в соседней комнате, где из мебели были только стол и пара металлических стульев. Часы, закрытые проволочной сеткой, висели на дальней стене и обозревали пустую комнату, словно страж. Это напомнило Эвану камеры для допросов преступников в полицейских участках, которые он видел в кино.

На столе в приемной находилась металлическая панель с кнопками.

— А это для чего? — спросил Эван.

— Это чтобы я мог позвать кого-нибудь, если мне вдруг понадобится помощь, — Редфилд облизнул губы. — Если вдруг кому-то станет плохо или с кем-то случится приступ.

— О, — Эван не выглядел убежденным.

Андреа оглядела комнату, потом посмотрела на стул, который ей придвинул мистер Редфилд.

— Вы хотите, чтобы я осталась здесь, с вами?

— Да, — ответил Редфилд. — На этой стадии присутствие вас двоих сразу преждевременно, как мне кажется. Для начала мы позволим Джейсону пообщаться с Эваном наедине.

Поколебавшись, она села. Втайне она была даже рада, что ей не придется смотреть в глаза Джейсону, хотя и ненавидела себя за эту мысль.

Доктор открыл дверь в соседнюю комнату и жестом пригласил Эвана сесть на один из стульев.

— Посиди, Эван, твой отец придет с минуты на минуту.

Эван послушно сел и, повернувшись, увидел, как за Редфилдом с лязгом захлопнулась дверь. Эван посмотрел на окно: с этой стороны оно было тусклым и непрозрачным.

Наклонившись вперед, он попытался придвинуть стул поближе к столу, но тот не двигался. Каждый предмет мебели в этой комнате был прикручен к полу болтами.

Время, казалось, растянулось до бесконечности, и Эван слушал ровное тиканье часов и смотрел на дверь. Слабый свет флуоресцентной лампы придавал еще больше холода и безжизненности всему, что находилось в комнате.

Казалось, прошла целая вечность, наконец, за мутным стеклом мелькнула тень, и дверь открылась.

Эван не видел отца несколько лет и понимал, что Джейсон будет выглядеть старше по сравнению с тем, каким он его помнил, но абсолютно не был готов к виду мужчины, вошедшего в комнату.

Тот был одет в светло-голубую пижаму, на ногах — большие шлепанцы. Джейсон подошел к столу медленной, вялой походкой. Эван помнил отца сильным, мускулистым мужчиной, жизненным, и стоявший сейчас перед ним никак не вписывался в этот образ Джейсона Треборна. Это был не тот человек, который когда-то подбрасывал его в воздух или сажал на карусельную лошадку сильными заботливыми руками. Сейчас отец Эвана выглядел измученным и одутловатым, словно жизнь, которую он так любил, была из него высосана. Глаза его странно блестели. Эван думал о том, что сказала ему мать насчет каких-то «лекарств». Вероятно, из-за них Джейсон такой вялый. Он казался ужасно старым и усталым, хотя, несмотря на это, все же излучал теплоту. Джейсон сел напротив сына и осторожно коснулся его руки. Эван вздрогнул, отчего наручники на руках отца звякнули.

— Здравствуй, Эван. Рад тебя видеть.

— Привет, п-пап.

— Не бойся, — голос отца был тихим. — Я не кусаюсь.

Он улыбнулся, и Эван улыбнулся в ответ.

— Ты видел мои фотографии? Помнишь меня?

Эван кивнул. Его уверенность постепенно возвращалась, и ему хотелось развеять 66 возможные страхи Джейсона насчет того, что его забыли.

— У нас много твоих фотографий. Мама говорит, что у меня твои глаза.

А потом неожиданно мир Эвана опрокинулся, и он захрипел. Не было никакого перехода или ощутимого движения, но комната вдруг оказалась перевернутой. Зрение затуманилось, но все же мальчик увидел, как отец склонился над ним.

Спокойное усталое выражение лица Джейсона исчезло, сменившись злобой и яростью. Его большое тело содрогалось от бешенства, а Эван задыхался и хрипел. Руки отца сжимали его горло, а металлическая цепь наручников вдавливала колючий ворот в нежную кожу шеи. Кто-то колотил в дверь, звенел сигнал тревоги, звуки доносились словно издалека. Проваливаясь в мягкую темноту, Эван почувствовал на лице слюну отца, когда тот прорычал сквозь зубы:

— Я... тебя... люблю...

Внезапно какая-то белая тень бросилась на Джейсона Треборна, и он отлетел к стене. Эван попытался поднять голову, но мышцы шеи не слушались. Он почувствовал запах маминых духов, когда она схватила его и стащила со стола.

— Маххх... — пробормотал Эван, когда она оттащила его в угол.

Каждый из двух санитаров был раза в два сильнее Джейсона, но оба по прежнему опыту знали, что заключенные клиники Саннвейла компенсировали недостаток силы другими приемами. Один из них просунул под подбородок Джейсона полицейскую дубинку и потянул на себя, пытаясь удержать его, а другой обхватил его туловище.

Сердце Андреа затрепетало, когда она встретилась глазами с Джейсоном: в них были страх и паника, а не намерение совершить убийство, которое она ожидала увидеть.

— Он должен умереть! — крикнул истерично и пронзительно Джейсон. — Ты не понимаешь! Он все уничтожит! Это единственный путь остановить...

Дернувшись, Джейсон ударил головой одного из санитаров и, схватив дубинку, вырвал ее. Не мешкая, он ударил другого санитаря по коленной чашечке и свалил его. Потом снова

бросился на сына и занес над головой дубинку. Андреа закричала.

Второй санитар ударил его по почкам, и Джейсон вскрикнул. Охранник нанес еще удар — на этот раз по затылку. Джейсон покачнулся, но устоял и снова попытался достать Эвана.

— Остановите его! — прорезал воздух крик Редфилда. — Сейчас же остановите его!

Санитар вскинул руку, и на этот раз тяжелая дубинка ударила Джейсона по макушке. Раздался хруст кости, и ноги Джейсона подкосились. Он рухнул на пол, как срубленное дерево.

Андреа крепко прижала к себе Эвана и закрыла его своим пальто. Она раскачивалась с ним, приговаривая:

— Прости, Эван... мне так жаль... Сквозь пальцы Андреа, закрывающие ему глаза, Эван видел отца. Глаза Джейсона смотрели в пустоту, не моргая. Из носа и ушей текла кровь, собираясь в маленькое озерцо вокруг головы.

— Прости, — плакала Андреа. — Прости меня...

</emphasi>

Смерть Джейсона не затронула практически никого, кроме его жены и сына, и поэтому на похоронах было очень мало людей. Большинство из них пришли на кладбище не потому, что знали покойного, но для того, чтобы предложить свою помощь Эвану и Андреа в трудное для них время.

Андреа была очень благодарна за это. Несмотря на то, что за эти годы у нее было много разногласий с соседями, почти все пришли на похороны или прислали цветы и визитные карточки. Она старалась не давать волю слезам, когда гроб с телом Джейсона опускали в могилу.

Эван смотрел на прямоугольный ящик, пытаясь связать его с мужчиной, который был его отцом. Был человек, его отец, сумасшедший из клиники, — а теперь этот гроб. Как ни пытался Эван, но воображение семилетнего ребенка не позволяло ему понять происходящее. Ему казалось, что отец ушел давным-давно, а тот человек в госпитале был кем угодно, но не Джейсоном Треборном.

Священник читал над могилой Библию.

— Прах к праху — пепел к пеплу...

Эван отвернулся и увидел стоящую позади Кейли. Она тепло улыбнулась ему, и на какой-то момент эта улыбка немного согрела холодную пустоту внутри него.

Миссис Халперн что-то прошептала на ухо матери, и та кивнула, промокнув платочком глаза. Эван ощущал себя отдельно от происходящего; доктор Редфилд разговаривал с ним несколько раз после того ужасного визита в клинику и сказал, что было бы хорошо, если бы он поплакал. Никто бы не посмотрел на него косо. Но Эван не пролил ни слезинки и вместо этого стоял и слушал священника до тех пор, пока, наконец, похороны не закончились и люди не начали расходиться.

Рядом с ним появилась Кейли, и ее рука нашла его руку. Тепло прикосновения растопило ледяной холод внутри него, и мальчик судорожно вздохнул.

— Так для тебя будет лучше, — прошептала она ему на ухо.

— Как это? — не понял Эван.

Она бросила взгляд в сторону отца и Томми, которые стояли у машины, нетерпеливо ожидая ее.

— Отец. Тебе будет лучше без него.

Мистер Миллер раздраженно растоптал сигарету и посмотрел на часы.

Эван не заметил, когда Кейли ушла. В чувство его привел отдаленный раскат грома.

— Пойдем, малыш, — сказала мать печально. — Нам пора.

Эван смотрел на остающиеся позади мобильные камни, серые монолиты и статуи и завораживающе пульсирующие проблески света меж ними. Открытая могила его отца исчезала из виду, оставаясь позади за лесом мрамора и камня.

Когда он перевел взгляд на небо, то почувствовал, как внутри что-то сломалось. Медленно, против его желания, непрошенные слезы покатались по щекам.

></emphasis>

В тот день мое детство кончилось. Прежде я чувствовал, что в моей жизни присутствовали невинность и радость, как вы бы это назвали. Но с той поры они исчезли, словно их похоронили вместе с моим отцом.

Я изменился. Мы все изменились. Смерть меняет семью, даже такую, как наша, где отец отсутствовал столько времени, что мог бы давно считаться мертвым. Для меня и мамы самым тяжелым была беспощадная жестокость этой смерти. Мы видели, как он умер там, на полу больничной комнаты для свиданий. Мы слышали хруст его черепа. И кровь. Я никогда не забуду запаха крови моего отца.

Доктор Редфилд посоветовал матери, чтобы я регулярно его посещал, и около года так и было. Я исправно делал то, что мне говорили, но не потому, что так хотелось, а потому, что я понимал, как это важно для моей матери.

Редфилд спрашивал меня о моих снах, о моих рисунках, о моем дневнике. За несколько месяцев я не написал ни строчки, до того самого утра, когда получил «валентинку» от Кейли, когда понял, что обязан доверить это бумаге. Я взял тетрадь, словно и не было этих месяцев, и начал писать. Я записал в нее все, что произошло со мной за это время. Редфилд сказал матери, что это была моя реакция на смерть отца. Мол, таким образом, я пытался удостовериться в том, что после смерти я что-то после себя оставляю. Лично я так не думаю. Может, он и был прав, но мне хотелось писать по другой причине. Тогда мне казалось, что если бы я этого не написал, то ничего не произошло бы на самом деле. Я сказал обо всем матери, и она рассмеялась, что случалось с ней очень редко в эти дни.

— Знаешь, что ты делаешь? — спросила она меня. — Ты переписываешь историю, делаешь прошлое таким, каким тебе его хотелось бы видеть.

Потом она стала серьезной.

— Вообще-то это хорошая идея, Эван, но она никогда не срабатывает. В конце концов, история победит. Ты не можешь ее изменить только потому, что она тебе не нравится.

Мы оба знали, что это значит, но я продолжал писать, и призраки моих воспоминаний об отце и о тех ужасных событиях в клинике с каждым годом становились все слабее. Я успокаивал себя тем, что никогда больше не увижу его измученным и старым, таким, каким увидел его тогда, в больнице.

Я ошибался.

Глава пятая

Воздух в подвале дома Миллеров был спертым и горячим от жары яркого летнего дня и клубов сигаретного дыма. Ленни обнаружил, что если встать на старое кресло в углу и подняться на носочках, то можно наблюдать за лужайкой перед домом, на которой под струями искусственного дождя, льющимися из шипящего распылителя, блестела свежескошенная трава. Он повернул голову, осматривая подъездную дорожку, на которой стояла газонокосилка «Торо».

— Твоего отца пока не видно, — сказал он, чуть покачнувшись на кресле.

— Отлично, — сказал Томми. — А теперь слезай оттуда, пока кресло не сломал, толстожопый.

Ленни насупился и снова посмотрел в окно.

— Ты оставил газонокосилку на дороге.

— Я знаю! — Томми раздраженно посмотрел на него. — Если отец приедет, то затормозит перед ней, и мы услышим его! Ты *что*, идиот?

Ленни спустился с кресла, кусая губу, и отвернулся. Эван и Кейли сидели рядом на

убогом диване около камина. Она рылась в своей сумке, в то время как Эван что-то рисовал в своей записной книжке. Ленни подавил острый приступ тоскливой ревности, глядя на них. Эван был самым клевым парнем из всех, кого он знал. Он был умным, взрослым, симпатичным, и, самое главное, он был объектом симпатий Кейли. Несмотря на то что Эван был его самым старым и лучшим другом, какая-то часть Ленни обижалась и даже ненавидела Эвана за это. О, конечно, Ленни знал, что он тоже нравился Кейли, но не так, как Эван. Эван был мистером Крутым, а Ленни... Он никогда не станет больше, чем просто Ленни. Толстожопый Ленни с его хриплым дыханием астматика и неуклюжими манерами.

Кейли и Эван. Все было ясно как день, и каждый раз мысль об этом ранила Ленни все сильнее. Иногда ему хотелось просто убежать, но это было не так-то легко сделать. Они выросли вместе — Ленни, Эван, Кейли и Томми, — а теперь им было по тринадцать. Начало юности, когда детство остается позади. Больше всего Ленни боялся, что в один прекрасный день Кейли уедет с Эваном. И от этой мысли ему становилось невмоготу. Самое неприятное — это то, что Эван всегда хорошо к нему относился. Он никогда его не высмеивал и часто заступался за него, когда другие дети доставали его в школе.

Иногда Ленни спрашивал себя, видит ли Кейли все это в его глазах? Видит ли она то, что он чувствует по отношению к ней? Видит ли она то, о чем он постоянно мечтает? Было ли это так явно? Неужели она не замечает, как он ей предан? Иначе какого черта он был бы с ними, постоянно терпя насмешки Томми, если не из-за нее?

Он вздохнул и почти физическим усилием отмел эти мысли.

— Что рисуешь? — спросил он у Эвана.

— Погляди. — Эван выпустил клуб сигаретного дыма и стряхнул пепел в пустую банку колы.

На рисунке была неумело нарисована улыбающаяся Кейли. Ее волосы, неопрятные и прямые в реальности, на рисунке были пышными.

— Она прекрасна, да?

Кейли хихикнула, и Ленни подавил желание попросить Эвана отдать рисунок ему.

— Подержи-ка, — Эван протянул ему книжку. Ленни взял ее так, словно это была священная реликвия.

Кейли достала из сумки слегка мятую сигарету, которую стянула у последней подружки Джорджа Миллера, и поднесла к губам. Эван чиркнул о ноготь спичкой и легким движением руки дал ей прикурить. Ленни, нахмурившись, вернул ему дневник. Эвану нравилось выпендриваться. Такие жесты делали его похожим на кинозвезду.

Эван искоса посмотрел на брата Кейли.

— Томми, я тут с тобой подохну от скуки. Что ты там возишься? — он притворно зевнул, подчеркивая сказанное.

Томми копался в старом армейском шкафчике отца, выискивая что-то, о чем знал только он. Не высовывая голову из шкафа, он показал Эвану средний палец.

— Придержи коней, чувак. Это должно быть где-то здесь. Я видел, когда был маленьким...

Пенни вдохнул выпущенный Эваном дым и закашлялся. Он ненавидел сигареты: сигаретный дым обострял его астму. Это было еще одним маленьким унижением, которое он терпел ради того, чтобы быть рядом с Кейли. Какого черта она вообще их курит? Хотя он знал ответ: потому что их курили Эван и Томми. Ленни повернулся к Томми именно в тот момент, когда тот швырнул в него чем-то. Толстый журнал шлепнул его по лицу, и он неловко подхватил его. Глянцевые страницы открылись, демонстрируя большие груди девиц.

— Нравятся голые девочки, а? — издевательски спросил Томми и лающе засмеялся, увидев, как Ленни покраснел. — В любом случае лучше дурацких рисунков Эвана.

— Убери эту дрянь, — сказала Кейли. — Это журнал для извращенцев.

Ленни немедленно бросил журнал в угол, чтобы не расстраивать ее.

— Да я... я просто... э... — его щеки горели от стыда.

Кейли, казалось, не заметила его смущения, ткнув в сторону Томми сигаретой,

тлеющий кончик которой танцевал в полумраке, словно светлячок.

— Нам пора уходить отсюда. Папа нас убьет, если поймает с сигаретой.

— Пошли, — сказал Эван, вставая. — Мне здесь в любом случае не нравится.

Он не мог понять почему, но дом Миллеров всегда его напрягал, а в подвале, с его тусклой лампочкой и некрашеными стенами, он ощущал нечто близкое к клаустрофобии. Каждый раз, когда он сюда спускался, какое-то смутное, неприятное, похожее на полузабытый кошмар чувство овладевало им.

Врат Кейли продолжал копаться в шкафчике, выбрасывая из него то старые ботинки, то ржавый инструмент.

— Черт, где же она?

— Томми? — позвал Ленни, остановившись, чтобы подождать его.

— Еще одну минуту, ты, чертов идиот! — Что-то гроыхнуло, и Томми вылез из шкафа, ухмыляясь. — Нашел! — В руке у него была старая армейская фляжка, на дне которой что-то перекатывалось, когда он ее тряс. — Я знал, что это было что-то армейское...

Отвернув крышку, Томми вытряхнул содержимое фляжки на ладонь. Это был маленький толстый цилиндр, завернутый в выцветшую промасленную бумагу. Он держал его двумя пальцами, словно ювелир, рассматривающий драгоценный камень.

— Что это еще за хрень? — Эвана явно не впечатлила находка Томми.

Томми театрально провозгласил:

— Это, леди и джентльмены, есть блокбастер!

— Что, как видеомогазин? — спросил Ленни.

— Ты такой кретин! — хмыкнул Томми. — Это взрывчатка, понял? Четверть палочки динамита. Поджигаешь фитиль — и бум!

— Это опасно, Томми, — сказала Кейли. Он закатил глаза.

— Боже! Прости, мамочка. Лучше я пойду с моими машинками поиграю... — он покачал головой. — Не будь такой трусихой.

Ленни уставился на предмет в руках Томми.

— Можно мне посмотреть?

— Руки прочь! — В глазах Томми появился недобрый блеск. — Итак, — засмеялся он. — Пойдем и что-нибудь взорвем, на хрен!

Томми распирало от радости. Он хихикал, заявив, когда продирались через кусты за домами, что они на секретном задании, как команда подрывников, которая должна взорвать нефтяной завод или какой-нибудь важный объект противника. Ленни едва поспевал за ними, тяжело дыша.

— Эй! — прохрипел он. — Ребята, не бегите так быстро, ладно?

Вытащив из кармана пальто ингалятор, он жадно вдохнул.

Томми захотелось выбить прибор из его рук и посмотреть, как он будет нить, пытаясь его отыскать. Он не мог понять, за каким чертом этот жиртрест постоянно крутился около них, словно какая-то вонь, и подумал, что Ленни один из тех, кого отец называл «задницами для пинков». В таком случае Томми с Удовольствием этих пинков ему навешает. Ему никогда не надоедало издеваться над ЭТИМ жирным клоуном.

Вот Эван — это другая история. В большинстве случаев он мог уговорить Эвана делать то, что ему хотелось. Парень волочился за его сестрой, а Томми мог заставить ее плясать под свою дудку. Но в прошлом у них случались стычки, которые не всегда заканчивались в пользу Томми, и он понимал, что есть граница, за которую лучше не заходить. По крайней мере, не сейчас. Больше всего его бесило то, как Кейли и Эван строили друг другу глазки. Его злила сама мысль о том, что у них что-то может быть. Он все ждал, когда же наконец она очнется и поймет, что Эван был таким же, как и остальные дети. Абсолютно точно он ей не подходил. Глубоко в душе Томми боялся, что она окажется такой же слабой, как их мать.

Кейли и Эван шли рука об руку несколько позади Томми.

— Эван, я тебе говорила, что моя мама разрешила мне приехать к ней и ее новой семье в Орландо?

Томми резко повернулся, услышав это. Лицо его было искажено злостью.

— Я, кажется, уже говорил тебе, чтобы ты не упоминала эту суку?

Он зажал взрывчатку в потном кулаке, внезапно подумав, как бы хорошо было подложить динамит в новый дом мамочки и взорвать ее, к чертям, с новым мужем и новыми детьми. Да, это было бы ей уроком за то, что она бросила их, как мусор...

— Куда ты нас тащишь? — поинтересовалась Кейли, не обращая внимания на злую реплику брата. — Просто взорви что-нибудь наконец.

Театральная улыбка снова появилась на лице Томми.

— Просто взорви что-нибудь? — передразнил он ее писклявым голосом. — Ты что, дура? Это же искусство массового уничтожения. Разве Мона Лиза была «просто нарисована»? Нет! И кроме того, — Томми махнул рукой, — мы уже пришли.

— Будто ты знаешь, кто такая Мона Лиза. — ответила Кейли низким голосом. — Ты ее не отличишь от девок в порножурналах.

Эван подавил смешок и посмотрел, куда указывал Томми.

— Эй! — их догнал запыхавшийся Ленни — Это же дом миссис Халперн!

Эван никогда не был у Халпернов, но миллион раз проезжал мимо их дома по дороге в школу. Дом располагался в «престижном районе», как сказала его мать. Там, где начинались роскошные дома, которые были доступны лишь адвокатам и врачам.

Дом Халпернов был трехэтажным особняком в колониальном стиле, и на дальнем конце подъездной дорожки стоял декоративный почтовый ящик, миниатюрная копия настоящего дома.

— Мы взорвем дом! — зло засмеялся Томми. — Ну, по крайней мере, маленький домик точно!

Он повернулся к Ленни и сунул ему в руки взрывчатку.

— Держи, солдат! Ленни оттолкнул его руку.

— Да ты охренел, чувак! Я даже не хочу трогать эту дрянь!

Томми шагнул к нему, возвышаясь над более низким и толстым подростком.

— Ну уж нет! Если кто-то из нас это сделает, то ты наложишь в штаны и все расскажешь мамочке.

Он покачал пальцем у лица Ленни, отчего тот заморгал.

— Так что это будешь ты.

— Только не в этот раз, старик. — Ленни вспотел. — Фитиль слишком короткий! Меня убьет!

— Не обязательно, — вмешался Эван, увидев, как сжались кулаки Томми. Оторвав от сигареты фильтр, он всунул фитиль в незажженный конец и отряхнул крошки табака с ладоней. — Это даст тебе по крайней мере минут десять.

— Спасибо, друг, — с сарказмом поблагодарил Ленни. Он явно искал другого решения проблемы.

Томми вырвал самодельную бомбу из рук Эвана и сунул ее Ленни, кивнув головой в сторону почтового ящика. Ленни поколебался секунду, но все-таки взял ее.

Кейли нашла для них хорошую точку обзора среди кустов, где они уселись и стали наблюдать за нерешительным Ленни, расхаживающим взад-вперед у дома Халпернов.

— Только посмотрите на этого неудачника! Что он там делает? — злился Томми.

У почтового ящика Ленни безуспешно пытался выглядеть беспечно, делая вид, что завязывает шнурок.

— Ради бога, просто сделай это, Ленни! — Кейли ткнула брата локтем в ребра.

— Что же ты сам не пошел?

— Заткнись! — ответил Томми. — О, смотрите, он сейчас это сделает!

В конце концов Ленни, собрав остатки храбрости, сунул динамит в ящик и, захлопнув его, рванул к ним через дорогу.

— Что-то ты задержался, — глумливо подколот его Томми, когда запыхавшийся, хрипло дышавший Ленни упал на землю рядом с ними. Кейли потрясла ингалятор и

протянула Ленни. Он, жадно вдохнув воздух из пластиковой трубки, закашлялся.

— Спасибо.

Эван похлопал его по плечу.

— У тебя есть яйца, чувак.

Медленно тянулись секунды. Эван старался не смотреть на часы, боясь пропустить момент взрыва. Прикурив новую сигарету, он зажал ее в зубах и прикрыл уши Кейли, чтобы приглушить звук взрыва. Она улыбнулась и прижала его руки к своей голове. Краем глаза Эван заметил, как Томми одарил их злобным взглядом. Сердце Эвана бешено стучало, и он заговорил...

></emphasis>

Внезапно он понял, что бежит, не разбирая дороги, через лес. Потрясенный неожиданной переменой, Эван споткнулся, и зеленый ковер травы бросился ему навстречу, он неуклюже упал на землю, потеряв равновесие. Ленни, слепо бегущий сзади, натолкнувшись на негр, упал на колени, жадно вдыхая воздух.

Рядом раздался дрожащий от возбуждения и тревоги голос Томми:

— Быстрее! Подними его, Эван! Бежим!

— Что случилось? Где мы? — Эвана затрясло от ужаса. Это произошло с ним снова, после шести спокойных лет, когда он был уверен, что все эти провалы памяти навсегда остались в прошлом. Теперь же, неожиданно, они снова ворвались в его жизнь.

Эвана затошнило от одной мысли об этом.

Он поднялся и снова побежал, но через секунду понял, что их никто не преследует. Позади него Кейли и Томми пытались поднять на ноги Ленни, чье лицо было белым как мел, а взгляд безжизненным и рассеянным.

— Не стой там пнем, лучше помоги нам поднять этого толстожопого жирдяя! — прошипел Томми.

Эван подхватил Ленни под руку, сменив Кейли. Ленни что-то бормотал себе под нос, но так тихо, что Эван не мог ничего разобрать. Все вместе они начали продираться сквозь кусты, таща на себе Ленни Кэган. Красивое личико Кейли исказилось от рыданий.

— Боже, — всхлипывала она. — Что же мы наделали!

— Заткнись! — заорал Томми. — Заткни свою чертову пасть!

— Но... но... Что же нам теперь делать с Ленни? Посмотри на него!

Эван как следует потрянул друга.

— Черт, Ленни, что с тобой? — На мгновение страх Эвана перед своими затмениями был вытеснен переживаниями за Ленни. — Нам нужно как-то ему помочь.

— Надо отнести его домой, — выдавила Кейли. — Его мама наверняка там.

— Ни фига! — оборвал ее Томми. — Что она нам скажет, ты, идиотка?

— Эй! — крикнул Эван. — Мы не оставим его здесь, в кустах, о'кей, Томми? Этого не будет!

— Его дом уже недалеко. — Кейли указала рукой направление.

Томми зло посмотрел на Эвана, но все же продолжал тащить Ленни к дому Кэганов.

Андреа чуть не въехала в машину «скорой помощи», когда на большой скорости примчалась к Кэганам. Резко вильнув, она остановила автомобиль в сантиметре от клумбы. Выскочив из «тойоты», она даже не заметила, как с ее головы слетела косынка, и быстро побежала к входной двери, из которой два санитара, знакомые ей по работе, уже выкатывали носилки с Ленни. Его мать бежала рядом.

— Джанет? — позвала Андреа, но получила в ответ лишь ледяной взгляд, и, прежде чем она успела о чем-либо спросить, миссис Кэган захлопнула двери машины перед ее носом.

«Скорая» с воем отъехала от дома. Андреа осторожно шагнула к оставшимся на крыльце подросткам, глядя на своего сына, который стоял сгорбившись. Руки его дрожали.

— Что такое? — требовательно спросила она. — Что произошло?

www.NataHaus.ru

Томми быстро и резко ответил, прежде чем Эван успел что-либо сказать:

— Мы строили в лесу крепость, и внезапно Ленни как-то странно начал себя вести. Он был совершенно нормальный и вдруг застыл как вкопанный.

Миллер-младший зло посмотрел на Эвана и свою сестру.

— Ведь так, ребята?

Кейли ничего не ответила. Ее лицо распухло от слез.

— Эван, что случилось? — Андреа наклонилась, чтобы посмотреть сыну прямо в глаза. — Мне нужна правда.

Он монотонным голосом отчеканил:

— Я не знаю. Я не помню.

— Что-то произошло. Это я точно знаю. Иначе отчего бы он стал таким? — не отставала мать.

— Я... — Эван выталкивал из груди слова, будто они были свинцовые, — у меня в это время снова было затмение.

Андреа покачала головой. Она начинала злиться. Не в первый раз Эван притворялся, будто у него были провалы в памяти, чтобы избежать нежелательных расспросов, и она думала, что он уже это перерос. Он никогда ей не лгал, если дело было серьезным.

— Не пытайся прикидываться! — Но, сказав это, она вдруг поняла, что на этот раз ее сын абсолютно честен. В его взгляде была полная беспомощность. В глазах стояли слезы. Он словно искал в ее глазах ответ, которого там не было. Она не видела его таким несчастным с тех пор, как ему исполнилось семь, со дня смерти его отца, и ей захотелось прижать его к себе и защитить от всех опасностей.

— О, Эван, — вздохнула она... — Ты ведь говоришь правду, не так ли? — Ее сын медленно покачал головой, будто ему было стыдно за то, что он ничего не помнил.

Глава шестая

Андреа села на краешек кресла в кабинете доктора Редфилда и сложила руки вместе.

Он говорил с ней своим обычным спокойным тоном, но она почти не слушала. Она вспоминала день, когда была здесь в последний раз, незадолго до девятилетия Эвана. Тогда Андреа была уверена, что больше не увидит это ужасное здание изнутри.

— Вы же пообещали, что у него не будет больше этих ужасных помутнений памяти.

Редфилд помолчал секунду, прежде чем ответить ей.

— Понимаете ли, Андреа, это не совсем так. — Он посмотрел на медицинскую карту Эвана, лежавшую открытой на его столе. — Я говорил, что, возможно, у него не будет больше помутнений. Вы должны помнить, что его «эпизоды» в семилетнем возрасте были связаны с отцом. То, что они снова повторились, может означать, что в его жизни случился новый стресс.

У доктора поседели виски, и он носил очки в тонкой оправе. Андреа подумала, что он почти не изменился.

— И что самое интересное, это случилось в то же самое время, что и инцидент с этим Ленни Кэганом. Они друзья, и здесь явно существует какая-то связь.

— Бедный Ленни, — вздохнула Андреа. — Как он?

— С ним случился приступ кататонии. По существу, его разум отключился на несколько часов. Это вроде эквивалента сработавшего в мозгу предохранителя. Сознание отключается, вместо того чтобы реагировать на ситуацию, которую не может осилить. Такое случалось с людьми, которые были свидетелями катастроф или пережили что-то ужасное. К счастью, Ленни хорошо реагирует на лечение, и мы скорее всего выпишем его через несколько дней.

Редфилд вздохнул.

— Хотя он и отказывается рассказать о том, что случилось тогда в лесу.

— Вы ведь не думаете, что... — от слов, которые Андреа собиралась сказать, внутри ее

все перевернулось, — ... кто-то мог над ними... надругаться?

— Этого мы точно не знаем, но такая возможность существует. Я бы хотел сделать кое-что, что могло бы разблокировать память Эвана о том дне в лесу. Вы не будете против, если я попробую?

— А что, если он скрывает нечто ужасное, отчего все может стать еще хуже?

Редфилд снял очки и внимательно посмотрел на нее.

— Андреа, шесть лет назад у Эвана были катастрофические провалы в памяти, вызванные одной лишь причиной — отсутствием отца в его жизни. Если мы не уничтожим этот рецидив в зародыше, то все начнется снова. Есть вероятность развития инцидента в настоящий, полноценный психоз...

И тогда Эван окажется в клинике. Невысказанные слова повисли в воздухе.

Больше всего Андреа боялась потерять сына так же, как она потеряла своего мужа. Она кивнула.

— Хорошо.

Доктор нажал кнопку интеркома.

— Позовите, пожалуйста, Эвана Треборна в мой кабинет.

Андреа ласково пожала руку вошедшего сына. Его юное лицо было испуганным и бледным.

— Привет, Эван. Как дела?

— Мне здесь не слишком нравится, — ответил он. — Без обид.

Поколебавшись, он спросил:

— А Ленни здесь? С ним можно увидеться?

Редфилд покачал головой.

— Боюсь, что нет. Миссис Кэган очень настаивала на том, чтобы к нему не пускали никого, кроме членов семьи.

— А... О'кей. Ему уже лучше?

— Со временем он поправится. Психиатр указал на кушетку.

— Ложись, Эван. Поговорим о твоих проблемах с памятью.

Мальчик послушно сел.

— Вы будете спрашивать меня о моей матери?

— Нет, нет, — Редфилд натянуто усмехнулся. — Мы погрузим тебя в гипноз, чтобы попробовать проникнуть в твою память. Тебе не будет больно. Это называется регрессивным гипнозом. Знаешь, что это такое? Эван кивнул.

— О да. Я об этом слышал. Его применяли к людям, которых похищали НЛО. Я видел это в «Секретных материалах».

— Верно. Но мы используем его, чтобы вернуться к тому дню в лесу и разобраться в том, что там произошло, хорошо?

Эван испуганно посмотрел на мать.

— Мам?

— Все в порядке, малыш, — она старалась, чтобы ее голос звучал спокойно. — Просто слушай, что тебе говорит доктор. Он хочет помочь тебе.

Андреа наблюдала, как Эван под руководством Редфилда делает расслабляющие дыхательные упражнения.

— Я хочу, чтобы ты представил, будто лежишь на каком-нибудь солнечном пляже и слушаешь шум прибоя. Ты чувствуешь кожей теплый песок под тобой...

Он начал отсчет, и Эван задышал ровно и спокойно.

— Пять. Шесть. Ты начинаешь засыпать. Семь. Восемь. С каждым выдохом ты чувствуешь, как напряжение вытекает из тебя, словно вода из крана.

Доктор посмотрел на спокойное, сонное лицо подростка.

— Девять. Десять. Ты спишь.

В комнате воцарилась тишина, которую нарушало только дыхание Эвана. Редфилд ободряюще посмотрел на Андреа, как бы говоря: «Пока все идет нормально».

www.NataHaus.ru

— Теперь слушай меня внимательно, Эван. Я хочу, чтобы ты вернулся к тому моменту, когда вы были в лесу с Ленни Кэганом. Представь, что ты смотришь фильм. Ты вне пределов своих воспоминаний и как будто смотришь кино на экране. Ты можешь остановить его, перемотать назад или замедлить по своему желанию. Ты меня понимаешь?

— Да, — ответил Эван.

— Где ты сейчас?

— Кейли, — начал он вялым голосом. — Я стою рядом с Кейли и прижимаю ладони к ее ушам.

Глаза доктора сузились.

— Зачем ты это делаешь, Эван? Ты делаешь ей больно?

— Нет. Я ее защищаю.

Андреа не удержалась и гордо улыbnулась.

— Хорошо. Теперь перемотаем немного вперед. Что ты видишь?

Лицо Эвана дрогнуло.

— Я... вижу машину... — он словно силой выталкивал слова наружу. Его веки дрогнули, открывая белки глаз.

— Расскажи мне о машине. Какого она цвета? Кто в ней?

Протяжный стон, похожий на крик раненого животного, слетел с губ Эвана. Он затрясся.

Редфилд наклонился ближе.

— Продолжай, Эван. Здесь никто не причинит тебе вреда. То, что ты видишь, уже случилось. Помни — это всего лишь фильм. Ты в полной безопасности.

— Не могу... — простонал он. — Машина исчезает, и я лежу на земле. В лесу.

Голос доктора стал еще более настойчивым.

— Машина не исчезла, Эван. Фильм у тебя в голове оборвался, вот и все. Но сейчас я склеил пленку и хочу, чтобы ты рассказал Мне про машину. Попытайся восстановить ее в своем сознании. Найди образ машины и заморозь его.

— Она едет... — он издал хрип. — Не могу...

Дрожь Эвана перешла в конвульсии, его спина выгнулась от напряжения.

Редфилд положил руку на его ладонь.

— Не бойся, Эван! Сопrotивляйся! Она едет, торопись!

В сознании Эвана мысли кипели в темном омуте впечатлений, звуков, образов и запахов, сливаясь и смешиваясь в хаотичном беспорядке. Машина! Он изо всех сил пытался удержать ее мимолетный образ, такой прозрачный и эфемерный, являвшийся скорее смутной идеей о транспортном средстве вообще, а не о конкретной машине. Он ее видел, но за ней зияла чернота на том самом месте, где должны быть воспоминания.

Эван отчаянно пытался за него зацепиться, но образы разбегались в стороны, как шарики ртути, исчезая в пропасти его сознания. Пустота угрожала полностью поглотить его.

Доктор тихо вскрикнул от удивления, услышав низкий мученический стон, вышедший из груди подростка. Тонкая струйка крови потекла у Эвана из носа. Редфилд резко выпрямился в кресле и заговорил с Эваном встревоженным голосом:

— Слушай меня внимательно, Эван! На счет десять ты проснешься отдохнувшим и будешь помнить все, о чем мы с тобой говорили.

Андреа вскочила с места, услышав стоны сына.

— Что с ним происходит? Прекратите это! — Редфилд резким жестом остановил ее.

— Один. Ты чувствуешь, как просыпаешься. Два. Твои веки становятся легче. Три. Четыре.

Руки Андреа дрожали. Вытащив из сумочки салфетку, она вытерла с лица сына кровь, капавшую на подбородок. Приподняв одно веко, Андреа не увидела его зрачка — только белок закатившегося глаза.

— Пять. Шесть, — продолжал доктор, явно нервничая. — Освеженный и отдохнувший! Семь. Восемь. Проснись, Эван, черт бы тебя побрал!

Подросток внезапно обмяк. Его кожа была липкой на ощупь.

— Эван, проснись! Проснись, пожалуйста! — повторяла Андреа, словно молилась.

— Девять. Десять. Ты проснулся! — прокричал Редфилд. — Открой глаза, черт возьми!

Но Эван не отвечал. Доктор внезапно вспомнил Джейсона Треборна, лежавшего в морге клиники, на чьем лице было такое же выражение. Редфилд бросился к столу, рванул на себя верхний ящик и стал в нем рыться, разбрасывая ручки и бумагу. Его рука наткнулась на пузырек с таблетками, и он, сорвав с него крышку, вытащил маленькую синюю капсулу. Оттолкнув Андреа в сторону, Редфилд разломил капсулу, потом, зажав окровавленные ноздри Эвана, дал ему вдохнуть едкой, вонючей нюхательной соли.

Вдохнув аммиачные пары, Эван поперхнулся и, дернувшись, едва не сбил взрослых с ног.

Он покачнулся на кушетке и рухнул на пол, зажимая одной рукой нос.

— Ч-что случилось? — выдавил он. — Это сработало?

Эван посмотрел на мать и доктора. Их лица были бледны, а в глазах читался испуг.

Редфилд вызвал одну из дежурных сестер, чтобы та отвела Эвана умыться. Андреа хотелось закричать, расплакаться, хотя и Редфилд был изрядно потрясен. Он кашлянул. Запах нашатыря все еще не выветрился.

— Вы... вы сделали только хуже! — зло выкрикнула Андреа. — Что, черт возьми, с ним произошло?

— Я никогда не видел такой реакции, — признал он. — Я лечил пожарных, на глазах которых сторели заживо друзья, и разорванных шрапнелью ветеранов Вьетнама, но ни у кого из них не было такой реакции. Это экстраординарный случай.

— Он не один из ваших ненормальных, он мой сын! Что мне делать? Я не хочу, чтобы его положили в какую-нибудь психушку, вроде вашей.

— Нет, конечно же нет, — поспешно сказал Редфилд, на миг поддавшись искушению и подумав об Эване как об одном из своих пациентов. — Вы должны понять, что человеческая память — очень хитрая штука. Мы до сих пор точно не знаем механизма ее работы. Я сказал Эвану, что его воспоминания похожи на фильм, но они, скорее, являются голограммой.

Она посмотрела на него непонимающе.

— Ну, как трехмерные картинки. В памяти так много компонентов, и часто мельчайшая деталь может вызвать то или иное воспоминание полностью. Это не просто изображение и звук, но и вкус, прикосновение и даже запах. Вроде парфюма, который напоминает о парне или подруге из прошлого...

— Вы что, хотите сказать, что не сможете ему помочь?

— Я говорю, что мы оба должны попытаться ему помочь. Слушайте, просто поезжайте с Эваном домой и постарайтесь вернуться к обычной для вас жизни. Пусть он ходит в школу, гуляет с друзьями — делает все, чем занимаются тринадцатилетние. Если нам повезет, что-нибудь заставит его вспомнить то, что он в себе подавляет.

Он что-то написал в карте Эвана.

— Ну а пока я назначу вам следующую встречу через пару недель. Хотелось бы посмотреть, как идут у него дела.

Андреа помолчала.

— Эван не станет таким, как Джейсон, — твердо сказала она.

— Я тоже надеюсь на это, — ответил доктор, провожая ее до двери, хотя и не было у него уверенности в том, что Эван не идет по дороге своего отца.

Редфилд все еще раздумывал над произошедшими событиями, когда закончилась смена персонала клиники. Услышав стук в дверь, он поднял голову и увидел доктора Пуласки.

— Харлон? Леонард и я, мы собираемся пойти попить пивка. Сегодня ночь скидок... Редфилд покачал головой.

— В другой раз. Не думаю, что буду хорошей компанией.

Пуласки посмотрела на карту, лежавшую перед ним на столе.

— Что, опять мальчишка Треборн? — Карен сказала мне, что вывезла его отсюда с

окровавленным носом сегодня днем. Ты теперь пациентов поколачиваешь?

Редфилд жестом пригласил ее войти в кабинет и вкратце рассказал о случившемся. Доктор Пуласки сделала удивленное лицо.

— Это чертовски занятно и необычно. Такая реакция абсолютно нетипична для пациента с его историей.

— Это ты мне говоришь? — он вздохнул. — Я в тупике, Кейт. Я действительно не знаю, что и думать.

Пуласки задумчиво постучала пальцем по подбородку.

— Знаешь, если бы я ничего о нем не знала, то сказала бы, что Треборн физически не способен вызвать это воспоминание. Я имею в виду — на механическом уровне.

— Вроде тех, у кого была повреждена мозговая ткань? Но у него не было никаких травм головы, и мозг Эвана абсолютно ничем не поврежден.

— Ну я же не утверждала, что в моих словах есть смысл, Харлон, но как бы ты на это ни смотрел, его воспоминание не заблокировано и не подавлено. Его просто там нет.

></emphasis>

Остаток дня Андреа не очень успешно пыталась быть жизнерадостной, натянуто улыбалась, словно в ее жизни все было солнечно и прекрасно. Вечером она подвезла Эвана и Кейли с Томми к кинотеатру-мультиплексу. Отъезжая, она надеялась, что сын не заметил ее слез.

На автостоянке за кинотеатром трое подростков некоторое время стояли молча. Эвану хотелось что-нибудь сказать, но каждое предложение в его голове распадалось на куски. Кейли не смотрела ему в глаза, впрочем, она также избегала взгляда Томми. Последовав за Томми к кинотеатру, Эван еще раз внимательно посмотрел на ее угрюмое, удрученное лицо.

— Так что смотреть будем? «Водный Мир»? — наконец нашел в себе силы спросить Эван.

Томми сплюнул.

— Я не собираюсь платить пять баков за какую-то научно-фантастическую лабуду. Мы пойдем на «Семь». Это про полицейских.

— Нас не пропустят. Там вход детям до шестнадцати запрещен.

— Билетер знает моего отца. Он сказал, что пропустит нас на любой фильм, какой захотим.

— Я не хочу смотреть ничего подобного, — сказала Кейли слабым голосом.

С того дня в лесу брат Кейли стал вести себя еще более агрессивно и властно, постоянно пытаясь вступать в бессмысленные споры и пререкания со своими друзьями.

— Какого хрена ты жалуешься? Там снялся тот милашка, который тебе нравится, как его? — Он ткнул пальцем в Эвана. — А может, тебе нужен другой красавчик, а? Хочешь сидеть на заднем ряду и лизаться с ним?

— Томми, — начал Эван. — Успокойся.

— Что? — Он подошел к ним ближе. — Не говори мне, что делать, Эван. А что касается тебя, — он ткнул Кейли в грудь, — то вытри тоскливое выражение со своей мордашки, пока нас не сцапали. Ты видела, как на нас смотрела мама Эвана?

— Извини, — пробормотала она.

— Да скажет мне кто-нибудь, наконец, что там произошло с этим ящиком? — сердито спросил Эван.

Едва эти слова слетели с его губ, как Томми схватил его за лацканы куртки и прижал к ограде автостоянки. Атака была совершенно неожиданной, и Кейли в ужасе зажала руками рот. Томми быстро посмотрел по сторонам, нет ли кого в пределах слышимости, потом прошипел в лицо Эвану:

— Если ты хоть раз еще об этом заикнешься... — в его словах была неприкрытая злоба. — Ни при мне, ни при Кейли или даже Ленни, мудаке тупом, если он, конечно, снова

научится говорить. Понятно?

Эван нервно кивнул. Он никогда прежде не видел Томми таким, со злой искрой в глазах, блеснувшей, как лезвие.

— Никогда, — еще раз выплюнул Томми, тряхнув Эвана, чтобы подчеркнуть серьезность своих слов. — И кроме того, — он кивнул в сторону сестры, — она не хочет говорить об этом, правда, Кейли?

Девочка ничего не ответила.

Томми нагло прошагал через холл к кассам, оставив на некоторое время Эвана и Кейли наедине. Эвана распирало от эмоций. Внезапно ему захотелось сбежать с ней, оставив Саннивейл и всю прошлую жизнь позади. Ему хотелось прижать ее к себе, защитить от всего, но в первую очередь от ее собственного брата.

— Кейли, — тихо позвал он ее. — Ты в порядке? Поговори со мной.

Она хотела что-то сказать, но в этот момент вернулся Томми, хвастливо размахивая билетами.

— Я достал их. Легче легкого. Пошли. Эван и Кейли последовали за ним в зал.

Когда погас свет, Эван, набравшись храбрости, взял ее за руку так, чтобы этого не видел Томми.

— Если я не увижу в этом фильме кучу трупов, то потребую назад свои деньги, — сказал Томми, набив рот попкорном.

></emphasis>

Скромный дом Треборнов показался Андреа в два раза больше без Эвана. В такие моменты она остро чувствовала одиночество. Вот уже десять лет она жила вдвоем с сыном, и одно это заставляло ее думать о надвигающейся старости. Сын был для нее единственной компанией. Она встречалась с другими мужчинами после Джейсона, и с некоторыми даже не раз, но, имея на руках ребенка, было непросто найти кого-то, у кого было бы для нее время. К тому же всегда находилась какая-нибудь работа по дому.

Джордж Миллер оставил свои попытки добиться ее расположения; симпатичные ребята из Мерси Сентрал были не из ее лиги, и она вежливо отклонила джентльменские ухаживания доктора Редфилда. С тех пор прошло уже несколько лет.

Андреа посмотрела на свое отражение в темном оконном стекле, заканчивая мыть тарелки, и подумала о том, как жила все эти годы. Постоянный страх перед затмениями Эвана грыз ее. Те несколько лет относительного покоя, когда они думали, что все позади, теперь казались чудесным сном. Андреа знала, что так будет продолжаться до тех пор, пока они не положат этому конец. Для нее было так же важно, как и для Эвана, чтобы у него все было хорошо. Она любила его так сильно, что сердце начинало болеть, когда она думала о том, что сын может закончить как Джейсон, одурманенный лекарствами и медленно гниющий в психушке.

— Только не в мою смену, — сказала она вслух, домыв последнюю тарелку. Выключив воду, она услышала голос телевизионного диктора в другой комнате. Вытерев руки, пошла смотреть новости. Хорошо одетая женщина ровным голосом передавала срочный репортаж. Над ее плечом был встроенный экран, на котором показывали мигалки полицейских машин и самих полицейских, снующих повсюду и ограждавших желтой лентой место преступления.

— На этой неделе мы уже рассказывали вам об ужасном происшествии в Саннивейле. На экране вы видите то, что власти Нью-Йорка назвали «жестоким актом вандализма».

Андреа почувствовала, что в горле у нее пересохло. Что-то очень знакомое было в доме, который показывали в новостях, и ее сознание заработало, пытаясь определить, где она могла его видеть. Картинка теперь была во весь экран, а голос за кадром продолжал говорить:

— Мощный взрыв, потрясший это тихое место, был вызван, как предполагает полиция, небольшим количеством динамита, заложенного в почтовый ящик.

Дом Лизы Халперн, внезапно поняла Андреа и побледнела. В ужасе она пыталась

нашарить пульт, чтобы сделать звук тише и заглушить бесстрастный голос репортера.

— Эксперты из офиса Федерального бюро расследования в Нью-Джерси определяют тип взрывного устройства, заложенного в почтовый ящик.

Она нашла пульт под диванной подушкой.

— Пока же у полиции нет никаких улик, а что касается подозреваемых...

Ее дрожащие пальцы нашли кнопку выключения телевизора и с силой на нее нажали, обрывая голос женщины на половине фразы.

Глава седьмая

Сидя в затхлой темноте кинозала, Кейли лихорадочно дрожала. По ногам пробегали судороги. Подошвы ее кроссовок прилипали к полу, потому что кто-то разлил кока-колу под креслом. Впереди нее, развалившись и положив ноги на спинку впереди стоявшего кресла сидел Томми. Он хохотал над эпизодами, которые казались смешными только ему. Немногочисленные зрители бросали на него злые взгляды, но он их или не замечал, или просто игнорировал.

Казалось, его поведение становилось все более наглым и вызывающим, словно ему выло наплевать на то, что о нем подумают. Последствия шалости с почтовым ящиком обнаружили все плохое, что было в нем.

Кейли почувствовала, как рука Эвана легла на её запястье, и ее сердце быстро забилося от волнения. Его прикосновение было успокаивающим. Ей становилось намного лучше, даже когда она просто находилась с ним в одной комнате. По крайней мере, так было раньше. Теперь все изменилось. С того дня в лесу мир Кейли изменился, и не в лучшую сторону. Не то, чтобы ее жизнь была такой уж безоблачной прежде, но с тех пор как Ленни попал в клинику, Кейли очень хотелось, чтобы все вернулось на свои места. Все было бы лучше, чем жизнь в страхе, в постоянном ожидании, когда Томми в очередной раз сорвется.

Эван слегка пожал ее руку, и она посмотрела на него. Он натянуто улыбался, словно пытался быть храбрым и сильным за них обоих. Раньше от этого Кейли сразу стало бы намного лучше, но не сейчас. Сейчас ей казалось, что темнота кинотеатра проникла в ее жизнь, удушающий мрак надвигался на нее со всех сторон.

На большом экране в это время двое полицейских проникли в темную квартиру, и Томми хрюкнул, когда показали труп тучного человека.

— Охренеть! Посмотрите на этого жирного уroda! — проревел он, с шумом разрывая пакетик с арахисом в шоколаде. — Нужен подъемник, чтобы ему задницу вытереть!

Кто-то из первых рядов призвал соблюдать тишину, его поддержали еще несколько зрителей, которых не было видно в темноте. Томми высыпал несколько орешков на ладонь и швырнул их в сторону экрана.

— Заткнись, пидор! — крикнул он. — С тобой никто не разговаривает!

В его голосе были вызов и готовность к скандалу.

Эван вздохнул и поерзал в кресле. Ему хотелось убраться отсюда не меньше, чем Кейли, которая почувствовала, что краснеет от отвращения и стыда. На экране Брэд Питт нагнулся над ведром с протухшей рвотой мертвеца и, почувствовав вонь, дернулся назад. От этой сцены у Кейли внутри все свернулось, а рот наполнился едкой желчью. Она выпрыгнула из кресла и бросилась в проход. Выбегая, она услышала, как Томми издал еще один рев удивления.

Она сделала несколько неуверенных шагов по холлу, жадно глотая воздух и еле сдерживая подступившую тошноту. Кейли ощутила чье-то присутствие рядом и почувствовала как твердая, но нежная рука Эвана поддерживает ее.

— Ты в порядке? Это из-за фильма?

Не только... — выдавила Кейли. — Меня немного тошнит.

Сцена в фильме сыграла роль спускового крючка. Кейли балансировала на грани срыва весь день, измотанная страхом и тяжелыми предчувствиями, а фильм просто оказался

последней каплей.

Они прошли незамеченными мимо группы старшеклассников, стоявших у буфетной стойки, смеявшихся и подтрунивающих друг над другом. Кейли пришлось сглотнуть горькую слюну, когда она вдохнула теплый воздух, пропахший хот-догами и попкорном. Она хлебнула воды из питьевого фонтанчика и позволила Эвану усадить себя на скамейку. Кейли изучала вытертые узоры ковра — сворачивающуюся кольцами киноленту, — повторяющиеся снова и снова. Ей хотелось, чтобы земля разверзлась и поглотила ее, не оставив следов ее существования.

— Прости, Кейли, — сказал Эван, нарушив молчание. — Мне казалось, что если мы все вместе пойдем в кино, то сможем расслабиться, но это была плохая идея.

Она подняла голову и встретилась взглядом с теплыми карими глазами Эвана, о которых так часто мечтала. Она спросила:

— А ты правда не помнишь, что случилось там, в лесу?

В глазах Эвана мелькнула искра досады.

— Нет. Вообще ничего. Просто большой кусок пустоты.

Кейли почувствовала резкий укол зависти и ревности к провалу в его памяти. Ей хотелось также навсегда избавиться от этих жутких, неизгладимых воспоминаний.

— Тебе так повезло. — Она начала всхлипывать. — Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу это...

Эван посмотрел вокруг, не видит ли кто, но подростки были увлечены разговором, болтая и шутя, они понятия не имели, что происходит за их спиной. Он мягко погладил непослушные волосы Кейли.

— Все будет в порядке. Ленни поправится, вот увидишь.

Кейли шмыгнула носом и вздохнула. Ей хотелось сказать, что она беспокоилась вовсе не о Ленни, но не смогла. Эван прикоснулся к ее руке, и Кейли почувствовала резкую боль.

— Ой!

О, п-прости! — заикаясь, извинился Эван.

— Ты что, поранилась там, в лесу?

Кейли закатала рукав и показала ему синяк — огромный, черно-желтый. Эвану приходилось драться в школе, и он знал, что такой синяк может появиться от удара кулаком, а не от обычного ушиба.

— Это не твоя вина, — сказала она, вытирая слезы. — Миссис Кэган позвонила папе и обвинила в том, что случилось с Ленни, нас.

У Эвана заиграли на лице желваки.

— Черт, это твой отец тебя избил? Кейли оттянула ворот майки, показывая ему еще один синяк, в два раза больший, под ключицей.

— Я заслуживаю худшего, — сказала она, и слова Эвана умерли у него на губах. Кейли была наказана за свое преступление, и она знала, что заслужила это, как бы ни утверждало обратное выражение лица Эвана. Она мрачно смотрела в сторону.

— Что ты говоришь, Кейли? — сказал он. — Ты заслуживаешь лучшего брата и отца. Они заставляют тебя чувствовать себя дерьмом. Ты заслуживаешь, чтобы кто-то заботился о тебе.

Как, например, я, подумал он.

Нежность в его голосе заставила Кейли снова посмотреть ему в глаза. Его слова шли прямо из сердца.

— Ты не знаешь, какая ты красивая. Она протянула руку к его лицу, нежно погладив скулу.

Кейли глядела ему в глаза, ища подтверждения истинности его слов, и она была там, на глубине его глаз. Их лица были рядом, они чувствовали на губах дыхание друг друга. Кейли закрыла глаза, полностью отдавшись этому моменту. Внезапно все, чего она боялась, исчезло, и на смену пришло прекрасное и невероятное настоящее.

Но в следующую секунду их поцелуй был разбит, словно тонкий лед, криком Томми,

перешедшим в рев:

— Какого хера вы там делаете?

Он стоял у дверей кинозала и смотрел на них поверх группы старшеклассников.

Кейли и Эвана отбросило друг от друга, словно два полярных магнита. Эван попытался найти слова, а Кейли увидела выражение глаз брата. Потрясение, ненависть, боль предательства отразились в его взгляде.

Группа в буфете уставилась на Томми. Некоторые из ребят и девчонок засмеялись над грозным выражением на лице сердитого тринадцатилетнего парнишки. Они думали, что он обращается к ним, а не к Кейли и Эвану.

— Какого хера я делаю? — переспросил он из парней в джинсовой куртке. — Я познаю попкорн. А какого хера ты делаешь?

Томми проигнорировал насмешку и рванул напролом мимо них, сжав кулаки. Он был в нескольких шагах от Кейли и Эвана, когда, споткнувшись о чью-то ногу, упал лицом в ковер. Подростки расхохотались и замяукали.

— Смотри под ноги! — сказала одна из девушек.

— О, — Джинсовая Куртка сделал фальшиво-заинтересованное лицо и тоном, каким разговаривают с малолетними детьми, нараспев сказал: — Наш малыш упал. Какая досада. Мы сейчас позвоним твоей мамочке.

Томми нарочито медленно поднялся с пола, едва удостоив взглядом девушку, подставившую ему подножку, и посмотрел на Эвана. Кейли увидела в его глазах животную ярость и отчаянное желание излить ее на кого-нибудь.

Эван попытался найти какой-нибудь способ успокоить Томми, но все его оправдания рассыпались в прах.

— Эй, мы просто... Это... Это не то, что ты думаешь... — неубедительно сказал он.

Без предупреждения Томми бросился. Только не на Эвана, а на парня в джинсовой куртке, обрушившись на него с кулаками. Парень был на голову выше брата Кейли, но Томми напал на него внезапно и застал врасплох. Избивая парня, Томми поглядывал Эвана, как бы говоря: «На его месте должен быть ты». Послание было ясным.

Стремительность атаки Томми заставила остальных попятиться, лишь два охранника вносились разнимать дерущихся. Старшеклассник начал отбиваться, но в его ударах отсутствовала координация, и большинство из них не достигало цели, в то время как Томми бил с жестокостью профессионального боксера. Когда его начали оттаскивать, он поначалу сопротивлялся, но потом понял, что со взрослыми тягаться бесполезно.

— Аххх! — у парня в джинсовке вместо лица было опухшее и окровавленное месиво и его голос был густым от боли. — Этот маледький говдюк сломал мне дос!

Когда охранники тащили Томми на выход, он бросил на Эвана еще один полный презрения взгляд, и нездоровая ухмылка перекосила его лицо. Станным образом он одержал над Эваном победу.

— Пошли отсюда, пока они не начали задавать вопросы, — сказал Эван, потянув за собой Кейли. — Выйдем через другой выход.

— А как же Томми?

— А что с ним будет? Ты же видела, что произошло. Он как с цепи сорвался. Набросился на парня из-за какой-то ерунды, а если бы этого и не случилось, то могу спорить, что он бы отыгрался на нас с тобой.

— Он мой брат, — настаивала Кейли. — И к тому же, если он расскажет папе о том, что произошло... — ее голос упал.

Эван судорожно сглотнул, когда его глаза метнулись к синяку, скрытому под майкой.

— Ты не можешь снова это ему позволить. Это противозаконно, тебе надо рассказать кому-нибудь...

Ее лицо исказила гримаса страдания.

— Пожалуйста, Эван. Просто отвези меня домой.

Кейли почти поверила в то, что все проблемы исчезнут из ее жизни, если она спрячется от них дома.

В конце концов, он кивнул и выудил из кармана монету.

— Хорошо. Я позвоню маме, чтобы она забрала нас. Если это то, чего ты хочешь.

Она заколебалась.

— Ты могла бы пожить у нас, — сказал Эван в отчаянии. — Моя мама медсестра, и она могла бы осмотреть синяки. Мы могли бы позвонить в полицию...

— Нет. — Она оборвала Эвана одним словом, вложив в него всю накопившуюся усталость. — Я хочу домой, Эван.

Так и не найдя слов, чтобы объяснить то, что он чувствует, Эван пошел к телефонной будке и набрал номер.

— Буду через пять минут.

При других обстоятельствах Эван бы заметил странные нотки в голосе матери, но сейчас он ничего не заподозрил.

Потом они сидели на скамейке, и когда Кейли почувствовала, как рука Эвана осторожно коснулась ее руки, она крепко ее сжала, словно боялась, что это последний раз, когда они так близки.

></emphasis>

Ребята сели в подошедшую к выходу из кинотеатра «тойоту». Домой ехали в тягостной тишине. Эван разместился на переднем сиденье, а Кейли забралась назад. Андреа не удивилась, увидев их вдвоем. Эван пробормотал что-то вроде «Томми доберется до дому самостоятельно», что было, в общем-то, недалеко от истины.

«Почему все так усложнилось?» — подумал Эван. Он никак не мог уложить в голове мысль о том, что маленький выбор, вроде то или это, здесь или там, был сделан неправильно, и теперь вся его жизнь летит к черту. Что же произошло тогда, в лесу? Что же такого они сделали? Проблема в том, что воспоминание об этом дне было спрятано за стеной, через которую невозможно было проникнуть, а потому у него не было возможности узнать. Ленни не может отвечать на вопросы, Томми наверняка вцепится ему в глотку, а Кейли... Кейли никогда не откроется ему, пока у нее такой ублюдок отец, который портит ей жизнь.

Эван серьезно подумывал, не рассказать ли матери о синяках на теле Кейли, но даже если он это и сделает, то что с того? Если вмешается полиция, он больше никогда не увидит Кейли. Ее и Томми отправят в интернат или, может, даже отдадут в другую семью, и от мысли о том, что он ее потеряет, у него холодело внутри.

Если бы Эван не был так поглощен своими размышлениями, то заметил бы, что Андреа напряженно молчит и бросает на Кейли странные взгляды в зеркало заднего обзора, пытаясь найти ответы на свои собственные вопросы. Когда она наконец заговорила, то оба подростка чуть не подпрыгнули от неожиданности.

— Ну и как фильм, Кейли? — спросила Андреа без предисловий.

Девушка поколебалась, прежде чем солгать:

— Наверное, хороший. Я не люблю ужастики...

Мать Эвана наблюдала за ней, выдерживая паузу.

— А там не было случайно взрывающихся почтовых ящиков или чего-то вроде этого? — Ее голос был притворно-спокойным.

Эван резко повернул голову, чтобы посмотреть на Кейли, и тут же понял, что таким образом он выдал себя с головой. Девушка согнулась, словно ее ударили. В глазах обоих читалось: «Господи, она знает!»

— В... в каком смысле? — попыталась прикрыть свой промах Кейли, но безуспешно. На ее побледневшем лице без труда можно было заметить виноватое выражение. Андреа резко свернула на обочину и остановила «тойоту». На секунду Эвану показалось, что мать собирается прочесть нотацию, но Андреа молчала. Кейли поняла, что они находились у ее дома. Схватив пальто, она быстро выскочила из машины, не в силах более находиться под

прицелом глаз Андреа.

— Спокойной ночи, — в никуда сказала Андреа. Она посмотрела на Эвана, но сын был занят своими мыслями. После продолжительной паузы, которая тянулась почти вечность, Андреа, наконец, переключила скорость и тронулась. Один или два раза Эван набирался духу, чтобы спросить ее, что это значит, но так и не решился.

Когда она снова с ним заговорила, то всего из пары слов он понял две вещи: что она узнала о взрывчатке, заложенной в почтовый ящик Халпернов, и о трагической роли Ленни во всем этом. Два слова, разбили ему сердце.

— Мы переезжаем.

Эван надеялся, что со стороны матери это всего лишь родительское предупреждение, что-то вроде проявления ее раздражения, потрясения кулаками. Обычное дело с родителями, если они чувствуют, что дети отбиваются от рук. Вроде, подожди, вот вырастешь и будешь очень жалеть о том, что сделал.

>>>

Но Андреа Треборн не бросала слов на ветер. Она была матерью-одиночкой, и она была двойне строга, чтобы компенсировать отсутствие отца. На следующий день после драки в мультиплексе, которая, к его большому удивлению, не получила пока должной огласки, Эван умолял мать передумать. Он перепробовал все возможные способы, от криков до плача, чтобы упротить остаться.

Она отказалась. Все его доводы и просьбы натыкались на стену холодной и негибкой уверенности Андреа в правильности ее выбора, и к концу недели на газоне перед домом красовалась табличка «На продажу», вбитая агентами Саннивейлской риэлтерской компании.

Мать начала упаковывать вещи в картонные коробки, добытые в супермаркете; она уже подобрала новое место жительства в соседнем штате, недалеко от большого города, где ей прежде предлагали работу, но тогда она ее отклонила. Вакансия все еще была открытой, и теперь Андреа приняла предложение, и вот они переезжали, оставляя Саннивейл позади.

Эван сидел на диване — единственной вещи в доме, на которую еще не натянули полиэтиленовый чехол. Пустая комната словно отражала внутреннее состояние Эвана: все то, что было частью его жизни, унесла сила, которую он не мог контролировать. Он словно находился в центре урагана, систематически разрушающего мир вокруг него.

Он услышал, как хлопнула входная дверь, и увидел свою мать, направлявшуюся к машине в ослепительно белой в свете яркого солнца униформе. В ее руке был желтый конверт, сегодня она собиралась подать заявление о переводе.

Эван подождал, пока не затих звук мотора уезжающей «тойоты», потом, вскочив на ноги, схватил с вешалки пальто. Сунув ключи в карман, он захлопнул дверь пустого дома и выбежал на улицу.

Глава восьмая

Эван сильно рисковал, звоня Миллерам, и был готов бросить трубку, если к телефону подойдет Томми или отец Кейли, но в награду услышал неуверенный голос девушки.

— Кейли, это я. Ты можешь говорить?

— Эван? — Она была удивлена. — Да, конечно. Я одна. Томми ушел еще до завтрака, отец вообще вчера не пришел ночевать. Он гулял со своими друзьями из теннисного клуба. А ты... в порядке?

— Мне нужно с тобой увидеться. Мы можем встретиться? Мама сказала, что Ленни выпускают сегодня, и я подумал, что мы могли бы его навестить.

— Да, — она подпрыгнула, обрадовавшись возможности снова увидеть Эвана. — Где?

— У дерева на Элм-стрит?

>>>

Кейли ждала его на углу улицы, где они обычно встречались по пути в школу

— Привет, — поздоровалась она, слабо улыбаясь.

— Привет, — эхом отозвался Эван.

— А где Крокет? — спросила Кейли. — Ты ведь всегда брал его с собой.

— Не знаю, — пожал плечами Эван. — Он убежал прошлой ночью и еще не вернулся.

Иногда это случается, так что в этом нет ничего необычного. В конце концов он всегда возвращается.

Кейли невесело усмехнулась:

— Прямо как мой папочка.

— Ему трудно будет привыкнуть, когда мы уедем, но он вряд ли хотел бы, чтобы мы увезли его с собой.

Кейли кивнула и посмотрела в сторону.

— Я тоже буду по нему скучать.

Они прошли еще полквартила, прежде чем она снова заговорила:

— Эван, а ты уверен, что нам стоит видеться с Ленни?

— Сегодня его выписывают из больницы. — Он посмотрел на Кейли. — Ты что, не хочешь с ним увидеться?

— Да нет... — пробормотала она. — Просто... что, если Томми узнает об этом? Если он увидит нас вместе или кто-нибудь ему расскажет, что мы...

— Да пошел он к черту, — сказал Эван, хотя в его голосе не было той бравады, на которую он надеялся. — Он мне не босс.

— Он стал еще хуже, — сказала Кейли, глядя в сторону. — Он серьезно подрался с отцом. Я слышала, как он кричал, что убьет любого, кто прикоснется ко мне. И сказал, что ты будешь первым.

У Эвана пересохло в горле.

— Не могу поверить, что он все еще зол на меня. Ведь он же знает, что я переезжаю, да?

Она кивнула.

— Не думаю, что его это волнует. Он вообще себя странно ведет в последнее время... С того самого дня, когда все произошло. Он даже в глаза мне не смотрит теперь.

Кейли поколебалась.

— Я его боюсь.

В конце квартала показалась машина Джанет Кэган, и Эван потянул Кейли за рукав.

— Едут. Давай спрячемся.

Подростки спрятались за кустами и подождали, пока машина не заехала на подъездную дорожку дома Кэганов.

— А твоя мама не говорила... как он? — Прошептала Кейли.

— Да должен быть в порядке. Они ведь его выпустили, правильно?

Эван вскочил на ноги и, сияя улыбкой, подбежал к машине. Постучав в окно машины, он крикнул:

— Привет, Ленни! Добро пожаловать домой!

Ленни отпрянул от окна, словно от выстрела, с выражением ужаса на круглом бледном лице. Его мать открыла окно и сурово посмотрела на Эвана.

— Вы не вовремя, — холодно сказала миссис Кэган. — Почему бы вам, маленьким уголовникам, не пойти прочь и не оставить Ленни в покое?

Улыбка исчезла с лица Эвана.

— Простите.

— Мы просто хотели сказать... — подала было голос стоявшая за Эваном Кейли.

— Ленни благодаря вам прошел через весь этот кошмар. — Каждое слово было пропитано ядом.

Машина тронулась и заехала в гараж. Эван почувствовал себя бесполезным и

виноватым.

Когда автоматическая дверь гаража закрывалась, он увидел, как Ленни бросил на них взгляд загнанного животного.

— Не слишком хорошо все прошло, — сказала Кейли. — Что теперь?

Эван закусил губу.

— Мы не можем просто так уйти. Мне нужно поговорить с ним.

— Его мама нам не разрешит ни за какие коврижки. Ты же слышал, что она сказала?

— Тогда не будем просить у нее разрешения.

У Эвана появился план.

></emphasis>

Ленни осторожно сел за свой рабочий стол и почувствовал, что постепенно напряжение уходит. Кошмарная клиника позади, и ему очень хотелось поскорее забыть о ней и вернуться в прекрасный, идеальный мир самолетов. Все его инструменты и краски находились там, где он их оставил. Перед ним лежала незаконченная модель. Крылья и пропеллер бежали рядом с наполовину раскрашенным — матовой серебрянкой фюзеляжем. Ловкими, отточенными движениями, неожиданными для его толстых пальцев, Ленни начал работать над частями модели, и биплан «Бристольский бульдог» медленно стал принимать в его руках законченную форму. Ленни нравилось проводить время за этим занятием. В его воображении все его модели были настоящими машинами. Ленни хотелось жить собственном маленьком музее среди аэропланов, самолетов и вертолетов, где ничто не мешало бы его возвышенным мечтам. Услышав стук в окно, Ленни чуть не сломал фюзеляж биплана от испуга. Выглянув, он увидел улыбающихся Кейли и Эвана. Им пришлось залезть на самый край деревянного забора.

— Добро пожаловать домой, — на этот раз Эван говорил шепотом. — Мы подумали, что для разнообразия тебе захочется погулять на свежем воздухе.

— Привет, Ленни, — с теплотой в голосе сказала Кейли. — Рада тебя видеть. Ты хорошо выглядишь.

Глаз Ленни задергался, и его слегка затрясло.

— Э... А Томми... Томми с вами пришел? Эван покачал головой.

— Нет. Все в порядке. Его с нами нет.

Ленни бросил взгляд на недоделанный биплан, отчаянно взывающий к нему с рабочего стола. Если он останется, то доделает его уже к ужину, а потом можно будет взяться за модель «Стреляющей звезды F-80, которую мать ему купила в подарок ко дню выписки. Но там была Кейли, и он боялся, что если сейчас не выйдет, то, возможно, она никогда не станет с ним больше разговаривать.

— Сейчас выйду, — сказал он. — Встретимся на углу.

></emphasis>

Все трое избегали прогулок в дальний конец леса. По негласному договору они старались держаться подальше от дома Халпернов. У южного края города лес был более засоренным и редким. Ребята постарше устраивали здесь вечеринки или свидания, а изредка джойрайдеры оставляли здесь угнанные машины и сжигали их.

Среди деревьев и кустов валялись кучи мусора. Эван обогнул каркас пружинного матраса и поравнялся с Кейли и Ленни.

— Ну и как там было? — с участием в голосе спросил он. Эван старался держаться стороне, чтобы Кейли могла вытащить Ленни из его скорлупы. — Типа как в кино показывают?

— Это было ужасно, — ответил Ленни, радуясь возможности рассказать о пережитом. — Невозможно спать, потому что всю ночь кто-то орет... — Он побледнел. — Я бы очень не хотел туда вернуться.

— Я рад, что тебе лучше. Мы оба за тебя беспокоились.

www.NataHaus.ru

Ленни смотрел себе под ноги.

— Доктор говорит, что я никогда не смогу, оправиться полностью, что все может повториться. Мне нужно быть очень осторожным.

Эван попытался сказать что-нибудь, что могло бы поддержать друга и не звучало банально, но так ничего и не придумал. Он хотел дружески похлопать его по спине, но внезапно услышал какое-то странное жалобное придушенное повизгивание. Собака. Крокет?

Он вдруг понял, что это не просто какая-то собака — это был его пес.

В этот же самый момент Кейли, вытянув руку, указала вперед.

— Смотрите! Вы видите это?

На краю леса была свалка, доходившая до железнодорожных путей. В выходные, как сегодня, она пустовала, но с понедельника по пятницу здесь было постоянное движение: кто-то оставлял старые машины, кто-то их разбирал на запчасти. Эван вспомнил, как его мать однажды нашла здесь новенький бампер взамен старого, помятого въехавшей в него машиной молочника.

Со свалки поднимался черный извивающийся столб дыма. Источник его был скрыт за кучей старых машин. Эван снова услышал леденящий душу визг и побежал в ту сторону. За ним едва поспевала Кейли. Ленни нервно потоптался на месте, но все же решил последовать за ними через дыру в проволочном заборе и через лабиринт машин. Эван и Кейли обогнули башню, сделанную из сплюснутых авто, и резко остановились, потрясенные увиденным.

Томми повернулся к ним лицом. Его глаза горели от ярости. На прогалине рядом с прессом для машин горел небольшой костер из промасленной ветоши. Эван учуял запах бензина и заметил желтую пластиковую бутылку с горючим в руке Томми. Брат Кейли зарычал и топнул с досады ногой.

— Ты! — с ненавистью выкрикнул он. — Какого черта ты здесь делаешь? Я еще не закончил!

Сзади него снова раздался тоскливый приглушенный вой, и что-то шевельнулось около огня. Это был старый, выцветший брезентовый рюкзак, завязанный толстой веревкой. Черный собачий нос пытался расширить отверстие, и Эван увидел большие перепуганные глаза Крокета.

— Крокет! — закричал Эван. — Ты, сукин сын! Ты что делаешь с моей собакой?! Вместо ответа Томми сжал бутылку и стал поливать мешок бензином.

— Кто хочет хот-дог? — оскалился он.

Эван и Кейли рванулись к нему, но он отбросил емкость и схватил длинную палку, размахивая ею со всей силы.

— Отвали, козел!

— Осторожно! — крикнул подбежавший к ним Пенни, увидев, как Томми размахивает палкой.

Эван успел увернуться в последний момент, услышав, как свистнул разрезаемый воздух над его ухом. Томми не успел вовремя остановиться, и Эван с ужасом увидел, как палка бьет Кейли острым концом в висок.

Глаза Кейли закатились, и она рухнула на траву, словно марионетка, которой подрезали веревки. Находившийся в двух шагах от схватки Ленни часто моргал и дрожал от страха; его ноги словно налились свинцом.

— Смотри, что из-за тебя я сделал! — заорал Томми. — Это ты во всем виноват!

— Да что с тобой такое случилось?! — крикнул Эван, тщетно пытаясь найти в глазах Томми хоть искру разума, но там не было ничего, кроме всепоглощающей ярости и ненависти.

Томми снова нанес удар, целясь Эвану в голову. Эван дернулся вбок, но удар был обманным, и, сменив траекторию, палка ударила Эвана по колену правой ноги. Эван упал и откатился в сторону, схватившись за ушибленное место. Томми бросил палку под ноги и снова взял бутылку с бензином. Посмотрев на Ленни, он засмеялся.

— Смотри внимательно, жирный, — выплюнул он. — Мне бы не хотелось, чтобы ты

что-нибудь упустил.

Ленни словно охватил столбняк, только губы дрожали на его круглом лице.

Эван попытался встать, но снова упал, наступив на больную ногу. Его глаза метнулись к безжизненно лежавшей Кейли. Из раны на ее лбу сочилась кровь. Потом он в отчаянии посмотрел на пропитанный бензином мешок, в котором бился его испуганный пес.

— Не надо, Томми! — закричал Эван, бессильный что-либо сделать. — Что ты встал, очнись! Помоги Крокету! — крикнул он Ленни. Подросток не двинулся и так же молча продолжал наблюдать за тем, что происходило.

Эван с отвращением сплюнул и перевернулся. Собрав все силы, он схватился за край Пустой железной бочки, перенеся вес тела на поврежденную ногу. Хромая, он доковылял до лежавшей без движения Кейли и рухнул рядом.

— Очнись! Кейли! Очнись, пожалуйста! Девушка показалась ему хрупкой, как стекло, и Эвану было страшно даже прикоснуться к ней.

— Почему бы тебе просто не поцеловать ее, прекрасный принц?! — крикнул Томми.

Сильно сжав обеими руками бутылку, он провел струей бензина линию от мешка с собакой до горящего костра. Пламя быстрой змейкой метнулось к Крокету. Глаза Эвана застлало красным туманом, и, сжав кулаки, он бросился на Томми, позабыв о боли в колене...

>>>/emphasis>>

Его тело внезапно выгнулось, руки и ноги дернулись в спазме, и он скорчился, поняв через мгновение, что лежит на земле. Он осторожно перевернулся и сел. Его лицо распухло от синяков, а по ребрам словно проехали катком.

— Еще одно затмение... — пробормотал себе под нос Эван. — И сколько я был в отключке? — спросил он уже громче.

Ленни стоял рядом с тем же выражением на лице, в той же позе и с пустыми глазами.

Эван так и не получил от него ответа на свой вопрос. Томми нигде не было видно, но Кейли сидела на куче мусора, подтянув колени к груди, и рыдала, размазывая по лицу грязь и слезы. Эван попытался встать, но приступ головокружения снова сбил его с ног мягким ватным кулаком. И тогда он почувствовал запах.

Это был тошнотворный запах горелого мяса, шерсти и бензина. Тлеющий рюкзак с обгоревшим трупом Крокета лежал в нескольких футах от него. Внутренности Эвана свернулись узлом. Издав вопль страдания, он закрыл руками лицо.

>>>/emphasis>>

К тому моменту, когда приехала «скорая помощь», вокруг дома Кэганов собрался народ со всего квартала. В этой части города практически каждому было известно, что Ленни только что выписали из психиатрической клиники. Когда сирена вспорола ленивый вечерний воздух, все уже знали, что этого мальчишку Кэгана снова забирают в дурдом и на этот раз надолго.

— Какой ужас, — сказала одна из женщин. — Бедная Джанет.

— Во всем виноват этот Треборн, — отозвался какой-то мужчина. — Он такой же гнилой, как и его отец. С головой у него проблемы, я вам так скажу.

Остальные согласно закивали.

— И эти Миллеры не лучше: злобный маленький засранец и его негодная сестрица. От них одни неприятности. Этот бедный парнишка связался не с теми, и вот посмотрите, что с ним стало. По-моему, им самое место в исправительной колонии.

Эван попытался стряхнуть с себя ощущение дежавю, когда два санитары грузили носилки с Ленни в машину «скорой». Он шагнул к машине, протянув руку, словно мог остановить это и освободить Ленни. Колено Эвана снова пронзила резкая боль, и он вздрогнул. Толкнув его плечом, Джанет Кэган влезла в машину. Потом, повернувшись к нему, спросила ровным стеклянным голосом:

www.NataHaus.ru

— Знаешь, кто ты есть на самом деле? Ты чудовище.

Прежде чем Эван успел что-либо ей ответить, она с силой захлопнула дверь «скорой» перед его носом, и машина уехала. Эван смотрел ей вслед и изо всех сил старался не расплакаться. Они были правы, и от понимания этого у Эвана разрывалось сердце. Это была его вина. Полностью.

></emphasis>

Последний день прошел без фанфар и церемоний. Не было ни открыток с пожеланиями удачи, ни напутствий, ни подарков на прощание. Никто из соседей Треборнов не пришел попрощаться с ними. После инцидента с Ленни Кэганом слухи быстро распространились по Саннивейлу. Андреа и Эван стали изгоями в своем районе. Люди хотели, чтобы они уехали, и они не стали обманывать их ожиданий. Рано или поздно кто-нибудь догадался бы о причастности Эвана к взрыву почтового ящика, так что и мать, и сын прекрасно понимали, что в этом городе никто не будет сожалеть об их отъезде.

Никто, кроме одного человека. Эван потерял глаза, стараясь не расплакаться. Он сидел на переднем сиденье грузовика рядом с вещами. Вся его тринадцатилетняя жизнь сократилась до нескольких перетянутых скотчем коробок среди разобранных кроватей, стульев и кухонной утвари. Андреа села в кабину, повернула ключ зажигания и неуклюже тронулась: она не привыкла водить такие большие машины.

Кейли стояла, словно одинокий часовой, и смотрела на отъезжавший грузовик, на то, как они исчезают из жизней друг друга. Слезы градом катились по ее щекам. Эван встретился с ней глазами и вложил во взгляд все свои чувства к ней, все то, что не мог бы выразить словами. Но он был всего лишь мальчишкой, и все, что бы он ни сделал, было бы недостаточно. Подчиняясь внезапному порыву, он разорвал крышку одного из картонных ящиков за сиденьем. Внутри были стопки его дневников, некоторые с загнутыми страницами, старые, еще детские, и новые, с пустыми страницами. Схватив один из них и сорвав колпачок с ручки, которую обычно носил с собой в кармане, он написал большими буквами одно предложение.

Грузовик выехал на дорогу, и Андреа прибавила скорость. Эван прижал открытую тетрадь к окну, чтобы Кейли могла прочитать написанное. Он смотрел, как она бежала рядом с грузовиком, что-то крича и махая рукой. Он помахал ей в ответ, и слезы выступили на его глазах. Через несколько секунд она осталась позади, исчезнув за поворотом. Все.

Эван сжался в кресле, и тетрадь упала ему на колени, раскрытая на странице с написанным второпях посланием. Андреа повернула голову, чтобы посмотреть, что написал ее сын, а прочитав, тяжело вздохнула.

«Я вернусь за тобой».

Эван смотрел на эти слова, которые огнем впечатывались в его память, а затем, снова сняв колпачок с ручки, начал быстро писать что-то в тетради.

— Прости, — сказала Андреа.

Он ничего не ответил. Он продолжал писать.

Глава девятая

Так ушла еще одна часть моей жизни. Страницы перевернуты, книга закончена.

В этом путешествии я попадал в места, в которых никому бывать не следует, но из всех впечатлений со мной остались лишь самые невинные. Очень долго, закрывая глаза, я мог видеть лишь бегущую за грузовиком Кейли. Она все еще там, словно фотография в моей памяти, застывшая на этом печальном моменте.

Мы переехали в новый город и в новый дом. Мы жили в новом квартале, где никто нас не знал. Самыми трудными были несколько первых месяцев. Я постоянно прокручивал в голове идею сбежать обратно в Саннивейл и даже несколько раз грозился так поступить, но так и не смог найти в себе силы сделать это. Однажды, в канун Рождества, было особенно

тяжело, и я, разругавшись с матерью, схватил велосипед и уехал на автобусную станцию. Мама нашла меня там, промерзшего до костей, ждущего автобуса, который отвез бы меня к Кейли. В ту ночь мама долго плакала, и я понял, что должен остаться. Мать нуждалась во мне так же, как и я в ней. Мы были семьей.

Я сказал Кейли, что вернусь за ней, и я отвечал за каждое слово, но расстояние между нами делало это обещание с каждым днем все более иллюзорным.

Со временем все стало налаживаться. Мама хорошо себя зарекомендовала на своей новой работе и получила повышение. Мы выбросили на свалку нашу старую «тойоту» и купили новую машину. Я пошел в новую школу, и, когда мы сбросили с плеч груз прошлого, будущее для нас обоих показалось гораздо привлекательнее. После школы я поступил в престижный колледж. Я направил все свои силы на обучение, и чем больше я узнавал о человеческом разуме, тем сильнее мне хотелось раскрыть секрет моего пропавшего времени.

Ни один из нас не признался бы в том, что отъезд из Саннивейла был самым разумным решением, которое мы когда-либо принимали — ну, по крайней мере, так нам казалось в течение нескольких лет.

Я продолжал писать, рассказывая историю своей жизни, и все чаще смотрел в будущее. Но прошлое не оставило меня.

></emphasis>

Идеи приходили быстро, и Эвану оставалось только быстро переносить их на бумагу. Он помедлил, прежде чем написать последнее предложение в своем эссе, любуясь своим сочинением, как плотник любовался бы новым столом, а живописец — завершенным, наконец, шедевром. Еще одно предложение. Вот так.

Эван откинулся на спинку стула с довольной улыбкой. Он закрыл тетрадь в голубой обложке и посмотрел на часы. Отлично.

— Итак, время, леди и джентльмены, — раздался в аудитории голос профессора Картера. — Положите, пожалуйста, ваши ручки и карандаши и закройте ваши голубые тетради. Сдайте их мне, когда будете уходить.

Эван заметил, как некоторые студенты лихорадочно дописывают что-то, и пожалел их. Психология — это не тот предмет, на который можно забить, и у многих его сокурсников, похоже, не было тяги к этой области знаний. Хотя, с другой стороны, у них нет столько личных мотивов, как у меня, подумал Эван. Он встал и, вытащив из-под стула сумку с учебниками, направился к кафедре. Проходя мимо двух сокурсниц, он услышал фрагмент их разговора.

— Понятия не имею о половине всей этой фигни, о которой говорили сегодня.

— Какого хрена мы вообще на этот курс записались?

— Ты же сама сказала, что это будет отлично выглядеть в резюме...

Эван усмехнулся и отдал голубую тетрадь профессору Картеру.

Мистер Треборн, — улыбнулся профессор. — Вы выглядите чертовски уверенно. Могу ли я спросить вас о том, как все

Эван сделал притворно-смущенное лицо.

— О, профессор, я не уверен. Мне кажется я что-то напутал... — Эван почесал голову. — Разве Павлов не тренировал своих собак, чтобы те лизали ему яйца?

Картер расхохотался и покачал головой.

— Кажется, тебе что-то известно, Эван? Ты типичный студент психфака — слишком много умничаешь!

Эван пожал плечами.

— Что я могу сказать? Это дар.

Две студентки прошли мимо, бросив свои тетради на стол так, словно они жгли им пальцы. Одна из них показала Эвану язык и, уходя, пробормотала что-то типа «этот обдолбанный ботан».

Профессор посмотрел в тетрадь Эвана.

www.NataHaus.ru

— Ну и как продвигается твой проект? Все намереваешься изменить точку зрения на ассимиляцию памяти, которой мы, скромные ученые, придерживаемся до сих пор?

Внезапно у Эвана пропало всякое желание улыбаться, и Картер это почувствовал, сразу посерьезнев.

— Увы, у меня нет выбора.

Картер с серьезным видом кивнул. Однажды Эван рассказал ему о своих затмениях, когда занимался с ним дополнительно, и профессор понял причину, по которой его студент лез из кожи, изучая проблемы памяти.

— Не беспокойся. Я уверен, что это будет настоящий взрыв.

Эван кивнул, прощаясь, и ушел. Даже если случайный выбор слов профессора и задел его, то внешне это никак не проявилось.

></emphasis>

Проезжая на велосипеде по улице, Эван попытался снова поднять себе настроение и почти преуспел в этом. В это время дня студентов у здания колледжа было немного — несколько небольших групп, устроившихся на травке или у киоска. Приглушенные хип-хоповые банч доносились из чьего-то динамика, и пальцы Эвана начали автоматически отстукивать ритм на руле. Завернув на хорошей скорости за угол, он почувствовал, как свежий воздух приятно обтекает его лицо и, крутанув педали, проскочил между двух попавшихся по пути первокурсников, обложивших его матом. Он поднажал еще, проезжая мимо двух общежитий студенческих братств. Он никогда не затруднял себя запоминанием их названий, отметив их про себя как «Фи Бета Чего-то» и «Тета Что-то Там».

У общежитий болталось немало «тет» в сине-желтых куртках. Они засмеялись над чем-то, когда он проезжал мимо. Один из них выкрикнул оскорбление и швырнул в Эвана пивной бутылкой, от которой тот ловко уклонился.

— Вали отсюда, мудака немытый, — крикнул другой.

Эван закатил глаза. «Козлы» было бы более подходящим названием для их компании, подумал он.

Неужели эти самовлюбленные придурки не понимали, что все это дерьмо о студенческом братстве в духе фильма «Энимал Хаус» давным-давно выглядит просто глупо.

Через пару кварталов он притормозил. У входа в главный корпус общежития и пристегнул велосипед цепью к железной велосипедной стойке. Достав из багажной корзины свою сумку, он перекинул ее через плечо.

— Дом, милый дом, — с сухим юмором произнес он вслух.

Главный корпус был четырехэтажным кирпичным зданием с унылым фасадом, в котором постоянно находилась толпа народа. Один из студентов психфака определил архитектуру здания как «раннюю кретинскую готику». Для Эвана Треборна это был дом до конца семестра.

Эван делил комнату 404 с еще одним студентом и его «периодическими женщинами». Поднявшись по лестнице на четвертый этаж, он сразу же услышал скрип кровати и звуки спортивного секса, эхом отдававшиеся в коридоре. Эван щедро подарил им еще несколько драгоценных мгновений, купив кока-колу из автомата, прежде чем войти в комнату.

В комнате было темно и душно. Жалюзи на окнах были закрыты, а свет погашен.

Эван прошел на свою половину и бросил книги на кровать. Он изо всех сил старался не смотреть на бледную наготу девушки на другой половине комнаты, хотя все же метнул взгляд исподтишка на ее дерзко торчащие груди.

Не обращая внимания на недовольные возгласы девушки и своего соседа по комнате, Эван поднял жалюзи и открыл окно. Вспоротившие темноту лучи света осветили крошечную комнату с синими стенами, залепленными постерами готических групп. Постеры регулярно обновлялись, и с творчеством большинства групп Эван был едва знаком. На его половине было практически то же самое.

Из-под одеяла на другой кровати появилась толстая рука, потом нога, и, наконец,

подобно носорогу, вылезавшему из болота, появился Тампер, сосед Эвана. Тампер-Кувалда был огромным чуваком, это точно. Черные панковские волосы и грубые черты лица невероятно подходили к его образу варвара, и все это венчало могучий трехсотфунтовый торс. Его настоящее имя было Уэнделл, но Эван лишь однажды ошибся, назвав его так. На пенопластовых потолочных панелях осталась вмятина от головы Эвана после того случая, когда разъяренный Тампер, подняв, ткнул его головой в потолок.

Совершенно не стеснясь, Тампер вытерся какой-то черной тряпкой.

— Сверчок, — провозгласил он. — Познакомься с моим хорошо воспитанным соседом, уважаемым Эваном Треборном.

— Привет, — безразлично бросил через плечо Эван и тут же снова вернулся к своим опытам.

Он сконструировал простенький лабиринт с маленьким блюдцем, в котором на одном конце лежали пожухлые кукурузные хлопья, а на другом была чашка Петри, населенная копошащимися плоскими червями.

— Привет, ребята, — пробормотал он себе под нос. — Кто-нибудь из вас чувствует себя умным сегодня?

Завязывая «мартенсы», которые завершали ее готический прикид, Сверчок исподлобья посмотрела на Эвана.

— Я тебя знаю. Ты облажался на антропологии.

Она перевела взгляд на своего любовника.

— Увидимся, Тампер. Эван посмотрел ей вслед.

— Мне тоже очень приятно познакомиться.

Он улыбнулся своему другу.

— Любовь зла, а? Тампер скатал тряпку в шар.

— И то верно.

Он бросил шар Эвану, который инстинктивно его подхватил.

— Вот нашел твою футболку с монашками, братан.

Эван брезгливо сморщился.

— Спасибо. Ты просто классный парень, ты это знаешь?

Тампер улыбнулся и отхлебнул колы из бутылки Эвана.

— Потому-то телочки ко мне и липнут...

Швырнув сыроватую футболку в переполненную корзину с грязным бельем, Эван пробежал пальцами по корешкам книг, посвященных проблемам амнезии, которые стояли на полке над его кроватью. Его дневники были спрятаны между томами вроде «Как познакомиться с девушкой, пользуясь гипнозом» и «Современные работы по посттравматическим синдромам». Достав тетрадь, Эван посмотрел на дату.

— Одевайся, Тампер. Будем праздновать мой день рождения.

Тампер удивленно поднял бровь.

— День рождения? Я думал, ты декабрьский мальчик...

— Это круче, — перебил его Эван. — Семь лет без провалов памяти.

Тампер кивнул с серьезным видом и полез под кровать, доставая свой чилим.

— Ну, давай отметим. Эван засмеялся.

— Мне казалось, мы способны на большее.

Бар «Грязный Хэнк» имеется в каждом студенческом городке. Конечно, у этого бара не всегда именно такое название и не всегда за стойкой работают столь неприветливые бармены, но, в принципе, всё практически одинаково. Освещение оставляет желать лучшего, в туалетах воняет так, словно в них не убрали с прошлого семестра. Музыка играет громко, и это не раздражает, но самое главное — это множество кувшинов разбавленного пива, ежедневно поглощаемого студентами.

«Грязный Хэнк» был популярен среди большинства студентов университета, и Эван пометил его как свою территорию сразу же после поступления в колледж. Он любил там тусоваться. Правда, ему не слишком нравилось, что этот бар посещали также богатенькие

ребятишки из студенческих братств — будущие яппи.

Стоя у одного из бильярдных столов, Эван послал своему соседу по комнате многозначительный взгляд. Они с Тампером играли против двух девчонок. Тампер не сводил глаз с одной из них, Кристин, которая, покуривая, наблюдала за игрой без особого интереса. Тампер отдавал предпочтение высоким худым брюнеткам — он их чувствовал за милую, как акула чувствует кровь в воде.

Эван старался не слишком явно рассматривать партнершу Кристин, Хайди, у которой были красота «девочки с соседнего двора», драные джинсы и минимум макияжа. Эвану нравились — как это он сам определил — «естественные девушки», те, кто не придавал слишком большого значения своей внешности. Впрочем, девушки и сами положили на них глаз, поскольку альтернативой было общение с тремя пьяными «братьями», сидевшими в углу бара, или с красномордым водителем грузовика, который жадно их разглядывал.

Кристин была уверена, что они с Хайди выиграют.

— Ну, — она выпустила клуб дыма. — И у кого из вас живет домашний червь?

Прежде чем Эван успел что-либо ответить, вперед выступил Тампер.

— Не червь, а черви — множественное число.

Он постарался, чтобы фраза звучала как Можно более сладострастно. Кристин скривилась.

— Бред какой-то. Неужели нельзя завести себе нормального кота или, там, собаку?

Тампер тут же указал пальцем на Эвана.

— Эй, это его фетиш, так что его и спрашивай.

Хайди загнала в лузу еще один шар.

— Так, значит, у тебя черви?

Эван пропустил мимо ушей шуточку, которую слышал, наверное, миллион раз.

— Вообще-то я работаю над одним проектом для моего курса психологии. Изучение памяти, — объяснил он.

Ни одну из девушек это не убедило.

Следующий шар находился в трудной позиции, и Хайди ударила по нему слишком сильно. Нахмурившись, она отдала кий Эвану, подавив зевок.

— Вот дерьмо. Ты уж постарайся удовлетворить наше любопытство, пока нас удар не хватил от возбуждения.

Эван тщательно натер мелом кий. В паре шагов от них шумно развлекались «братья» из «Теты». Им нравилось называть себя «греками», потому что название их братства начиналось с греческой буквы алфавита, но Эван готов был поставить все свои деньги на то, что их знакомство с греческой культурой ограничивалось кебабом. Наклонившись к столу, он легко загнал шар в крайнюю лузу.

— Посмотри на этого жирного неудачника, — обратился один из «тет» к сидевшей у него на коленях жеманной девице. Девицу звали Гвен, Эван помнил ее по курсу политэкономии.

— Да он просто кит! — поддержал его другой.

Эван бросил взгляд на Тампера, но тот проигнорировал этих придурков.

— Итак, — обратилась к Эвану Хайди. — Что там с червями?

— Это эксперимент с плоскими червями и лабиринтом. Берешь червя и прогоняешь его через лабиринт до тех пор, пока он не запомнит путь.

Эван обошел вокруг стола в поисках хорошего угла для удара.

— Затем запускаешь в лабиринт нового червя, который не знаком с лабиринтом и тычется в стены, теряясь и не понимая, куда ему ползти.

— Типа Оззи, — с задумчивым видом кивнул Тампер, не обращая внимания на брошенный в него со стороны «тет» попкорн.

Темноволосый «тета», на куртке которого было написано «Спенсер», засмеялся и отхлебнул пива, глядя на то, как его приятель швыряет новую порцию попкорна в соседа Эвана.

www.NataHaus.ru

— Эй, Хантер. Спорю на десятку, он сожрет его с пола.

Хантер, широкогрудый детина, расхохотался и хлопнул Спенсера по руке. Эван был абсолютно уверен, что именно он швырнул в него сегодня пивной бутылкой.

Третий шар ушел в лузу с костяным щелчком.

— Ты разрезаешь умного червя на куски и скармливаешь их тупому и presto! — продолжил Эван. — И теперь тупой червь знает лабиринт как... свой хвост.

Он протиснулся между Хайди и стеной, чтобы получше прицелиться. Его рука коснулась ее плеча, и, кажется, ей это не было противно. Эван подумал, что, возможно, сегодня ему дадут.

— Просто абсорбировав первого червя в свою клеточную структуру, второй получает его воспоминания, — он подчеркнул сказанное, загнав в лузу еще один шар.

Тампер постучал пальцем по подбородку, словно размышляя о чем-то важном.

— Так вот почему Ганнибал Лектор такой умный².

Едва он это сказал, как в него полетела новая порция попкорна.

На лице Кристин легко читалось отвращение, а Хайди посмотрела на Эвана, стараясь не замечать выкрики «тет».

— Так какой смысл в этом эксперименте?

Эван тщательно подготовился к следующему удару, которым должен был загнать восьмой шар; фактически это был конец игры, и через несколько секунд девушки должны были проиграть.

— Возможно, если я смогу понять, как именно работает память простого червя, то это поможет мне понять и работу человеческого мозга.

— Да ладно, — сказала Кристи. — Ты говоришь как чувак с канала «Дискавери». У них была передача про мозги и все такое.

Очередной град попкорна прилетел со стороны Спенсера и Хантера, отскочив от кожаной куртки Тампера и усыпав пол под его ногами. Рука здоровяка сжала кий, и Эвану на секунду показалось, что он сейчасотреагирует. Однако Тампер просто отошел к дальнему концу стола, подальше от хихикающих «греков».

Хайди наклонилась к Эвану. Он явно вызвал у нее интерес.

— Так ты что, планируешь стать доктором или как?

— Просто не хочу терять рассудок, — отшутился он.

Тампер тронул его за плечо и прошептал на ухо:

— Мой удар, братан, ладно?

— Конечно...

Эван легким ударом поставил восьмой шар в очень удобное для Тампера положение, которого легко было забить в лузу. Тампер подмигнул ему и резко ударил по белому шару, который, соприкоснувшись с восьмым, вышиб его со стола. Описав дугу, восьмой черной молнией влетел в кувшин с пивом на столе у «тет». Стекло разбилось, и фонтан янтарной жидкости обрызгал сидевших за столом придурков.

Злые и мокрые. Спенсер и Хантер вскочили, но Тампер, крутанув кий в сильных пальцах, со стуком опустил его на край бильярдного стола. Посвистывая с невинным видом, он тепло улыбнулся, хотя глаза его оставались холодными. Оба «грека», поколебавшись, стали отряхивать осколки с курток, недовольно ворча. Гвен, чей топик был мокрым от пива, ушла, провожаемая шуточками насчет конкурса мокрых футболок.

Кристи обняла Тампера за талию и посмотрела на него с улыбкой; он ухмыльнулся в ответ, всем своим видом показывая, что, мол, не такое уж большое дело. Тем временем Эван едва сдерживался, чтобы не расхохотаться, и в свою очередь улыбнулся Хайди.

— Кажется, вы выиграли, — сказал он. Хайди облизнула губы и игриво улыбнулась.

— Как насчет небольшого реванша в твоей комнате?

² Ганнибал Лектор — персонаж американского фильма «Молчание ягнят», психиатр и каннибал

Глава десятая

Было уже за полночь, когда они ввалились в его комнату в обнимку, целуясь и смеясь и желая друг друга. Хайди едва не упала, выскользнув из его объятий, а он ржал, пытаясь вытащить ключ из двери. После нескольких неудачных попыток ему, наконец, удалось это сделать, и он крутанул ключами, радуясь победе над замком. Хайди зааплодировала.

— Кажется, — заявил он, — я немного перебрал.

Прежде чем вернуться в общежитие, они раздавили еще одну шестибаночную упаковку пива.

— Серьезно? — удивилась Хайди. — Но не настолько ты и пьян, чтобы увилывать...

— О нет, — улыбнулся Эван. — Я парень, а парни никогда не напиваются до такой степени, чтобы...

Она заткнула его рот поцелуем.

— Чтобы что?

Эван засмеялся и, пинком открыв дверь, с грохотом ее захлопнул. Она потянула его за ремень и потащила через комнату. Ее рука змеей скользнула ему под рубашку и начала легонько поигрывать с соском. Он, потеряв равновесие, свалился на кровать, где они продолжили целоваться. Через пару секунд она оторвалась от него, чтобы расстегнуть ему рубашку. Погладив его грудь, она принялась.

— Здесь пахнет сексом.

Эван послушно пошел к окну и приоткрыл его.

— У Тампера был тяжелый день, — объяснил он, кивнув на вторую кровать, на которой в беспорядке, кучей лежали простыни и одеяло.

— Да ладно, — удивленно приподняла бровь Хайди. Она не могла понять интереса Кристи к другу Эвана. — Он такой... большой.

Сделав несколько неуверенных шагов к холодильнику у двери, Эван достал из него две запотевшие бутылки.

— Полагаю, харизма и немного черного макияжа производят неизгладимое впечатление на некоторых девочек.

Очарование Тампера, которое Эван назвал «Большим готическим», подействовало на Кристин, и та увела его к себе в комнату, предоставив Эвану возможность побыть наедине с Хайди.

Он помахал бутылкой:

— Пива хочешь?

— Спасибо.

Она взяла бутылку и основательно к ней приложилась, затем, безо всякого объяснения, скатилась с кровати, пошарила рукой под матрасом и вытащила оттуда найденную связку бумаг.

— И что это такое ты делаешь? — поинтересовался Эван между глотками. — Ищешь Последнюю девочку, которую я сюда приводил?

— Большинство ребят держат там порножурналы. Можно многое узнать о парне, посмотрев порно, которое он любит. — Хайди подняла на него глаза. — Но у тебя тут только тетради какие-то.

Он присел рядом с ней.

— Да, я веду дневники с семи лет.

Заинтригованная, Хайди придвинулась к нему поближе, и Эван улыбнулся. Похоже, ей очень нравлюсь, подумал он.

— Уау! Круто! — Хайди всегда питала слабость к людям, ведущим дневники. Она любила сунуть нос в записи своих сестер и даже своей соседки по комнате. — Прочитаешь мне что-нибудь?

Он обнял ее за талию, пытаясь сообразить, как бы ее переключить снова на поцелуи.

www.NataHaus.ru

— Ни фиги, — заплетающимся языком сказал он. — Я буду смущаться.

Он немного напрягся, чувствуя себя при этом уставшим, как это бывает с пьяными.

Она, дразня, погладила кончиками пальцев его голый торс, и Эван снова почувствовал прилив сексуального возбуждения. С хрипотцой в голосе она сказала:

— Ну тогда выпей. Червячок, ты слишком напрягся.

— Замри на месте, — голосом полицейского приказал ей Эван. — Давай-ка договоримся раз и навсегда. Я не желаю больше слышать от тебя никаких шуточек насчет червей. Не надо называть меня ни «Червячком», ни «Доктором Червем», ни «Червивым генералом». Стоит только получить подобную кличку, как она прилипнет — не отвяжешься. Мне бы не хотелось, чтобы все думали, что у меня глисты из задницы лезут или что-либо подобное, хорошо?

Хайди засмеялась.

— Заметано. А теперь почитай мне что-нибудь.

Она наугад вытащила из стопки тетрадь, на которой было написано «13 лет».

— Давай эту! Хочу узнать твои самые интимные мысли!

Открыв тетрадь, Эван начал читать вслух. Слова вылетали из его рта, прежде чем их смысл доходил до него. «Как будто мой разум отказывался поверить, что я видел это на самом деле. Слыша, как ужасно кричит Крокет...» Он заморгал, пытаясь сосредоточиться на написанном. Эван почувствовал, как кровь начинает стучать в висках. «Даже когда я пишу это, у меня бегут по коже мурашки». Кровь отлила от его лица, когда до него дошло, о чем именно он читает. Он прервался, почувствовав ком в горле.

— Я не хочу читать это... Она чмокнула его в губы.

— Да ладно тебе. Продолжай.

Его глаза сузились, и он подавил приступ тошноты. «Томми как будто был одержим чем-то. В его глазах была ненависть, которую трудно назвать человеческой...»

Эван почувствовал, как мир ускользает и атмосфера в комнате становится разреженной и светящейся. На периферии его зрения стены, двери и сама Хайли начали вибрировать, словно камертон после удара. Девушка ничего этого не замечала.

Эван слышал, как его собственный голос искажается и рассеивается, когда новые звуки стали эхом расходиться вокруг него, а старые шумы и обрывки речи поднимались из глубин его памяти. Он хотел взять себя в руки, но его язык онемел, а тело не слушалось. Давление в его голове напоминало высокую грохочущую волну, которая нарастала, нарастала, нарастала...

А потом мир сдвинулся.

Неожиданно, без паузы Эвана заполонили странные чувства, совершенно не подходящие моменту. До этого он сидел в темной комнате и на улице была ночь, теперь же он был на ногах и бежал куда-то в ярком солнечном свете. Его тело было намного меньше и слабее. Он споткнулся от неожиданности перемены и рухнул на колени, поцеловавшись со всего маху с землей.

Эван поднял голову и увидел Томми, стоявшего над его простертым телом. Его лицо было красным, а глаза блестели от ярости. Однако Томми был всего лишь ребенком, неуклюжим подростком, выплевывающим проклятия сквозь сжатые зубы.

— Что за черт? — выдохнул Эван.

Он огляделся, и воспоминания нахлынули на него, свежие, словно новая рана. Он находился на старой свалке в Саннивейле с толстым маленьким Ленни, с Крокетом, который жалобно скулил, пытаясь выбраться из облитого бензином мешка, и лежавшей без сознания на земле Кейли.

«Почему бы тебе просто не поцеловать ее, прекрасный принц?»

Воспоминание пронзило Эвана, подобно пуле. Каким-то невысказанным образом он снова оказался там, и ему снова было тринадцать, и снова он стоял лицом к лицу с разъяренным Томми.

— Это невозможно... Это не может происходить со мной...

Он услышал рычание и попытался отвернуться. Томми Миллер улыбнулся своей удаче и, размахнувшись, ударил его палкой по лицу. Эван упал на спину. Кровь со лба заливала ему глаза. словно играя в какую-то жестокую игру, зло смеющийся Томми подскочил к нему и пнул изо всех сил раз, другой, третий...

Боль охватила тело Эвана, и, закашлявшись, он сплюнул кровь. Он услышал, как Ленни пытается перекричать жалобный визг Крокета.

— Я не могу развязать веревку!

Ленни тянул завязку мешка, но его пальцы скользили по мокрой от бензина веревке. Томми повернулся к нему и улыбнулся страшной улыбочкой.

— Оставь его, или я перережу глотку твоей матери, когда она будет спать!

Ленни испуганно выпустил из пальцев веревку и отступил. В его глазах был ужас.

Собрав остатки сил, Эван схватил Томми за лодыжку и дернул на себя, удерживая его, словно капкан.

— Я держу его, Ленни! Помоги Крокету!

Но мальчик как будто застыл и стоял не двигаясь. Сердце Эвана упало, когда он увидел то же самое пустое выражение на лице Ленни, которое видел в тот день, когда они взорвали ящик у дома Халпернов. Томми резко вырвал ногу из руки Эвана и, повернувшись, навис над ним. Слезы разочарования и копившейся годами злости выступили на его глазах.

— А теперь слушай меня внимательно, Эван, — прохрипел он. — В этом мире миллионы сестер, так какого хрена ты связался с моей?!

Эван попытался ответить, но из его ушибленных легких вышел только тихий свист. Томми помахал бутылкой с бензином перед застывшим лицом Ленни и засмеялся.

— Готов, толстяк?

— Томми, нет!

Эван увидел, как яркий огонь побежал по веревке к мешку. Мешок вспыхнул, и собака издала ужасающий, леденящий кровь визг. На Эвана упала чернильная темнота.

Жесткая пощечина, которую отвесила ему Хайди, высекла искры у него из глаз, и его тело одеревенело.

— О нет! Господи, нет, нет, нет! — кричал он в панике. Потом, дернувшись, он едва не свалился с кровати. Он вдруг понял, что находится в своей комнате в общежитии, словно ничего не произошло. — Боже, Крокет! Я был там!

— Да проснись же ты, идиот! — Девушка закатила глаза. Ей уже расхотелось его соблазнять. — Это был всего лишь сон. Возьми себя в руки.

Хайди резко встала и схватила куртку.

— Черт, ты такой нытик!

Эван пытался унять бившую его дрожь.

— Но это было так реально... Вообще не похоже на сон...

— Может, это потому, что так никогда во сне не кажется.

Хайди раздраженно посмотрела на него.

— Ну, донжуан, ты всегда отключаешься на первом свидании? Ты действительно знаешь, как заставить девушку почувствовать себя особенной, — добавила она с сарказмом. Он промолчал, и она презрительно фыркнула.

Эван не обратил на ее слова никакого внимания, пытаясь понять, что именно только что с ним произошло. Это было похоже на одно из его затмений, только все было по-другому: ярче, реальнее, напряженнее. Он был напуган и смущен. Это явно был не просто сон — от силы этого видения он абсолютно протрезвел, — а его затмения были именно такими моментами потерянного времени. Это было воспоминание, сырой кусок памяти, которого прежде у него не было. Это казалось таким реальным...

— Эй, Эван, — позвала его Хайди. — Ты вообще на этой планете. Червячок?

Но он ее не слышал. Он подождал, пока не успокоится его рвущееся из груди сердце и прерывистое дыхание, а потом схватил ключи от машины и свое пальто. Обалдевшая Хайди смотрела вслед его быстро удаляющейся спине.

Солнце поднималось над горизонтом, когда Эван достиг цели своей поездки.

Ни о чем не думая, он просто сел в машину и помчался по шоссе. Он миновал дорожный знак, на котором было написано: «Саннивейл приветствует аккуратных водителей».

Где-то здесь была Кейли, сказал ему внутренний голос, и Томми, добавил он сам.

Эван поежился. Он не был готов увидеть ее. Не сейчас.

Эван въехал на своей старой «хонде» на дорожку, ведущую к дому Кэганов, и остановился. Проведя рукой по лицу, он почувствовал трехдневную щетину. Он был измотан эпизодом с Хайди и долгой дорогой, но какая бы причина ни привела его сюда, он должен получить ответы на свои вопросы.

Эван медленно поднялся по ступенькам крыльца и позвонил в дверь. Посмотрев вокруг, он увидел деревянную решетку, по которой взобрался однажды с Кейли, когда они пришли проведать Ленни. Теперь она была увита плющом, но кроме этого здесь мало что изменилось за последние семь лет. Эван попытался не думать о том дне, когда он стоял здесь, а «скорая» увозила Ленни прочь.

Дверь открылась на длину цепочки. Джанет Кэган разинула рот, когда увидела Эвана. Она быстро опомнилась, и на ее лице снова появилось неприязненное выражение.

— Чего ты хочешь?

Он натянуто улыбнулся.

— Здравствуйте, миссис Кэган. Давно не виделись. Хорошо выглядите.

На самом деле она была похожа на свой дом: почти никаких перемен за семь лет, разве что за эти годы она чуть располнела и в волосах появилась седина.

— Я просто заехал в город, ну и подумал... Могу ли я поговорить с Ленни?

Эван увидел по ее глазам и по тому, как дернулись ее пальцы на ручке двери, что она хочет захлопнуть дверь перед его лицом.

— К Ленни приходит не так много друзей, — сказала она лишенным эмоций голосом.

Эван не понял, воспринимать ли это как от ворот поворот или просто как печальную констатацию факта, но она открыла дверь пошире.

— Ну, заходи, раз пришел.

Она провела его по лестнице, мягко ступая.

— Ленни — ранняя пташка, — сказала она как бы между прочим. — Он встает вместе с жаворонками.

Она указала на дверь с керамической табличкой, на которой было написано «Комната Ленни».

— Не расстраивай его! — шепотом сказала она и постучала в дверь, прежде чем открыть ее. — У меня для тебя сюрприз, Ленни, — притворно-весело крикнула она. — Угадай, кто пришел...

Ее голос был веселым, но она смотрела на Эвана с нескрываемой неприязнью.

— Я буду поблизости! — предупредила она.

Эван вошел в комнату и обомлел. Комната Ленни несколько не изменилась. На стенах висели те же самые постеры команды аэробатов «Синие ангелы» и панорамный снимок стадиона «Янки» ночью; те же самые коробки комиксов и фигурки героев «Звездных войн» на полках. Единственным новшеством были сотни аэромоделей, свисавших на леске с потолка или стоявших рядами на полках.

Ленни сидел в том же самом кресле, склонившись над аккуратно разложенными на рабочем столе деталями. Он сохранил детскую полноту фигуры, и его одежда была чистой и тщательно выглаженной. Наверное, его мать до сих пор одевала его сама, как в детстве. Ленни посмотрел на Эвана с легким любопытством, но тут же его внимание переключилось обратно на сборку модели.

— Эй, это я — Эван.

www.NataHaus.ru

Ленни нахмурился, пытаясь сконцентрироваться на сборке двух особенно трудных деталей, но ничего не сказал.

— И что это ты там клеишь? Модель?

Эван даже мысленно застонал над тупостью своего вопроса, едва слова слетели с губ.

Заметив истребитель с двумя хвостами, он аккуратно снял его с полки и попытался подойти с другой стороны.

— Эй, это же самолет, который был в том фильме, в «Топ Гане», да? Как он называется?

Ленни ничего не ответил, и Эван, вздохнув, аккуратно поставил модель на место. Это была неудачная идея. А чего он ожидал? Немедленных ответов на свои вопросы? Он решил извиниться и уйти.

— Ладно, — он повернулся к двери. — Похоже, ты занят, так что я буду краток. Я пойму, если тебе не захочется об этом говорить, но тот день на свалке... Ты не мог бы мне помочь вспомнить, что там случилось? Какие-нибудь детали?

Тишина.

Эван потянулся к дверной ручке.

— Ну что ж...

— Это «Ф-14 Томкэт», — сказал вдруг Ленни. — Самолет называется «Томкэт».

— О, правда? — Эвана поразил его мягкий голос. Он снова взял в руки модель. — Красота.

Ленни повернулся к нему лицом.

— Я не мог перерезать веревку.

На секунду ему показалось, будто этот голос протянулся к нему сквозь годы. Он обрадовался.

— Здорово. А что ты еще помнишь?

— «Оставь его, не то я перережу горло твоей матери, когда она будет спать».

Интонация и мимика были в точности такие же, как у Томми Миллера. Эван от удивления уронил самолетик.

— Господи Иисусе! — выдохнул он. — Это на самом деле было.

Взгляд Ленни обратился к окну и рассвету. Эван был взволнован и потирал руки.

— Это значит... Что, если я могу возвращаться в свои потерянные воспоминания...

Наказание было жестким, быстрым, как молния, и ужасающим в своей полной неожиданности.

Ленни вылетел из откатившегося кресла и припечатал Эвана к стене с огромной силой. От удара эскадроны висящих на лесках самолетиков посыпались на ковер. Нога Ленни раздавила вертолет, а его пальцы железными когтями впились Эвану в плечи.

— Только пискни, и я клянусь, что этот писк будет твоим последним, гнида!

Ленни произнес эти слова монотонным голосом.

Сердце Эвана ушло в пятки; Ленни был в два раза здоровее него, и ему не составило бы труда изувечить Эвана, если бы он этого захотел. Эван нашел глазами лежавший на рабочем столе нож и стал молиться, чтобы его бывший школьный друг не потянулся за ним.

Потом, как ни в чем не бывало, Ленни мягко выпустил его из своих железных объятий и вернулся в свое кресло. Аккуратно, пинцетом, он начал прилаживать пропеллер к носу очередного самолетика. Он снова был в миллионе миль отсюда, в мире своих аэропланов.

Эван судорожно вдохнул воздух. Поведение Ленни потрясло его.

С грохотом распахнулась дверь, за которой стояла миссис Кэган с красным лицом. Она посмотрела сначала на своего сына, потом на растоптанные модели на полу, потом перевела взгляд на Эвана. Он взял себя в руки, проигнорировав ее обвиняющий взгляд.

— Ладно, старина, спасибо, что поговорил со мной, — он обогнул мать Ленни и помахал ему на прощание рукой. — Надо было раньше заехать...

Прежде чем он закончил фразу, миссис Кэган закрыла дверь в комнату Ленни и погнала его к выходу. На этот раз она захлопнула дверь перед его носом без всяких церемоний.

Оставшись один в своей комнате, Ленни сжал фюзеляж «Мустанга» в пухлой руке. Модель сминалась и гнулась, пока с громким треском не разломилась на две половинки.

Глава одиннадцатая

Тампер ставил лаком свой ирокез перед единственным в их комнате зеркалом. Серьезно посмотрев на Эвана, он спросил:

— Так этот Ленни действительно хотел тебя убить? Дурь какая-то просто.

Эван рылся в своих тетрадах, которые достал из-под кровати. Некоторые он отбрасывал сразу в сторону, в некоторых быстро пробежал глазами страницы.

— Мне так показалось. Я боялся, что он перережет мне глотку ножом для моделей.

Эван закатал рукав футболки и продемонстрировал красно-синие кровоподтеки на плече.

— Глянь на это. Руки у него как тиски.

— Злая тема. Зарезан каким-то коллекционирующим аэропланы чудиком. Есть и получше способы отойти на тот свет.

Тампер покачал головой.

— Если серьезно, чувак, то тебе просто повезло, что ты выскочил из той задницы, где вырос. Зря ты туда вернулся. Напрашиваешься на неприятности.

— Я должен был туда поехать, — тихо сказал Эван. — Мне нужно было знать наверняка о том, что произошло.

— Что ж, надеюсь, дело того стоило, потому что после случившегося с тобой прошлой ночью можешь быть уверен, что с Хайди у тебя ничего не получится.

Он пустил еще одну струю лака на свой ирокез.

— Она очень разозлилась. Рассказала Кристин о том, какой ты псих.

Эван поднял на него глаза.

— Откуда ты-то это знаешь?

— Она ворвалась в комнату как раз в тот момент, когда я снял с ее соседки лифчик, — улыбнулся Тампер. — Эй, неужели ты подумал, что я для тебя, уroda, тут наряжаюсь? У меня сегодня свидание с Кристин. Пойдем с ней клубиться. Сегодня в Редвиге играют «Гонте Гоустс», и я купил нам с ней билеты.

— По крайней мере хотя бы у тебя все удачно.

Тампер сочувственно посмотрел на соседа.

— Послушай, Эван. Почему бы тебе не пойти с нами? Попробуй исправить все с Хайди или найди себе еще кого-нибудь. Забудь ты про все это дерьмо с затмениями.

Эван покачал головой.

— Спасибо, но я не могу. То, что произошло со мной прошлой ночью, — реально. Все, что я знаю, — это то, что я, возможно, способен разблокировать некоторые из моих воспоминаний с помощью этого, — он кивнул на тетради.

— Как знаешь, — сказал Тампер. — Но помни, что сегодня я вернусь не один, так что мне бы не хотелось, чтобы ты тут устраивал фестиваль психоспазматиков.

— Не буду, — отмахнулся от него Эван. — А теперь вали отсюда. Мне нужно немного пространства и тишины.

Тампер взял куртку и направился к двери, на секунду остановившись, прежде чем захлопнуть ее.

— Просто будь осторожным, Эв. Свихнешься, и мне не у кого будет списывать.

Эван помахал ему рукой и вернулся к своим записям. Находя место, казавшееся ему важным, он приклеивал к этой странице яркую бумажку со словом «Затмение». Понемногу около него образовалась стопка дневников.

Достав тетрадь с надписью «13 лет» на обложке, он кинул ее на кровать. Упав, дневник открылся на странице, взглянув на которую, Эван почувствовал, как у него по спине поползли мурашки. На чистом листе неровными буквами было написано одно-единственное

предложение: «Я вернусь за тобой».

Эти слова были молчаливым обвинением, второпях написанным его собственным почерком. В его груди тупо запульсировало чувство вины, и он быстро закрыл тетрадь.

Эван не замечал ни времени, ни опустившейся на общежитие тишины. Студенты из соседних комнат либо легли спать, либо ушли веселиться. Эван запихнул под матрас последние тетради и посмотрел на пять отобранных из стопки дневников, из которых торчали желтые бумажки.

Он взял тетрадь с надписью «13 лет» и, открыв ее, начал читать отмеченное место.

Через несколько секунд он побелел и быстро захлопнул дневник. В его душу медленно вползал страх. В голове эхом отдавалось предупреждение Тампера. Возможно, сосед был прав, и эта идея была неважной. Эван заметил, что его руки подрагивают.

Не обращая внимания на бешено стучащее сердце, Эван глубоко вздохнул и снова открыл дневник. Решив действовать без колебаний, он начал читать вслух, развешивая слова в застоялом воздухе.

«Последнее, что я помню перед затмением, — это мои руки, закрывающие уши Кейли».

И сразу же это началось: тугое давление на глаза и резонирующее эхо внутри черепа.

«Кажется, я был более сосредоточен на ее руках, которыми она прижимала мои ладони, чем на почтовом ящике через дорогу...»

Буквы начали прыгать перед глазами. Зрение затуманилось, словно он поднес к глазам мутную линзу. Пространство вокруг него завибрировало, а потом из его памяти пришел звук, странный и неземной, столкнувшийся с настоящим. Этот звук огромными тисками сжал ему голову и тянулся, тянулся...

И пространство снова сместилось, словно оно было подобно ртути. Глаза Эвана расширились. Появилось так же, как и в прошлый раз, странное ощущение, будто земля уплывает из-под ног.

Пыхтящий Ленни стоял за ним. Кейли была впереди него. Улыбка играла на ее губах, когда она прижимала руками его ладони, зажавшие ей уши. Находившийся в стороне Томми бросил на него злой взгляд, но быстренько отвернулся, продолжая смотреть на почтовый ящик Халпернов. Эван снова был в лесу и видел все так ясно, словно это происходило прямо сейчас.

У Эвана от удивления отвисла челюсть, и сигарета выпала изо рта. Он заставил это снова произойти, и это на самом деле происходило!

— Может, фитиль потух? — прошептал Ленни, указывая на ящик. — Наверняка потух. Может, кому-нибудь надо пойти и проверить?

— Ага. Почему бы тебе самому не сделать это, Ленни? — сухо сказал Томми. — Ну ты и придурок.

Сигарета угнездилась в складках рубашки Эвана, тлея там и прожигая дырку. Он не обращал на нее никакого внимания. Его мысли металась в беспорядке. «Я на самом деле здесь! Я выуживаю из памяти момент, когда мы сунули взрывчатку в почтовый ящик, и это не сон, а реальность!» Все было настолько ярким, что он на какое-то время потерял дар речи.

Послышался звук работающего мотора, и машина въехала на дорожку, ведущую к дому. Водитель вышел и направился к ящику. Миссис Халперн! Эван поперхнулся от внезапно нахлынувшего воспоминания. Мама часто о ней говорила. Она уверенно шла навстречу опасности.

Нервы у Ленни не выдержали, и он рванулся вперед.

— Мы должны...

Рука Томми вылетела подобно атакующей змее, и его пальцы больно впились в плечо подростка.

— Только пискни, и я клянусь, этот писк будет твоим последним, гнида.

От этих слов у Эвана похолодело в груди. Спокойный, ненавидящий, монотонный голос был в точности таким же, каким говорил Ленни, когда Эван пришел навестить его. Его пальцы машинально дернулись к плечу, на котором были синяки... или будут.

Лиза Халперн почти дошла до почтового ящика, когда из машины донесся плач. Она повернулась и направилась обратно. Расстегнув ремни на детском сиденье, Лиза Халперн взяла ребенка на руки, и плач затих.

— Не надо плакать, ангел! — улыбнулась она.

Резкая боль пронзила Эвана, и, посмотрев на рубашку, он лихорадочно начал стряхивать с одежды пепел. Страхнув тлеющий уголек сигареты на землю, он поднял подол рубашки и увидел красное пятно ожога на животе. Сжав зубы, чтобы не закричать, он услышал тихие ругательства Томми:

— Вот дерьмо! Куда она идет?!

Через улицу до них доносился голос миссис Халперн.

— Как там моя девочка? — ворковала она. — Ой! Тебе, кажется, нужно сменить пеленки, не так ли, милая?

Эван вздохнул с облегчением, когда увидел, как женщина миновала ящик и, поднявшись по ступенькам крыльца, стала открывать дверь ключом. «Давай, давай!» — мысленно подгонял он ее, желая, чтобы она поскорее вошла в дом! Бросив взгляд на друзей, он увидел то же самое выражение трепета на лицах Кейли и Ленни.

Но внезапно миссис Халперн развернулась и зашагала назад.

— Давай-ка заберем почту для папы, — улыбнулась она. Ребенок счастливо гугукнул.

Теперь улыбался только Томми. На лицах Эвана, Кейли и Ленни появилось выражение нарастающего ужаса.

Миссис Халперн поднесла ребенка к дверце почтового ящика.

— Хочешь сама открыть дверцу, красавица?

Эвану хотелось заорать изо всех сил, когда он увидел, как ребенок играет с ручкой.

Когда произошел взрыв, ощущение было такое, словно разверзлись небеса. Грохот загнал тупые иглы в уши Эвана, погрузив его в свистящую и визжащую глухоту.

Едкий дым поднялся облаком, и легкий бриз донес до подростков запахи гари. Эван не мог заставить себя оторвать глаза от окровавленных останков рядом с почтовым ящиком. «Что же мы наделали?»

Обрывки чего-то, очень напоминающего ткань, и деревянные щепки начали сыпаться сверху, и сухая черная сажа медленно опускалась на крышу машины Лизы Халперн.

Эван был рад, что взрыв оглушил его и ему не довелось услышать их крики.

Томми обшарил глазами дорогу — нет ли вблизи машин, — но ничего не увидел. Единственной реакцией был лай соседских собак и автомобильные гудки за много кварталов от них.

— Быстро! — крикнул он остальным. — Бежим!

У них было не более минуты, чтобы унести ноги, прежде чем начнет собираться народ, привлеченный шумом.

Эван и Кейли попятились в кусты и, развернувшись, рванули в лес. Пробежав за Томми несколько метров, Эван повернулся и крикнул:

— Быстрее, Ленни!

Но Ленни стоял не двигаясь, как статуя, сжав кулаки в два тугих шара. Его пустой взгляд был направлен на малинового цвета лужу у почтового ящика, и это зрелище навсегда запечатлется в его сознании. Подбежав к нему, Эван подхватил его под одну руку, а Томми — под другую.

— Двигайся, придурок чертов! — крикнул Томми. — Если ты сейчас же не двинешь свою жирную вонючую тушу, я оставлю тебя полицейским!

Эван попытался подтолкнуть Ленни, но его ноги подгибались. Томми закинул его руку на себя, и Эван последовал его примеру. Двое подростков поволокли третьего.

Они бежали вслепую, не обращая внимания на хлеставшие по лицу ветви деревьев, стараясь как можно быстрее убежать с места преступления.

— О нет, — хриплый голос Кейли, казалось, исходит прямо изнутри головы Эвана. — О господи боже мой... Нет...

www.NataHaus.ru

Боль снова прострелила тело Эвана от головы до пят, и от этого по нему прошла судорога. Он снова оказался в своей комнате в общежитии.

Повинуясь рефлексу, он перегнулся через край кровати, и его стошнило на пол. Он издал слабый звук отвращения. Комната была душной и запущенной. Запах пива смешивался с вонью блевотины и пота. Эван услышал ритмичное поскрипывание пружин кровати Тампера. Он кашлянул и поморщился от едкого вкуса во рту.

Что-то смутное мелькнуло на задворках его памяти, и, посмотрев вниз, он провел рукой по груди и животу. Пальцы нашли бесцветный кружок шрама на животе, как раз в том месте, где сигарета прожгла его одежду во время болезненного возвращения памяти.

— Что за черт? — вслух удивился он. — Такого со мной никогда не случилось... Я никогда не поджигал себя во время отключек, точно это знаю!

Он некоторое время изучал след от ожога, который был старым, хотя до сегодняшней ночи он его никогда не видел.

Из-под одеяла вылезла голова Тампера.

— Эй, сосед! — позвал он.

Эван посмотрел в его сторону, обозревая голые формы девушки в постели. Про себя он отметил, что это была отнюдь не Кристин. Тампер указал на его подбородок, испачканный рвотой.

— Ты бы вытерся, старик, пока у меня не пропал аппетит. Всю романтику убиваешь.

Эван проигнорировал его замечание и схватил дневник, который до этого читал. Взяв с полки ручку, он начал что-то лихорадочно строчить на полях, рядом со словами, которые написал в тринадцать. Он думал о шраме. Что-то изменилось. Точнее, он сам изменил что-то, побывав там, в своем прошлом, и шрам был тому свидетельством. У Эвана закружилась голова.

Эвану не хотелось снова ехать в Саннивейл, и, судя по тому, как Ленни себя повел при их последнем свидании, встречаться с ним было небезопасно. Но это была лишь одна из причин, по которым он не хотел туда ехать. Картины из его новоприобретенных воспоминаний о проделке с почтовым ящиком были слишком яркими и свежими, сама мысль о том, чтобы вернуться на место преступления, наполняла его отвращением и страхом. Эван сглотнул ком в горле и отогнал мрачные размышления, с напряжением слушая гудки в телефонной трубке. Нет ответа.

Он наклонился поближе к таксофону, заткнув одним пальцем ухо, чтобы заглушить шум, доносившийся из холла общежития. Коридор был украшен яркими лентами серпантина, тряпочками сдувшихся воздушных шариков и бесчисленными плакатами. Весь этот яркий декор был в честь Родительского дня, и на досках объявлений висели афиши с расписанием концертов, презентаций и прочих мероприятий. Праздничная суэта пронеслась мимо Эвана, который планировал провести это время с матерью, как можно дальше от колледжа.

К телефону никто не подходил, и он бросил взгляд на часы в надежде, что миссис Кэган все еще дома. В холле было полно студентов, болтающихся без дела. Некоторые напускали на себя мрачность, некоторые беззаботно-весело гуляли со своими мамами и папами, приехавшими из дома с сумками, полными продуктов и других сокровищ. Рядом с Эваном звякнул лифт, исторгая из себя очередную порцию студентов, пополнившую холл. Среди них была готического вида девушка с прической как у дикобраза, одетая в черный жилет и джинсовый комбинезон, что очень хорошо сочеталось с ее бледной кожей и очками в черной оправе. Единственным ее украшением был золотой панк на цепочке. Последняя пассия Тампера подмигнула Эвану, проходя мимо.

— И как это у него получается? — удивился вслух Эван, и в этот момент на другом конце подняли трубку.

— Да? — спросил женский голос вежливым, корректным тоном, который появляется у пожилых леди, когда они говорят по телефону.

— Э... здравствуйте, э... миссис Кэган? Это Эван Треборн...

www.NataHaus.ru

— Что ты хочешь? — в голосе появился лед. — Ты уже достаточно навредил Ленни. Он очень расстроился из-за твоего последнего визита!

— Я знаю. Мне очень жаль. Но я обязательно должен поговорить с ним...

— Я так не думаю! — зло ответила мисс Кэган. — В этот дом вам путь заказан, вы — человеконенавистник!

— Но... — Зазвучали короткие гудки. Она положила трубку.

Эван переваривал услышанное, когда внезапно кто-то хлопнул его по плечу. От испуга он уронил трубку. Он не знал, кто именно мог стоять за его спиной — Ленни? Томми? — и, повернувшись, встретился лицом к лицу с профессором Картером.

— Ух! — улыбнулся Картер. — Не думал, что так тебя напугаю, Эван.

Он кивнул на телефон.

— Неприятный разговор? Эван вздохнул.

— Да все нормально, профессор. Просто я сегодня целый день какой-то заведенный.

— Я тебе говорил, что надо завязывать пить столько кофе! Слушай, я просто хотел узнать, как у тебя продвигаются дела с червями. Жду не дожусь окончательных результатов.

Эван кивнул.

— О да, конечно. Просто у меня сумасшедший период: мама приезжает, и все такое, так что я на самом деле...

Профессор, улыбнувшись, жестом остановил его.

— Знаю, знаю. Кто станет думать о функциях мышления плоских червей, когда активность либидо зашкаливает, да?

Эван снова кивнул. Ему нравилась прямолинейность профессора Картера.

— В общем, так и есть.

— Но сделай мне одолжение, — посерьезнел профессор Картер. — Не бросай это дело, ладно? Ты умный парнишка, Эван. Постарайся не расплыться. У тебя впереди большое будущее, я вижу это.

— Я вас не подведу, профессор.

— Знаю.

Картер дружески похлопал Эвана по плечу и пошел дальше, помахав какой-то студентке, стоявшей с родителями.

Эван вздохнул и снова посмотрел на часы. Ему нужно было переодеться перед встречей с матерью, с которой он договорился поужинать. Он снова и снова вспоминал ужасные события, произошедшие с ним недавно. Он уже дал себе слово пока ничего не говорить матери о вернувшихся затмениях. Его потери памяти были в прошлом, и ему не хотелось ее снова волновать. Тем не менее, что-то рвалось на поверхность. Что-то из его детства. Подслушанный однажды на приеме у доктора в клинике Саннивейла кусок разговора. Как там звали этого доктора? Редфилд, кажется.

Они были у него в кабинете, и мать сказала:

— Вот за этим я тебя и привела сюда, Эван. У доктора Редфилда есть опыт работы с людьми, потерявшими память.

— У моего папы тоже плохая память? — вспомнил свой вопрос Эван.

В тот день он так и не получил ответа на свой вопрос, и теперь, после всего что с ним произошло, ему хотелось этого больше, чем когда-либо. Он решил никому ничего пока не говорить и как следует изучить этот феномен, подобно опыту с плоскими червями. Как бы это ни называлось — провалами, посттравматическими потерями памяти или ясновидением, — Эван решил докопаться до истины любой ценой.

Воспрянув духом, полный новых намерений, он пошел к себе в комнату, бессознательно потирая то место на животе, где тлеющая сигарета оставила шрам от ожога.

Глава двенадцатая

Ресторан принадлежал абсолютно другому миру, отличному от того, где существуют неопрятные общежития колледжей. Здесь была уютная, дружелюбная атмосфера. За столиками о чем-то тихо беседовали посетители. В доме Треборнов всегда отдавалось предпочтение именно итальянской кухне — спустя много лет Эван вспоминал вечера по средам как «вечера пасты», — и ресторан «У Джиотто» был гостеприимным оазисом в его полной стрессов жизни.

Андреа промокнула губы салфеткой и улыбнулась.

— Ммм. Это тирамису было великолепным. Слишком калорийным, но все же невероятно вкусным.

Она глотнула минеральной воды из высокого стакана.

— Как ты нашел этот ресторан? Это не совсем твое место.

— Здесь я назначаю особенные свидания, — ухмыльнулся Эван. — Ты не поверишь, но Тампер здесь работал летом и мыл тарелки. Иногда он приносил объедки, и это было вкусно.

Он указал на свою пустую тарелку.

— Они здесь делают отличную лазанью. Хотя, конечно, не настолько вкусную, как твоя.

Его мать улыбнулась, поправив прядь седеющих волос.

— Льстец. Хотя за это я оплачу счет.

Когда один из официантов унес тарелки, она взяла счет со стола.

— Мама, тебе не обязательно это делать.

— Меньшее, что я могу сделать, это оплатить ужин моему гениальному сыну. Кроме того, тебе понадобятся деньги, чтобы рассчитаться за обучение.

Она подписала счет и, подчиняясь импульсу, наклонилась и поцеловала сына в щеку. Он слегка покраснел.

— Прекрати, мама, — сказал он, застеснявшись. — На нас люди смотрят!

— Не могла сдержаться, — с теплотой в голосе сказала она. — Я так тобой горжусь! У тебя лучшие оценки.

Эван робко улыбнулся и отвел глаза в сторону. Весь вечер вопросы вертелись на языке, но каждый раз, когда он уже готов был произнести один из них, нервы в последний Момент сдавали и он не решался. Мать была в прекрасном настроении, и у него не хватало духу начать разговор на тему, которая могла испортить им обоим вечер. Он понимал, что его матери совсем не хочется ворошить угли старого пепелища, оставшегося где-то в прошлой жизни, но не спросить — значит не получить ответы на мучающие его вопросы. Он сделал осторожный глоток кофе и спокойно посмотрел на мать.

— У моего отца... — он едва не поперхнулся, сказав это. — Э, у Джейсона тоже были хорошие оценки в школе?

На какую-то долю секунды в глазах матери мелькнуло беспокойство.

— Ну что ты! — улыбнулась она. — Ему даже не приходилось брать в руки учебники, в то время как остальные продирались через каждую страницу. Здесь память никогда его не подводила.

В ее голосе проскользнула завистливая нотка.

— Мам, — поднажал Эван. — Я просто думал о нем. Ну, о том, что случилось, и все такое. Он никогда не говорил, что нашел способ восстанавливать потерянные воспоминания спустя годы после затмений?

Улыбка исчезла с лица Андреа.

— Почему ты меня об этом спрашиваешь?

Эван постарался, чтобы его голос звучал как ни в чем не бывало.

— Нет, просто странно. Он же такой супермозг, и все такое. Мне просто любопытно, нашел ли он способ вспомнить то, что забыл.

Андреа обеспокоено на него посмотрела. Она не была готова обсуждать то, как вел себя в последнее время Джейсон со своим сыном, особенно в переполненном ресторане, но что-то в его глазах, какое-то непонятное томление, заставило продолжить разговор.

— Когда он был примерно твоего возраста... — она остановилась на середине предложения. — На самом деле, когда Джейсон был именно твоего возраста, подумать только, он сказал, что нашел способ вспомнить прошлое.

Умные, задумчивые глаза Эвана, смотревшие на нее со спокойным интересом, Напоминали ей о Джейсоне.

— Способ? — Эван постарался ничем не выдать своего волнения. — Что он имел в виду?

— Я не уверена, — сказала Андреа. — Он сказал, что может делать это, но я не знала, были ли это его настоящие воспоминания или фантомы.

Она посмотрела на сына.

— Понимаешь, ему могло только казаться, что он на самом деле все вспомнил. Это могла быть иллюзия.

— Конечно, — ответил Эван. — Продолжай.

Следующие слова дались ей с трудом:

— А потом... Как раз перед тем, как все стало так плохо, что ему пришлось лечь в клинику, он сказал, что может...

Она замолчала, и ее глаза потемнели.

— Что? Что он может? Сердце Эвана быстро стучало.

— Мне нужно знать!

Андреа покачала головой, как бы отгоняя какую-то нелепую мысль.

— Забудь. Ничего, — она вздохнула. — К тому моменту он уже был сильно болен.

Эвана так и распирало от любопытства, но он понял, что мать более ничего не скажет на эту тему. Он кивнул.

— А почему ты меня об этом спрашиваешь? Что-нибудь случилось?

— Не, — слишком быстро ответил он. — Я просто о нем вспомнил почему-то. Папа и Саннивейл... Кейли, прошлое и все такое...

Это была неуклюжая попытка усыпить ее бдительность, и он это понимал.

Мать напряглась. Разговор принимал опасное направление, чего ей вовсе не хотелось.

— Теперь это все позади, малыш, — сказала она. — Тебе нужно смотреть в будущее. Я получаю новую работу в отделении для раковых больных, а у тебя есть реальный шанс пробиться наверх.

— Знаю, — ответил он. — Но иногда я все же думаю об этом. О Кейли...

— Эван, в этом нет смысла, — ровным голосом сказала Андреа. Ее настроение начало портиться. — Ты не видел Кейли шесть или семь лет. Возможно, ты ее даже не узнаешь сейчас. Ты пошел дальше в своей жизни, так же как и она.

— Ты не знаешь, что с ней? Мать Эвана помолчала.

— Кажется, она переехала в Риджвуд, — она пожала плечами. — Послушай, я просто хочу сказать, что все прошло. Чем чаще ты вспоминаешь прошлое, тем больше сожалений, — сказала она траурным голосом. — Не живи прошлым, Эван. Твой отец всегда оборачивался назад, и это его уничтожило. Я не переживу, если это случится с тобой.

Он нежно коснулся ее руки. — Не бойся, мам. Я просто спросил, и все. Эван удивился тому, как легко у него получилось солгать ей.

Опираясь на одну руку, Тампер лежал на кровати и наблюдал за тем, как его сосед нервно ходил из угла в угол по комнате, рылся в кучах бумаги, переворачивал старые, пожелтевшие страницы тетрадей и журналов и хмурился, если ему не удавалось найти то, что нужно. Тампер издал неприличный звук неодобрения.

— Чувак, ты меня начинаешь беспокоить своей одержимостью. Сядь и успокойся.

Эван бросил на него пустой взгляд и ничего не ответил. В конце концов, он нашел то, что искал, — перетянутую резинкой стопку тетрадей. Сорвав резинку, он начал их листать.

— Серьезно, Эван, — добавил Тампер. — Я начинаю думать, что ты потихоньку съезжаешь с катушек. Я уже вижу, как в вечерних новостях говорят: «Да, мы знали Эвана Треборна. Такой был тихий парень...» — после того, как ты с «Калашниковым» захватишь

химлабораторию.

— Заткнулся бы ты, Тампер, — ответил Эван, доставая один из дневников и разворачивая его на заложённой странице. Прочистив горло, он начал читать вслух: — «Мне все равно никогда не хотелось сниматься в кино, к тому же было холодно, и я не хотел раздеваться, но мистер Миллер снял с меня рубашку».

— Что это еще за херня? — перебил его Тампер, вскочив на кровати. На его лице было написано отвращение.

— Я же сказал тебе заткнуться! — крикнул Эван. — Мне нужна тишина.

Тампер соскочил с кровати. Эван не успел и моргнуть, как варвар выхватил из его рук тетрадь и поднял ее высоко над головой, как баскетболист мяч.

— Ты вообще сдурел, что ли? — поинтересовался он. — Ты вообще понимаешь, с чем ты связываешься?

— Что такое? Отдай мне чертову тетрадь, Тампер!

— Зачем? Чтобы ты мог как следует выебать себе мозг? Нет, чувак, этого не будет.

Эван попытался выхватить у него тетрадь, но промахнулся.

— О чем ты говоришь?

Тампер сделал якобы сконфуженное лицо.

— Ой, блин! Ну, я даже не знаю! Но, возможно, существует хорошая причина, по которой тот день, когда какой-то больной урод переодевал тебя в беленькие колготки, заблокирован твоей памятью, черт бы тебя побрал!

Он бросил взгляд на заложённую страницу и начал читать. Потом горько засмеялся над прочитанным.

— Вот дерьмо! Я бы дважды подумал на твоём месте, прежде чем это читать. Можешь очнуться еще более ебнутым, чем ты сейчас. Уж поверь.

— Это мой выбор! А теперь отдай мне мой дневник! — разозлился Эван.

На секунду ему показалось, что Тампер собирается выкинуть дневник из окна, но сосед пожал плечами и сунул тетрадь ему в руки.

— Послушай, старина, мы друзья, и все такое, и это твой выбор, но я хочу тебе сказать, что все это дерьмо с копанием в прошлом — билет в один конец на экспрессе, который едет в дурдом.

— Спасибо за совет, доктор Фрейд, — неубедительно сказал Эван.

Открыв страницу, он вздохнул и снова начал читать с того места, где остановился. Его пальцы чувствовали тугие углы страниц, и внезапно по ним пробежала дрожь. Дневник затрясся в руках, и кровь застучала в ушах, грозя переполнить его этим звуком.

Движением запястья он закрыл тетрадь и уронил ее на пол.

— Черт! Я не могу это сделать.

— Ты так говоришь, будто это что-то ужасное, — покачал головой Тампер. — Знаешь, что тебе нужно со всем этим сделать? — Он ткнул толстым пальцем в стопку тетрадей. — Тебе просто нужно пойти в подвал и сжечь, к ебням эту хуйню. Избавься от них и забудь.

— Не могу, — выдавил Эван. — Ты не знаешь, что это такое — жить с дырой в голове, не иметь возможности вообще ничего вспомнить о каком-нибудь определенном дне!

— Да ты шутишь! — резко хохотнул Тампер. — Я курил столько травы, что не помню происходившее в течение месяцев!

Эван оставил без внимания это легкомысленное высказывание.

— Если существует способ заполнить пробелы в моей памяти, то я должен его найти.

— И в процессе поиска свихнуться? Не слишком ли велика цена? — поинтересовался Тампер. — Ты же психиатр, Эван, и ты прекрасно разбираешься в мозгах. Будешь продолжать — свихнешься, как и твой старик, — он покругил пальцем у виска. — Mui loco.

— Я должен попытаться, — тихо сказал Эван.

Тампер со всего размаха упал на кровать.

— Наверняка существуют более легкие пути достучаться до прошлого... — он сделал рукой волнообразное движение. — Поговори с кем-нибудь, кто был там. Твоя мама не

захочет терять...

— Не впутывай ее сюда, — резко оборвал его Эван.

Тампер кивнул.

— Хорошо, ты не можешь поговорить с мамой и уж точно не можешь поговорить с твоим старым дружкой Ленни, потому что он надолго ушел пообедать. А как насчет твоей школьной подружки? Как там ее, Кейти, что ли?

— Кейли. Я не мог с ней увидеться. Мы разговаривали с ней последний раз, когда мне было тринадцать. Я с ней расстался...

— Ну, вот тебе и прекрасная возможность с ней все наладить. Ты же знаешь, где она живет?

— Риджвуд. Рядом с Саннивейлом. Несколько домов и пара магазинов.

Эван вспомнил о том, что рассказала ему мать. Тампер развел руками.

— Классно. Тогда ее легко будет найти, не так ли?

Эван молча смотрел на мраморную обложку закрытой тетради, затем, подчиняясь внезапному порыву, он схватил ключи от машины и выбежал из комнаты, оставив позади удивленного Тампера.

— Двадцать долларов в час! Всегда пожалуйста! — крикнул тот ему вдогонку.

></emphasis>

Эван ехал весь день, остановившись лишь раз на заправке, чтобы сделать несколько звонков. Как ни странно, но он очень быстро выследил Кейли. В глубине души он надеялся, что ее будет невозможно найти и у него будет оправдание, чтобы развернуться и поехать обратно, но он почувствовал, как забилося сердце, когда узнал, что она действительно там, что она жива и что он на самом Деле снова увидит ее.

Эван поговорил с дружелюбной женщиной в офисе шерифа Риджвуда, притворившись, что разыскивает одноклассников для вечера встречи выпускников, и с язвительным пожилым джентльменом — хозяином «Лесного парка», стоянки трейлеров, в одном из которых жила Кейли. Старик сказал, что она там практически не появлялась, так как работала в вечернюю смену. Ее можно найти на выезде из города, в забегаловке для дальнобойщиков. Эван записал адрес на бумажке и уехал.

Чем ближе он подъезжал к закусочной, тем сильнее нервничал. Когда мимо проехал грузовик, осветив его фарами, он посмотрелся в зеркало заднего вида и отметил про себя, что выглядит измученным и нездоровым. Эван безуспешно пытался отогнать беспокойные мысли. Убрав пятерней грязные волосы со лба, он крепко сжал руль и прибавил газу, словно скорость могла развеять его беспокойство и страх.

Когда в конце концов Эван свернул с дороги и подъехал к закусочной, на Риджвуд опустилась ночь. Это был пустынный островок хромированной стали и грязного стекла посреди моря асфальта. Он выключил двигатель и посидел минуту. Место было одиноким и казалось заброшенным, хотя Эван не был уверен в том, что не проецирует собственные чувства на здание, стоящее перед ним.

Столовая отбрасывала маслянистый свет, собиравшийся вокруг нее, словно лужа подтаявшего воска, и над ней светились ярко-розовые неоновые буквы, пульсировавшие без всякого ритма. Эван некоторое время смотрел на тени в окнах, неясные очертания людей в кабинках и за длинной стойкой. Время от времени между ними пробегал светлый силуэт. Официантка?

Кейли работала в этом месте. Эван попытался совместить эту мысль с воспоминаниями о ней, печальной и красивой Кейли, и ее жестокой и несправедливой жизни.

Дверь столовой внезапно распахнулась и извергла из себя двух водителей-толстяков во фланелевых рубашках и бейсболках.

— За каким хреном мы остановились в этой дыре? — прохрипел один из них. — Еда здесь воняет.

Другой дальнобойщик пожал плечами:

www.NataHaus.ru

— Это единственное место на пятьдесят миль. Хотя ты прав: еда здесь воняет, как жареная блевотина.

Водители засмеялись. Их голоса затихали по мере того, как они удалялись по направлению к стоянке грузовиков.

Сердце Эвана упало. Он явно не ожидал найти Кейли в такой забегаловке. Может, в каком-нибудь дорогом ресторане, где ее ценят и хорошо платят, но не в «Закусочной Риджвуда».

«Это моя вина, — сказал он себе. — Я мог помочь ей устроить жизнь по-другому».

Грузовики проехали мимо него, осветив габаритными огнями хромированную сталь столовой. Из-под их колес вылетал гравий. Он снова увидел пробежавший по залу белый силуэт, вспыхнувший, подобно яркой бабочке, в грязном окне.

— И что я здесь делаю? — вслух спросил себя Эван. — Я что, и дальше буду сидеть здесь и тайком наблюдать за ней или все же зайду внутрь и поговорю с ней?

Надев на лицо уверенную улыбку, он вышел из машины и пошел к столовой. По пути он уже не в первый раз мысленно повторил слова, которые намеревался ей сказать. «Я тут мимо проезжал... Ну и совпадение, что ты работаешь именно в этой столовой! Я тебя искал, и...»

Все слова звучали плоско. «Я просто поговорю с ней, — решил он. — Этого будет достаточно».

Дверь жалобно скрипнула, когда он вошел внутрь столовой. Внутри «Закусочная Риджвуда» была такой же неприятной, как и снаружи. В этом придорожном кафе почти за всеми столиками сидели криминального вида типы из Риджвуда и Саннивейла, а также, естественно, дальнобойщики, поглощающие с волчьей жадностью пережаренную еду и ядовито-крепкий черный кофе. В воздухе висело облако сигаретного дыма, а все поверхности были серыми от грязи.

Едва Эван успел переступить через порог, как из дверей кухни выбежала Кейли, неся в руках несколько тарелок. На ней была застиранная красно-белая униформа, напоминавшая о пятидесятых и выглядевшая так, словно ее протащили пятьдесят миль по грязной дороге. Ее растрепанные волосы падали на бледное и потное лицо.

Она выглядела измученной и истощенной. Крутящаяся дверь кухни отпружинила назад, как флиппер в бильярде-автомате, и ударила ее по ноге. От удара она уронила тарелку с чили на грязный бетонный пол.

— Ради всего святого... — раздался скрипучий мужской голос. — Ты можешь хоть один день отработать, не разбив чего-нибудь?

Эван выскочил обратно, спрятавшись за рядами телефонных автоматов, стараясь не попасть ей на глаза. Он видел, как она покраснела от смущения, наклоняясь, чтобы убрать с пола. Ее унижение заставило Эвана сжать кулаки.

Здоровенный лысый мужик в поварском белом халате выглянул из кухни.

— Не стой там. Убери все это дерьмо и возвращайся обратно к работе! — Он толкнул ее в грудь. — Сотни таких вот королей трейлерных стоянок готовы встать на четыре точки, чтобы получить эту работу, так что будь аккуратнее!

Кейли не ответила. Она просто молча вернулась к уборке. Эвану хотелось войти внутрь и сказать что-нибудь, но он не решался. Он не мог вот так вот ниоткуда влететь в ее жизнь, как белый рыцарь, подвергая ее риску увольнения. Он должен поговорить с ней наедине.

Она собрала с пола еду и осколки тарелки и понесла к мусорному ведру на кухне. По пути ее ущипнул за попку один из клиентов, жирный урод в кепке Mach, в котором Эван узнал одного из типов, ошивающихся в «Грязном Хэнке».

— Хорошее мясо! — хрюкнул он, демонстрируя полный гнилых зубов рот.

Эван наблюдал ее реакцию. Он видел, как ее глаза блеснули ненавистью, но она лишь натянуто улыбнулась и пошла дальше.

Он сел в машину и стал ждать, глядя на циферблат часов на приборной доске. Время медленно ползло к полуночи.

Глава тринадцатая

Когда Кейли, наконец, вышла из дверей столовой, на улице уже здорово похолодало. Она намеревалась уйти ровно в полночь, но хозяин закусочной снова использовал старый трюк и заставил проработать на час дольше. Она надела пальто и собиралась уйти, когда босс окликнул ее.

— В чем дело? — крикнул он. — Тебя не ждет дома ребенок или мужик, так что не скули и поработай еще.

Однажды Кейли произнесла слово «сверхурочные», и он просто рассмеялся ей в лицо.

Придя на сорок минут позже, Сельма, ее ночная сменщица, сразу же закрылась в подсобке с боссом, а через несколько минут вышла с растрепанными волосами и расстегнутой блузкой. Кейли уже привыкла включать радио, чтобы заглушать производимые ими звуки.

Хлопнув дверью, Кейли облегченно вздохнула.

— Ненавижу это место, — тихо сказала она.

Этот ритуал она совершала каждый день, и он был единственным подтверждением того, что это место еще не сожрало ее.

Кейли накинула потертое пальто на плечи и долго возилась с молнией. Чертова вещь была куплена по дешевке и никогда не застегивалась с первого раза, застревая на полпути.

Кейли выругалась, и именно в этот момент боковым зрением уловила движение какой-то тени у одной из машин и потянулась к сумочке, чтобы достать из нее газовый баллончик. Ей не понравился схвативший ее за задницу мужик, и если он хочет какого-то продолжения, то получит в морду струю перечежного газа. Уже не в первый раз Кейли оставляла нападавших на нее насильников визжащими, как свиньи, и хватающимися за лицо.

Когда Эван Треборн вышел из тени, она замерла на месте, не веря своим глаза. Она узнала его сразу же, несмотря на небритость и серьезный взгляд. Ему шла его взрослость, хотя в ней все равно было что-то мальчишеское.

— Эван? — выдавила она из себя. Он дружески улыбнулся.

— Привет, Кейли.

Затем она сделала нечто, чего не делала давным-давно: искренне улыбнулась. Эван шагнул ей навстречу, и они обнялись.

Эван первым отпустил ее и внимательно на нее посмотрел. Она выглядела уставшей и пахла дешевым табаком и жирной едой, но он по-прежнему был ею очарован.

— Боже, Эван! Вот уж не думала, что когда-нибудь увижу тебя снова, — сказала она. — Как ты?

Он пожал плечами.

— Да я такой же, как и был.

— Нет уж, Эван, — засмеялась она. — Прошло столько времени. Рассказывай.

— Ну, я теперь учусь в колледже, и, в общем-то, кажется, все нормально. Мама в порядке...

Кейли бросила взгляд через плечо. За ними в окно наблюдала Сельма. Кейли кивнула Эвану, и они пошли по дороге в сторону города.

— Это здорово, — сказала она, не зная, что добавить. Ее голова все еще шла кругом от внезапного появления Эвана. Вытащив пачку сигарет, она предложила ему одну. — Куришь?

— Не-а. Не прикасался к этой дряни с детства.

Кейли прикурила сигарету и глубоко затянулась, наслаждаясь.

— Я сто раз уже бросала. Так и не получилось.

Они шли по дороге в поисках места, где можно было бы посидеть и продолжить разговор.

— Ну, — спросил Эван. — И как поживает Томми?

Она сделала еще одну глубокую затяжку, затем выплюнула дым, будто избавлялась от

чего-то плохого внутри себя.

— Его продержали в спецшколе несколько лет после... ну, после того, что было. Сейчас он работает на автомойке Дейла в городе.

Кейли пожала плечами.

— Кажется, ему это нравится. Целыми днями можно вышибать дерьмо из бамперов.

Эван кивнул и внимательно посмотрел на нее, прежде чем задать ей следующий вопрос, несмотря на то, что он уже знал ответ.

— А ты? Все еще живешь с отцом? Ее глаз едва заметно дернулся.

— Нет, — голос был ровным. — Я стала жить отдельно еще в пятнадцать.

— Ого! — он не мог скрыть удивления. — Для этого нужна смелость.

Она покачала головой и усмехнулась.

— Да нет, если ты, конечно, помнишь моего папашу...

— Так почему же ты не поехала к матери во Флориду? Она ведь живет в Орландо, не так ли?

Кейли покачала головой с явным сожалением.

— Нет. У нее там новая семья, и для меня не нашлось места. Она сказала, что мне надо было переехать к ней, когда я была маленькой, а сейчас...

Помолчав, она добавила:

— Да какая разница.

Шагов десять они прошли молча. Потом она решила заговорить снова, отогнав невеселые мысли:

— Ну а ты-то зачем вернулся в это мрачное место?

— Вообще-то, Кейли, я приехал сюда, чтобы поговорить с тобой.

Внезапно сердце Кейли, помимо ее воли, наполнилось детской радостью. Ее лицо просветлело.

— Со мной? Да ты шутишь! О чем?

— Это очень странная тема. Помнишь, когда мне было семь лет, у меня были отключки?

Она кивнула.

— Конечно. Они с тобой еще случаются?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, это не совсем так. Просто некоторые из моих заблокированных воспоминаний начинают возвращаться, и я хотел поговорить с тобой об одном из них особо, — он вздохнул. — Ты мне очень поможешь.

Кейли немного смутило направление, которое принимал их разговор. Она не знала, к чему именно вел Эван.

— Ладно, давай. Я попытаюсь вспомнить. Спрашивай.

Он продолжал:

— Ты помнишь, когда мы были совсем маленькими и нам было по семь... У твоего отца была видеокамера, и он снимал кино в подвале... Это был Робин Гуд или что-то вроде того?

Теплота в глазах Кейли исчезла, как тухнет свеча под дуновением ветра.

— Что именно ты хочешь узнать?

Ее голос был ломким и холодным, как лед. Эван попытался сформулировать вопрос как-нибудь по-другому, но с языка слетали только неуклюжие и бестактные слова.

— Просто... Так он... — он замялся. — Что произошло там, в подвале?

— Это было очень давно, — сказала она. — Я была ребенком.

— Я знаю, но... — Эван осекся, заметив холодный взгляд Кейли.

— Так ты приехал лишь для этого? — разозлилась она. — Спросить меня о дурацком Робин Гуде? — Ощущение счастья оттого, что она снова его увидела, испарилось, и ее сердце снова оделось в привычную броню.

— Конечно же нет, — попытался успокоить ее Эван. — Но мне кажется, что в тот день

снами, возможно, произошло что-то плохое.

Кейли посмотрела на окурок в своей руке и, зло швырнув его на асфальт, растоптала оранжевый огонек.

— Да какой вообще в этом смысл? — крикнула она.

Вопросительное выражение глаз Эвана сменилось нежностью, и он шагнул ей навстречу.

Она вздрогнула, когда он прикоснулся к ее лицу. На мгновение ему показалось, что она собирается убежать, но она просто стояла и молчала.

— Что бы там ни произошло, это не твоя вина, понимаешь? — его голос был успокаивающим, и так хотелось верить ему. — Мы не могли остановить это.

Эван почувствовал, как под его ладонью задрожала ее щека, и слезы хлынули ручьем из ее глаз.

— Эван, я...

— Слушай, Кейли, — осторожно сказал он. — Возможно, то, что я сейчас скажу, покажется тебе дерьмом собачьим, особенно учитывая, что я не появлялся в твоей жизни целых семь лет, но ты была всего лишь маленькой девочкой, и ты не заслуживала...

Кейли резко от него отшатнулась. На ее лице отразились противоречивые чувства. Она раздраженно вытерла рукой слезы с лица.

— Заткнись, Эван. Ты просто теряешь время.

Ее голос был усталым. Эван снова попытался надавить на нее.

— Кейли, ты хороший человек. Ты не должна ненавидеть себя только из-за того, что твой отец был чертовым извращенцем...

— Заткнись! — закричала она. В этот момент мимо них проехал грузовик, и ее голос смешался со звуком его гудка. — Кого ты пытаешься здесь убедить, Эван? Ты приперся сюда черт знает откуда, чтобы поднять со дна всю эту муть, только потому, что у тебя, видите ли, плохие воспоминания? Ты никогда не приехал бы, чтобы повидаться со мной! Ты хотел, чтобы я поплакала у тебя на плече и сказала, что теперь все стало намного лучше? Тогда пошел ты на хуй, Эван! — ее голос перешел в вопль. — Лучше не будет, понял? Ничто и никогда не становится лучше!

Прежде чем он успел что-либо ответить, она развернулась и побежала вниз по дороге, к огням Риджвуда. Все извинения, оправдания и объяснения вылетели у Эвана из Головы, и он просто стоял там, на дороге, не способный что-либо ответить ей. Она остановилась и, развернувшись, спросила:

— Если я была такая чудесная, то почему ты никогда не звонил мне? — Годы боли звучали в ее голосе. — Почему ты оставил меня гнить здесь?

Она повернулась и побежала прочь. Эван ощутил, как чувство вины проникает в каждую клетку его организма.

></emphasis>

Весь следующий день Эван посвятил непрерывному угрюмому созерцанию. Он сидел на травянистом холмике и смотрел, как мир движется мимо него. Он пропустил уже несколько лекций и все сидел и плыл куда-то. После разговора с Кейли Эван не мог думать о чем-либо другом. Он просто сидел, рукой поглаживая шрам от сигаретного ожога, и смотрел в пустоту. Час за часом он анализировал сказанное им накануне: его слова, его тон, то, что она сказала ему, то, что он ответил ей, отчаянно пытаясь понять, почему все пошло так неправильно. Он слишком заиклился на своих проблемах, он был слишком эгоистичен и поглощен событиями последних дней, чтобы считаться с ее чувствами. Эван удрученно вздохнул. Так здорово увидеть ее снова, и было бы так правильно, если бы они были вместе, будто и не жили порознь все эти годы.

Когда они были детьми, Эвану всегда казалось, что мир становится светлее, когда Кейли входила в комнату. Он не представлял жизни без нее, но все изменилось после того случая с почтовым ящиком Халпернов.

Потом они расстались. С глаз долой — из сердца вон. Ее детская улыбка померкла и была поглощена прошлым. Эвану казалось, что он забыл ее, но вчерашний разговор доказал обратное. Когда она посмотрела ему в глаза там, у дешевой придорожной закуской, и когда на ее лице расцвела теплая улыбка узнавания, в тот самый момент Эван Треборн понял, что заново влюбился в Кейли Миллер.

Но даже если у него и был шанс что-то тогда исправить, он все испортил по собственной эгоистичной глупости. «Как я мог быть таким идиотом?» — снова и снова повторял он.

Он так хотел узнать от нее то, что произошло на самом деле, что наплевал на будущее, Которое могло у них быть. «Я испортил жизнь Ленни, а теперь испортил жизнь ей».

Ярко-желтый диск пролетел над его головой и врезался в дерево позади. Эван поднял глаза и увидел одного из братства «Гета» — того самого козла Хантера. Он искоса посмотрел на Эвана.

— Чего это ты такой печальный? Что, твой бой-френд подавился дерьмом и умер?

— Пошел ты... — у Эвана не было сил огрызаться.

Студент хотел было отпустить еще какую-нибудь шуточку, но передумал и оставил Эвана наедине с его черным настроением.

К концу учебного дня, когда разошлись последние студенты, Эван принял решение. Тампер был прав: ему надо сжечь все дневники. Его прошлое было прошлым, и независимо от того, насколько ему это было больно, он должен оставить все позади.

Когда Эван вошел в комнату, Тампер сидел на его кровати в позе лотоса и булькал чилимом, осторожно держа в огромных руках приспособление для курения травы, как мать держала бы ребенка.

Эван с отвращением посмотрел на него.

— Если тебе хочется курить эту гадость, так будь добр, делай это на своей кровати.

— Какая муха тебя укусила? — прокашлял Тампер между затяжками. — Можешь сам курнуть, если есть желание.

Он кивнул головой в сторону телефона в углу.

— Какой-то чувак оставил тебе сообщение.

На телефоне горел красный огонек индикатора оставленных сообщений, который Эван едва удостоил взглядом. Схватив полотенце, он скатал его в жгут.

— Весь коридор провонял, — сказал он раздраженно. — Ты мог хотя бы открыть окно.

Эван закрыл полотенцем щель под дверью, чтобы запах марихуаны не просочился наружу. Тампер улыбнулся и издал приглушенный кашляющий звук, который мог означать согласие.

Эван нажал на кнопку автоответчика и наклонился над телефоном, чтобы лучше слышать. «У вас. Два. Сообщения», — сказал механический голос автоответчика с паузами.

«Привет, Эван. Это профессор Картер». Эван скорчил гримасу. Одной из лекций, которые он сегодня прогулял, была психология. «Хотел узнать, почему ты сегодня не сдал свою работу. Меня это беспокоит. Позвони мне, и мы договоримся о дне, когда ты сможешь ее закончить. Помни о том, что я тебе сказал».

Тампер оторвался от кальяна и посмотрел на Эвана с комично-осуждающим выражением лица. Аппарат издал скрипучий визг. «Следующее сообщение».

Слова вылетали их динамика с быстрым, лихорадочным рычанием, от которого у Эвана застыла в жилах кровь. «Что ты сказал моей сестре, ты, гондон?»

Несмотря на то, что он не слышал голос Томми Миллера семь лет, он тотчас узнал его. «Прошлой ночью она звонила мне и рыдала около часа».

Было слышно, как он тяжело и зло дышал. «Она сказала, что ты приезжал... Какого хера ты опять трахаешь ей мозги? Ты уже однажды разбил ей сердце, или тебе этого было недостаточно, а?»

Он кричал так громко, что его слова искажались динамиком. «Почему бы тебе от нее просто не отстать?»

Эти крики так удивили Тампера, что он выронил кальян из рук, пролив воду на покрывало Эвана, выхватил из-под двери полотенце и быстро начал промакивать им воду с кровати.

Для Эвана же не существовало более ничего, кроме этого голоса. Томми то ли рыдал, то ли всхлипывал. «Кейли... Она... Она убила себя сегодня ночью! Она мертва! Как и ты!» — прошипел он.

Колени Эвана подогнулись, и он упал на пол. Его голова дергалась, рот открылся, глаза смотрели в одну точку.

Тампер не видел происходившего за его спиной.

— Офигеть, братан. Плохие новости, — сказал он, указывая на покрывало. — Мне кажется, это не отстирать.

Но Эван не слышал, что ему говорил сосед. Все его чувства были наполнены звуками рушащегося на куски мира.

>>>

Совершенно случайно у Эвана остался номер старика с трейлерной стоянки. Эван не помнил, что именно он ему наплел, но тем не менее старик дал ему всю необходимую информацию. Пропустив мимо ушей пять сообщений от матери, Эван надел единственную чистую рубашку и доехал до Саннивейла в каком-то ступоре. Уже подъезжая к кладбищу, он осознал, что здесь, в южном конце, ближе к автостраде, также похоронен и его отец. Эван взял букет роз, купленный этим утром, медленно пошел к небольшой группе людей, собравшихся вокруг священника.

В его голове возникла картинка из детства: Кейли протягивает ему руку, когда гроб отца опускают в землю. Эван никак не мог поверить, что ее больше нет. Чем ближе он подходил, тем отчетливее слышен был мягкий голос священника, вещающий о смерти и воскрешении. Эван увидел женщину, рядом с которой стоял хорошо одетый мужчина и которая время от времени бросала кинжальные взгляды на того или другого скорбящего. Как он понял, это были мать Кейли и ее муж.

Эван смотрел на Джорджа Миллера и на стоявшего рядом Томми. При виде их обоих у него сжались от ярости кулаки, и шипы роз, прорвав обертку, впились ему в ладони. Он колебался несколько долгих, неприятных секунд. Ему очень хотелось попрощаться с Кейли, но он также понимал, что Томми бросится на него сразу же, как только увидит. Пока никто его не заметил, и Эвану пришлось с сожалением уйти к своей машине, из которой он наблюдал за церемонией.

Отец Бирн, надев на лицо профессионально скорбное выражение, попрощался с пришедшими на похороны людьми. Мать бедной девушки со слезами на глазах попрощалась с ним и пошла к своей машине, демонстративно проигнорировав Томми и его отца. Священник подумал о том, какой счастливой могла бы быть Кейли, если бы ее родители уделяли ей столько же времени, сколько они тратили на то, чтобы ненавидеть друг друга. Перед тем как последовать за отцом к выходу, Томми бросил последний взгляд на простенькое надгробие. Этим людям явно была нужна Божья помощь.

Когда все ушли, отец Бирн увидел, как к могиле подошел молодой человек с печальным выражением лица, он был примерно одного возраста с братом покойной. Отец Бирн подошел поближе, чтобы получше рассмотреть его. Молодой человек положил на могилу Кейли большой и явно дорогой букет роз. Теперь священник был уверен, что молодой человек не желал, чтобы его увидел кто-нибудь из Миллеров, но в то же время было ясно, что Кейли была для него близким человеком.

Потом молодой человек положил к надгробью еще что-то и, развернувшись, зашагал прочь, ни разу не посмотрев назад. Когда он исчез из виду, отец Бирн подошел к могиле.

Рядом с цветами лежала сложенная квадратиком бумажка.

В четырех словах, которые были написаны на листе, было столько же скорби и печали, сколько было на лице этого молодого человека. Священник почтительно прочитал записку и,

снова сложив ее, аккуратно положил на место.

«Я вернусь за тобой».

Глава четырнадцатая

Необходимо понять, что история — это не только даты и места, не только имена в пыльных учебниках или экспонаты в музеях, это выбор, который мы делаем. Каждый из нас.

Каждое решение, принимаемое нами, посылает волну вероятности бежать впереди нас, и следы того, что «могло бы быть» или «могло не случиться», разбегаются в стороны от наших путей, как бегут трещины по льду перед носом ледокола. В какой-то момент каждый из нас оглядывается назад и думает: «А что было бы, если бы я был там, а не здесь, и поставил бы на красное вместо черного?»

Мы играем с этими мыслями до тех пор, пока не устаем от них, хотя некоторые мудрецы утверждают, будто каждый не сделанный нами выбор существует отдельно, изолированно, хотя и параллельно с уже принятыми решениями. Вот уж совсем непонятно, что с этим делать. Если все вероятные варианты где-то проигрываются, то имеет ли вообще смысл что-либо выбирать? Можно голову сломать в попытках разгадать эту тайну.

Я твердо уверен в том, что выбор рождает жизнь и нередко ответствен за смерть. Я часто думал, что было бы со мной, если бы не эти дневники и не моя проклятая способность возвращаться в прошлое. Осталась бы Кейли в живых? Смогли бы мы остаться вместе, или мой мир продолжил бы распадаться на куски уже без нее? Если и существуют ответы на эти вопросы, то я не хотел бы их знать. Сейчас уж точно не хотел бы. Персонаж одной из пьес Шекспира — не помню, какой именно — говорит, что, мол, время все расставит по своим местам. Эта фраза имеет двойной смысл, и если бы я услышал ее сразу же после самоубийства Кейли, то воспринял бы эти слова, скорее всего, как руководство к действию, хотя на самом деле они служат предупреждением.

Сейчас мне нужно немного времени, чтобы собраться с мыслями и чувствами и вспомнить, что именно произошло в тот день. Теперь, глядя назад, в прошлое, отягощенный грузом переживаний и душевных травм, виной которым моя самоуверенность, я не могу представить ни одного столь неразумного решения. Как мог я быть таким глупым, думая, что смогу переделать историю по своему желанию? Причинная связь, судьба, время — как ни назови, эта сила обрушивается на тебя, подобно ревущей реке, от рождения к смерти, от Большого Взрыва к Энтропии. Мне казалось, что я смогу выйти из этого потока, пройти назад по берегу и изменить направление течения так, как мне этого хочется. Однако если реку перекрыть плотиной, то она просто выйдет из берегов, и горе тому, кто построил свой дом у ее русла.

Я это сделал. Я повернул время вспять и дал ему новое направление, будучи уверенным, что история примет эти перемены и продолжит свой ход, не заметив их. Некоторое время так и было. На какой-то период я создавал для себя прекрасный маленький мирок, что-то вроде водоворота в реке, но давил на прошлое, а прошлое давило на меня.

Давило все сильнее и сильнее.

А затем все начало рушиться, и к тому времени, когда я понял, что двигаюсь по спирали, ведущей вниз, я был настолько далеко от границы, которую пересек, что не мог ее разглядеть.

Вы, наверное, спросите: «Зачем он все это делал? Что толкало его на это безумие?»

Ответ на эти вопросы ясен как день: несмотря на то, что мне стыдно в этом признаться, я бы сделал то же самое, даже если бы знал обо всех разрушительных последствиях. Прости меня, Господи.

Почему же я тогда так поступил? Зачем было рисковать не только своим будущим, но и жизнями тех, кого я когда-либо знал? Зачем?

Потому что я любил ее.

></emphasi>

Тампер мудро решил не появляться в тот день в общежитии, и когда Эван вернулся с похорон Кейли, комната была пуста. Он был признателен своему другу за это. Тампер не знал, как вести себя в подобных ситуациях, и, несмотря на то, что Эван питал симпатию к этому толстому варвару, все же иногда ему необходимо было побыть в одиночестве. Воротник рубашки душил его, и он торопился переодеться. Зашвырнув рубашку в корзину с грязным бельем, Эван ощутил слабый аромат роз. Этот запах остался на рукаве рубашки и нес за собой ощущение печали. Когда он посмотрел на себя в зеркало, его глаза невольно скользнули к ожогу на груди, и он удержался от желания его снова потрогать. Зажившая рана выглядела как странное клеймо или шрам племенного обряда. На какое-то время его разум обратился ко всему, что этот шрам представлял, то есть к опасной возможности изменять прошлое. В тишине Эван смотрел, как гаснут последние лучи солнца. На кровати перед ним лежали все его дневники — целая коробка тетрадей. Он почти сделал это. Он взял коробку и вынес все тетради к лифту, и нажал кнопку вызова, стараясь не думать о том, что намеревался сделать. Эван был готов бросить в огонь все свои записи. Уничтожив их, он останется ни с чем, навсегда лишившись возможности что-либо менять и причинять зло. С этого пути его не свернуть. Дверь лифта открылась, и он увидел стоявшую в кабине красивую блондинку. Она посмотрела на Эвана, и его сердце екнуло. На секунду ему показалось, что это Кейли.

— Привет, — девушка посмотрела на него вопросительно. — Вниз едешь?

— Извини, — Эван услышал свой голос, словно он шел откуда-то издалека. — Нет.

Он пошел назад к своей комнате, крепко прижимая к груди коробку с тетрадями. И теперь, оставшись один в темной комнате, он сделал выбор. Перевернув коробку, он вывалил все дневники на покрывало и начал их раскладывать в стопки, пытаясь найти какую-то определенную тетрадь. Он быстро нашел ее. На обложке была пожелтевшая наклейка с надписью «7 лет». Эта тетрадь была самой старой. Взяв ручку, он пролистал испачканные чернилами страницы с потрепанными уголками, пока не нашел то, что искал. Затем он начал лихорадочно писать, втискивая слова в узкие поля. Быстрый убористый почерк контрастировал с аккуратными печатными буквами, которыми он писал в детстве.

«Говорят, что жизнь немного больше, чем просто сумма человеческого опыта, — писал он, изливая свои мысли на бумагу. — Если это правда, то я понятия не имею, кем сейчас являюсь. — Эван подавил очередной приступ тоски. — Я никогда не знал Кейли».

Закончив, он перевернул страницу, выискивая глазами отмеченный ранее абзац. Глубоко вздохнув, он начал читать, шевеля губами.

И снова почувствовал давление в черепе, появившееся из ниоткуда, как гром среди ясного неба, но теперь это не было для него неожиданностью, и Эван не пытался противиться. Как опытный пловец, он расслабился и позволил волнам увлечь его. Его голова склонилась на грудь. Он почувствовал, как искажается пространство. Комната начала дрожать и расплываться, и откуда-то издалека он услышал странный отголосок слов немолодого мужчины. Он чувствовал, как это начинается: отключение от настоящего и падение в прошлое. Мир Эвана уменьшился в размерах...

...И двигался, дрейфуя и скользя, как масло на поверхности воды. В светлой большой гостиной Джордж Миллер посмотрел вверх новой видеокамеры и бросил на Томми злой взгляд.

— Заткнись, кретин.

Потом он повернулся к Кейли и Эвану, глядя на то, как двое детей хихикают и улыбаются друг другу.

— А теперь надевай свой костюм, Эван. Пообещай мне, что это будет нашим маленьким секретом. — Мистер Миллер одним глотком осушил свой стакан. — Думаешь, ты сможешь?

Эван слегка покачнулся, нетвердо стоя на ногах, словно разучившись ходить. Мальчик кивнул и начал неуклюжими движениями стаскивать с себя одежду.

Мистер Миллер хищнически усмехнулся, отставляя в сторону пустой стакан и бросив жадный взгляд на раздевающегося Эвана.

— Эй, ребята, а знаете, что я придумал? — с фальшивым восторгом в голосе сказал он. — У меня есть отличная идея. Давайте спустимся в подвал. Там прямо как в темнице!

Кейли радостно захлопала в ладоши.

— Это будет здорово! Как в настоящем замке!

Она, казалось, не заметила произошедшей с Эваном перемены. Сияющую еще секунду назад улыбку на лице семилетнего мальчика сменило мрачное выражение.

Ее отец приглашающе махнул рукой и последовал за ними с видеокамерой в руках. Кейли танцевала и кружилась, отчего ее платье развевалось.

— Я дева Марианна, — провозгласила она торжественно.

Мистер Миллер попросил Эвана снять полиэтиленовые чехлы с двух старых кресел и поставить их перед штативом, пока он монтировал на него свою камеру.

— Ну вот... — сказал он. — Вы двое садитесь в кресла, и...

Какой-то треск заставил его вздрогнуть.

— Что ты там делаешь? — прошипел он. У входа в подвал, натянув на глаза капюшон, стоял Томми.

— Я что говорил насчет того, чтобы дверь в подвал была закрыта, идиот?!

Томми насупился.

— Но я хотел посмотреть!

— Ты увидишь мой кулак, если сейчас же не сделаешь то, что я тебе сказал! — заорал его отец. — А теперь проваливай и закрой эту чертову дверь!

— Ну и не нужен мне ваш дурацкий фильм! — Губы Томми задрожали от обиды, и он с силой хлопнул дверью.

Мистер Миллер подождал еще секунду, чтобы убедиться в том, что мальчик ушел, а затем повернулся к Кейли и Эвану.

— Ладно, актеры, вы готовы? — его голос звучал заговорщицки и в то же самое время непринужденно. — Итак, в этой части истории Робин Гуд женится на деве Марианне, ним надо поцеловаться и делать так, как делают взрослые.

Услышав слово «поцелуй», Кейли подмигнула Эвану и хихикнула. Мальчик скептически посмотрел на ее отца.

— Ну, Кейли, снимай платье, — спокойно сказал мистер Миллер.

Веселое настроение девочки как рукой сняло, и она уставилась в пол. На ее щеках появился румянец стыда.

Видеокамера заработала, когда мистер Миллер щелкнул переключателем.

— Поехали!

Эван молчал, спокойно наблюдая за ним. Когда Кейли так и не среагировала, в тоне ее отца появились угрожающие нотки.

— Да ладно, это все равно что принять ванну. Не надо из этого делать проблему.

Он посмотрел в объектив, стараясь держать детей в рамке.

— Ты тоже, Эван, — добавил он резко. В подвале стало совсем тихо. Слышно было только, как крутится кассета. — Давайте! — прикрикнул мистер Миллер.

Незаметно для всех дверь подвала тихонько приоткрылась, и из-за нее появилось испуганное и одновременно любопытное лицо Томми. Отец Кейли хотел было еще раз прикрикнуть на детей, но внезапно наткнулся на горящий от ярости взгляд Эвана. Ни секунды не колеблясь, Эван подошел к Кейли и прикрыл ее уши своими ладонями.

— Который час? — невинно поинтересовался он.

Миллер удивленно моргнул. Он не привык к тому, что семилетние сопляки осмеливаются дерзить ему.

— Который час? — повторил он. — Самое время для того, чтобы ты встал, куда тебе велено, черт побери!

Улыбка тронула губы мальчика, и он покачал головой.

www.NataHaus.ru

— Ответ неверный, гондон.

Матерное слово застало Миллера врасплох, и от удивления у него открылся рот.

Эван продолжил спокойным и размеренным тоном:

— Позволь мне сказать, что это такое. Для тебя это момент решения. В следующие тридцать секунд ты откроешь одну из двух дверей. Первая дверь — при неправильном выборе — навсегда травмирует тебя.

Челюсть мистера Миллера шевелилась, но изо рта не выходило ни звука. Он был ошарашен тем, что эти взрослые слова слетают с уст маленького мальчика, и его взгляд метался по подвалу в поисках того, кто так жестоко его разыгрывает.

— Что случилось с...? — пробормотал он ошеломленно. — Как это у тебя получается? Кто научил тебя таким словам? Кто тебя подослал?

Эван продолжал, повысив голос:

— То, что ты сегодня хотел сделать, превратило бы твою прекрасную дочь в пустую оболочку, ее доверие к людям было бы подорвано большим папашей-педофилом.

Джордж Миллер даже задохнулся от этих обвинений.

— И, в конце концов, это приведет ее к самоубийству. — Эван бросил на него взгляд, полный ненависти. — Отличная работа, папочка.

— Кто... — хрипло прошептал мистер Миллер. — Кто ты?

Сейчас ему было на самом деле страшно, как никогда в жизни.

Мальчик убрал с ушей Кейли свои ладони и отмахнулся, словно это не имело значения.

— Скажем так, за тобой пристально наблюдают, Джордж. У тебя есть возможность выкинуть все свое порно и обращаться с Кейли как... — Эван выдержал эффектную паузу. — Скажем, как любящий отец должен обращаться со своей дочерью. Договорились, папа?

— Д-да, — ответ прозвучал так, словно мистера Миллера кто-то душил.

Холодная улыбка Эвана стала еще шире.

— А теперь слушай внимательно, гондон. Еще раз облажаешься, и я тебя кастрирую, ты, жалкий сукин сын!

Руки Джорджа инстинктивно закрыли пах, и он нервно кивнул.

— И еще кое-что.

Эван наклонился к уху Кейли и прошептал ей что-то. Она неуверенно смотрела в пол, прежде чем поднять глаза на отца. Поежившись, она взглянула на Эвана, ища поддержки.

— Давай, — сказал он. — Скажи ему. Не бойся.

Его уверенность придала ей немного храбрости, и она повернулась к Джорджу.

— Не смей меня больше трогать.

— Я-я не буду.

Кейли подняла с пола свой костюм.

— Мне холодно, и я хочу одеться.

Эван усмехнулся и поманил Миллера пальцем поближе.

— Знаешь что, Джордж? Если хочешь сделать что-нибудь хорошее, научи хоть немного своего сыночка Томми держать себя в рамках, потому что он настоящий садист.

Стоя на площадке лестницы, Томми побелел, услышав свое имя. Его пальцы нащупали какую-то вещь — одну из кукол Кейли — и нервно начали скручивать ей голову. Перед глазами Эвана все снова затуманилось и съежилось.

Проснувшись, он широко заулыбался, вспоминая случившееся, но его радость тут же погасла, когда в голову ему вонзились кинжалы боли. В этот раз было по-другому. Прежде, в два первых возвращения, не было ничего серьезного. Так, легкое недомогание. Сейчас все было намного хуже. Теперь он чувствовал, как его мозг разрывается. Перед его глазами мелькал водоворот красок, звуков и запахов, сменяющихся и превращающихся в бурю хаотичных, разрозненных воспоминаний. С большой скоростью они мелькали в его памяти, словно короткие видеоклипы.

Детский смех, когда он возил Кейли в маленьком красном автомобильчике по двору

Кэганов... Они играют в детской комнате семейного ресторана... Он раскачивает ее на сделанных из автомобильной покрышки качелях...

Он никак не мог остановить этот поток нахлынувших воспоминаний.

Повернувшись к подростку в кинотеатре Томми... Пронзительная боль, когда вспыхивает пропитанный бензином мешок на свалке... Мама, увозящая его навсегда от дома... Любовь, расцветающая в его душе, когда Кэйли выходит из автобуса и попадает прямо в его объятия... Возбуждение и радость, когда он везет ее на раме своего велосипеда, проезжая мимо матери в саду..

Последствия измененных событий сталкивались с настоящим ошеломляющей волной. Эван снова видел прекрасную, улыбающуюся Кейли в своих воспоминаниях, но теперь она была беззаботной и счастливой, без всякого следа неуверенности и незащитности, которые всегда присутствовали на ее лице раньше.

Пикник в лодке, солнце плещется в воде... Его губы чувствуют теплоту ее губ под огнями новогодних фейерверков... Кейли в великолепном платье встречает с ним рассвет после школьного бала...

Поток воспоминаний внезапно прервался от какого-то внутреннего удара, и тело Эвана сжалось. Он застонал от судорожной боли, пронизывающей его с ног до головы. Он почувствовал, что его верхняя губа стала мокрой, и потянулся к ней. Из ноздрей потоком лилась кровь. Когда он попытался встать, чья-то рука потянула его вниз.

— Эван? — услышал он сонный женский голос. — Дорогой, ты в порядке?

Щелкнул выключатель, и яркий свет осветил комнату. Эван был потрясен.

Мрачная маленькая комнатка, которую он делил с Тампером, исчезла. Он каким-то образом оказался в постели под розово-белым покрывалом. Все в этой комнате указывало на то, что здесь живут девушки.

— Эван, в чем дело?

Он повернул голову, чтобы посмотреть на говорившую. Со своей половины кровати на него смотрела заспанная Кейли. На ее лице отразилось беспокойство. Увидев ее, он едва не упал в обморок.

— О, Господи! Эван, у тебя кровь!

— Кейли, — только и смог сказать он. Она была, вне всякого сомнения, самым прекрасным существом, которое он когда-либо видел.

Глава пятнадцатая

— Я что, сплю? — пробормотал Эван. — Наверное, это сон...

Он почти был готов поверить в это, но Кейли потянулась и вытерла салфеткой кровь с его губ. В ее прекрасных голубых глазах светилась забота.

— Ты в порядке, малыш?

Эван моргнул и вылез из кровати, нетвердо стоя на ногах.

— Мне нужно...

Он забыл, что хотел сказать, когда снова посмотрел на нее. Она лежала, освещенная утренним светом, как какое-то очень дорогое произведение искусства.

— Господи, Кейли. Ты невероятно красива. Она мурлыкнула и повела плечиком.

— Ммм, это хороший комплимент, красавчик. Ты хорошо себя чувствуешь?

— К-кажется, да.

Эван коснулся своей верхней губы. Кровотечение остановилось так же быстро, как и началось.

— Тогда иди умывайся и возвращайся обратно ко мне под бочок.

Искорка, сверкнувшая в ее глазах, полностью выдала ее намерения, и, несмотря на все, что с ним произошло, из его груди вырвался смешок. Он сел на край кровати и взял еще одну салфетку. Как и все остальное в этой комнате, она была розовой и подходила ко всему остальному декору: от мемориальных досок женского общества на стенах до подушечек с

бахромой и настольных ламп. Он заметил большого плюшевого медведя с широко расставленными лапами и вышитыми на груди словами: «Вот настолько тебя любит Эван». Рядом была фотография в рамке, на которой они оба стояли, улыбаясь, на фоне статуи Свободы. Правда, все это он видел как бы краем глаза, потому что его внимание было приковано к Кейли. Это была не та Кейли, с которой они вместе выросли, — ту Кейли постоянно преследовала неуверенность в себе — это была прекрасная и счастливая Кейли. Закомплексованная и несчастная Кейли, покончившая с собой, ушла.

«Сработало! Господи, это на самом деле сработало!» — подумал Эван.

Потянувшись за одеждой, он вытащил из-за кровати смятую футболку. Его лицо скривилось, когда он развернул ее. На футболке была греческая буква, как на тех, что носили придурки из «Теты», а под ней лежал дорогой замшевый пиджак.

— Чье это? — Он поискал глазами свои привычные старые джинсы и футболку. — Где... где моя одежда?

Кейли улыбнулась.

— Она у тебя в руках, глупенький.

Эван с отвращением посмотрел на футболку, взял вместо нее полотенце и пошел в ванную, поправляя на ходу боксерские трусы. «Ванная? — подумал он. — Но ведь я ни когда здесь раньше не был. Откуда мне, черт возьми, знать, где здесь ванная?» От этого вопроса у него снова разболелась голова. Ему было нелегко от всего того, что случилось. Эван решил просто плыть по течению и посмотреть, куда оно его вынесет в этом измененном мире. В ванной он смыл с себя кровь и посмотрел внимательно в зеркало на свое лицо. Загнанное, измученное выражение, которое он видел в зеркалах раньше, теперь исчезло. Эван снова улыбнулся. Он выглядел более счастливым и вообще чертовски хорошо смотрелся.

— Это просто потрясающе! — вслух сказал он. — Просто охрененно!

Шипение воды в душевой кабинке резко прекратилось, и женский голос отозвался:

— Хотелось бы мне так же возбуждаться каждый раз, когда у меня идет носом кровь!

Эван повернулся и увидел, как из кабинки вышла атлетическая брюнетка. Она была абсолютно голой и не выказала никаких признаков смущения, когда Эван на нее посмотрел.

— Упс! — он отвернулся. — Извини!

Он покраснел и снова посмотрел на свое отражение, но девушка встала так, что он мог ее видеть в зеркале, и, вытираясь, бросала на него кокетливые взгляды. Эван вдруг понял, что знает ее. Она посещала с ним один и тот же курс лекций и еще была с «греками» в баре «Грязный Хэнк», когда он и Тампер играли на бильярде.

— Эй, ты же была с теми козлами, которые бросали в Тампера попкорном.

— В кого? — переспросила она. — В этого недоумка готического? Ты что, его знаешь? И с каких это пор ты стал общаться с этими придурками в черном?

Он почувствовал еще один приступ боли в виске и поискал в голове воспоминание об этом инциденте. Воспоминание нашлось, но оно было выцветшим и туманным, как фото в старом семейном альбоме.

— А тебя зовут... Гвен!

Она обвязалась полотенцем, поняв, что ее прелести не производят на него желаемого впечатления.

— Слушай, Эван, я бы на твоём месте завязала с травой. Ты от нее совсем идиотом становишься.

И прежде чем он успел что-либо ответить, она, похлопав его по заднице, вышла из ванной.

Эван плеснул себе в лицо холодной водой, просто чтобы убедиться, что он не спит, и ошеломленно покачал головой. За день до этого он проснулся под мощный храп Тампера, а сегодня обнаружил, что находится в комнате с двумя голыми девушками. Дела явно пошли в гору.

Он странно себя чувствовал в футболке братства и замшевом пиджаке, идя под руку с Кейли. На ней были развевающаяся шелковая юбка, напомнившая ему о платье деви

Марианны, и красный обтягивающий свитер. Эван видел, сколько парней оборачиваются и смотрят ей вслед, и это вызывало у него двойственную реакцию. Ему нравилось, что она так красива и что она его подруга, но в то же самое время он ощутил укол ревности. Те, кто заглядывался на нее слишком долго, нарывались на его стальной взгляд.

— В конце концов Гвен все же оставит тебя в покое, — услышал он ее звонкий голос.

— А? — сказал Эван, не имея понятия, о чем она говорит.

— Это была ее последняя атака. Мол, я только что из душа. Мне кажется, она расстроена из-за того, что ты так и не воспользовался этим.

Он покраснел.

— Слушай, я не знал, что она там...

Кейли заразительно засмеялась, и Эван улыбнулся.

— Я знаю. Она всегда пытается отбить у меня парней, которые мне нравятся.

— Парни, которые тебе нравятся? — спросил с напускной серьезностью Эван. — И сколько же их у тебя было?

— Полно, — шутливо ответила она, подмигнув. — Я из них веревки вью, разве ты не знал? Я очень требовательная женщина.

— Понимаю, — кивнул он. — Хотя, как мне кажется, ты встретила подходящего человека.

Она остановилась и взяла его за руку.

— Неужели? — В ее глазах плясали веселые искорки. — И этот человек ты, не так ли?

— Точно. — Эван понизил голос до хриплого шепота. — Знаешь, никто из всех этих парней не будет тебя любить так, как я.

— Я тебя тоже люблю, — ответила она и поцеловала его.

Они прервались, когда услышали, как кто-то зовет Эвана по имени. Голос был незнакомым, и Эван повернулся посмотреть, кому он принадлежит. Мимо них проехал первокурсник на велосипеде и помахал рукой.

— Эй, Эван! — крикнул он снова. — Удачно сыграть в воскресенье, чувак! Надери как следует задницы Каунти в этом году!

— О да, — неуверенно ответил Эван. — Конечно.

Кейли обняла его.

— Мой герой. Гений и звезда спорта. Ты большой человек в университете, Эван Треборн.

— О'кей, — осторожно ответил он. — Это здорово...

Кейли начала говорить о грядущем экзамене, жестикулируя, чтобы подчеркнуть сказанное. Эван пытался сконцентрироваться на том, что она говорит, но им навстречу попадалось много студентов, имен которых он не знал, они похлопывали его дружески по спине, здоровались с ним, кивали... Казалось, весь мир изменился. До этого дня его жизнь состояла в основном из суровых будней, а теперь с глаз словно спала мрачная пелена и все предстало в новом ярком свете. Кейли похлопала его по плечу.

— Эй, Эван! Ты меня, вообще, слушаешь?

— Прости, ангел. Я просто...

— Просто что?

Он поцеловал ее в щеку.

— Просто подумал, как мне здорово повезло, что у меня есть ты.

Кейли улыбнулась.

— Так ты еще не устал от меня за все эти годы? — игриво спросила она. — Мы ведь знаем друг друга с детства.

— Этого могло никогда не случиться. — Эван покачал головой. Что-то в ее словах насторожило его. — Послушай, я не хочу тебя расстраивать, но не помнишь ли ты тот день, когда твой отец купил видеокамеру?

Вопрос вылетел, прежде чем Эван успел остановить его. Он напрягся, боясь снова расстроить Кейли.

www.NataHaus.ru

Она просто пожала плечами.

— Я помню, у него была какая-то видеокамера...

Потом она на секунду задумалась.

— Потом он ее даже не доставал. По-моему, он просто не смог с ней разобраться. А почему меня это должно было расстроить?

Он почувствовал облегчение.

— Не знаю. Наверное, я просто странный.

Кейли шутливо его пихнула.

— Ты такой придурок. Увидимся вечером.

Клюнув его в губы быстрым поцелуем и помахав рукой группе девушек у входа, она ушла.

Эван наслаждался моментом.

— Я самый счастливый сукин сын на Земле, — провозгласил он.

Он был так счастлив, что не обратил внимания на человека, который преследовал его от самого общежития Кейли, и не знал, что за каждым его шагом следят.

Утро пролетело незаметно, и поначалу Эван казалось, что его новый мир прекрасен, но к полудню он почувствовал смутное беспокойство. Какая-то раздражающая мысль постоянно сверлила его, как застрявшая заноза. Он попытался отогнать ее от себя, но маленькое зернышко дурного предчувствия грозило разрастись во что-то гораздо большее. «Мне нужно быть уверенным, — сказал он себе. — Мне нужно знать, что все в порядке».

Кто-то сунул ему в лицо листовку, и он автоматически ее взял.

— Это еще что?

— Завтра будет поминальная служба, — показала ему девушка.

Эван узнал в ней одну из подруг Тампера — как ее звали. Сверчок? — и кивнул. Она не слишком изменилась с того раза, когда он с ней встречался, разве что теперь покрасила концы своих черных волос в синий цвет. Она продолжила:

— По Хайди и Кристин. Они погибли. Пораженный, Эван уставился на листовку, на которой были фотографии двух девушек из школьного альбома. Эван узнал этих девушек — он видел их в «Грязном Хэнке».

— Господи, их что, убили?

— Ты что, в постели последнюю неделю провел, что ли? Да это было во всех новостях. Какой-то водила подобрал их в какой-то забегаловке, изнасиловал и перерезал им глотки от уха до уха, — она жестом показала, как он это сделал. — Потом его взяли в какой-то закуской у Риджвуда.

— К-когда? — заикаясь, спросил Эван. — В какой день?

— В ночь прошлой субботы.

Он покачал головой.

— Да нет же. Я там был. Мы отвезли их в общежитие...

Сверчок холодно на него посмотрела.

— Ты что? Обкурился? Или это неудачная шутка? Ты там не мог быть. Ты был на баскетболе со своей навороченной маленькой подружкой и парнями из братства.

Она вырвала листовку из его рук.

— Забудь. Мне жаль, что я вообще с тобой заговорила. Пока, мудило.

Эван не заметил, как она ушла. Тугой узел страха внутри него начал развязываться. Он попытался вспомнить Хайди и не смог. Если изменилось это, то, значит, могли быть и другие перемены. Схватив сумку, он выбежал из комнаты к телефонам в коридоре. На секунду ему показалось, что у него нет денег, но, сунув руку в карман, он нащупал монету и опустил ее в щель автомата. Набрал телефон матери, он стал ждать. Его сердце выскакивало из груди, когда он слушал ровно пульсирующие гудки на линии.

— Давай же, мама! — раздраженно крикнул он. — Будь там!

Он вдруг представил, что, получив назад Кейли, может потерять всех остальных близких людей.

www.NataHaus.ru

Он услышал, как в трубке что-то кликнуло, и быстро спросил:

— Мама?

— Привет, — услышал он голос автоответчика. — Андреа...

Он услышал собственный голос:

— Эвана...

— ... и Чака, — этот теплый мужской голос он прежде никогда не слышал, — в данный момент нет дома, — хором сказали голоса. — Вы знаете, что делать, так что оставьте, пожалуйста, сообщение.

— Э, привет, мам, — Эван был абсолютно сбит с толку, — И, э, Чак. Просто звоню сказать привет и попросить, чтобы ты мне перезвонила.

Он положил телефонную трубку и вздохнул с облегчением. Эта часть жизни осталась нетронутой. В той или иной мере.

Эван подтянул рукав, чтобы посмотреть на часы. Ему не хотелось пропускать занятия у профессора Картера. Однако его часы исчезли. Мать подарила ему на шестнадцатилетие дорогие часы для подводного плавания, и с тех пор он не расставался с ними. Но теперь, когда он попытался представить их браслет из полированной стали и синий циферблат, образ оказался эфемерным и призрачным, будто часов у него никогда не было. Он поднял глаза и увидел знакомое лицо.

— Эй, Тампер! Который час, старик?

Варвар остановился и брезгливо посмотрел на него.

— В чем проблема? Потерял свой «Ролекс», что ли?

— Эй, Тампер, чувак, это же я. Ты чего?

Тампер глумливо на него посмотрел.

— Пошел ты, браток.

Прежде чем Эван успел что-либо сказать, Тампер плечом отшвырнул его со своего пути и, сплюнув, пошел дальше.

«Он, кажется, даже не знает меня», — подумал Эван, когда часы на башне колледжа пробили час, объявляя о конце обеда.

Эван вбежал в аудиторию и увидел, как другие студенты берут ручки со стола профессора Картера. Он встал в хвост очереди, кивнув каким-то ребятам, которые обратились к нему по имени, отчего Эван невольно поежился. Поначалу ему нравилось, что все эти люди знают, кто он такой, но теперь от этого у него по коже бежали мурашки.

— Прошу вашего внимания, леди и джентльмены, — обратился к ним из-за своего стола профессор Картер. — Помните, что осталось всего две недели до сдачи ваших научных проектов. Работы опоздавших не принимаются!

Эван взял ручку со стола профессора и обратился к нему:

— Я все еще должен вам свое эссе с прошлой недели. Можно попросить дополнительно пару дней?

Профессор окинул его недоуменным взглядом.

— Извините, а вы кто?

— Эван Треборн.

— Ясно. Ну что ж, добро пожаловать в класс, мистер Треборн. Рад, что вы почтили нас своим присутствием. Что касается вашего вопроса, то ответом будет «нет». — Профессор указал ручкой на стулья. — А теперь прошу вас сесть. Начинается экзамен.

— Экзамен? — сглотнул Эван, поворачиваясь и ища взглядом свободное место. Он тяжело опустился на свободное место у прохода. Он еще не коснулся сиденья, когда чья-то рука обхватила его сзади за шею.

— Попался, урод.

Эван яростно вырвался и, повернувшись, встретился лицом к лицу с Хантером, тем парнем из братства «Тета», которого Тампер облил пивом в «Грязном Хэнке», или, по крайней мере, так было, до тех пор пока все не изменилось.

— Отвали, козел! — прошипел Эван. — разве я тебя трогал?

www.NataHaus.ru

Хантер отпустил его и засмеялся.

— Ты истеричный, Эван. Станный и истеричный, — он хлопнул его по спине. — Ну и как, приятель? Учил всю эту лабуду?

Эван глянул на лист с заданиями перед ним.

— Кажется, мы скоро это узнаем, — пробормотал он.

— Я тоже не учил, — хохотнул Хантер. Открыв задание на первой странице, Эван начал читать. Предметом была все та же психология, но материал слишком отличался от того, что ранее давал на лекциях Картер. Эван полистал страницы, пытаясь найти хоть что-нибудь, на что он мог ответить, но так ничего и не нашел.

— Мне конец, — прошептал он.

— Не совсем, — отозвался Хантер. — У меня кое-что есть.

Он залез в карман куртки и достал свернутый листок бумаги.

— Вот, держи. И никогда не говори, что твой приятель Хантер когда-либо тебя подвел.

Эван развернул лист.

— Это что, ответы?! Ну ни хрена себе!

Хантер прижал палец к губам, призывая его к тишине, поскольку некоторые из студентов стали на них поглядывать.

— Черт, Эван! Осторожнее! Если Картер узнает, нам хана.

Эван улыбнулся и с облегчением вздохнул.

— Уау! Спасибо, чувак.

Спрятав лист под столом, он начал списывать ответы. Потом снова посмотрел на Хантера.

— Эй, э... приятель. Я бы хотел завтра сделать для Кейли кое-что особенное.

Хантер понимающе кивнул.

— О да, эта киска просто супер.

Эван проигнорировал комментарий.

— Так вот. Если бы я сказал, что мне понадобится помощь от тебя и от остальных братьев...

— Я бы ответил «отсоси», — перебил его Хантер. — Конечно, если только она не предложит нам всех своих подружек. А так, в общем, ты мог бы и салаг припахать.

— Салаг, — повторил Эван. — Точно.

Он никогда толком не представлял себе системы студенческих братств, но смотрел «Энимал Хаус» и «Месть ботаников» и в принципе знал основы. Салагами называли тех студентов, которые хотели попасть в братство и находились на самой низшей ступени иерархии. Их использовали и унижали старшие студенты, такие как, например, он сам или Хантер.

— Быстрее, старик, — сказал Хантер. — Давай закончим побыстрее и свалим отсюда

Эван кивнул и вернулся к работе. Теперь он мог закончить экзамен в два раза раньше и быстрее увидеть Кейли. А она единственное, что имеет значение, сказал он себе отгоняя все сомнения и страхи почти физическим усилием.

Глава шестнадцатая

В ту ночь Эван и Кейли занимались любовью со страстью любовников, обретших друг друга снова. Он двигался в такт ее податливому безупречному телу. Он ощущал ее всеми органами чувств: нежную ласку ее прикосновений, непередаваемый запах волос и биение ее сердца. В конце концов, они оторвались друг от друга и лежали обнявшись. Ему хотелось оградить, защитить Кейли от темноты вокруг них. На него снизошел вдруг абсолютный покой.

На губах Кейли играла улыбка удовлетворения.

— О Боже! Это было что-то! Где ты научился всем этим штучкам?

Он, поколебавшись, ответил:

www.NataHaus.ru

— Я, э-м, прочитал недавно «Камасутру»... Эван смотрел на нее, и снова тревожное предчувствие стало одолевать его.

— Надеюсь, тебе не показалось это странным?

Она хихикнула.

— Ну, если можно назвать множественные оргазмы странностью...

Кейли снова прижалась к нему, улыбаясь.

Эвану хотелось успокоиться рядом с ней, но ощущение тревоги грозило захлестнуть его, вылезая из всех уголков сознания. На прикроватной тумбочке Кейли внезапно зазвонил телефон, и Эван, не раздумывая, снял трубку.

— П-р-р-ривет, — прохрипел он. На другом конце была мертвая тишина. — Алло? Кто это?

Кейли пожала плечами.

— Да пошли они...

Эван улыбнулся и кивнул согласно, кладя трубку на место.

— Что еще за ерунда?

— Наверное, один из мальчиков Гвен уснуть не может. У нее миллион поклонников.

— Ага, — он кивнул с шутливой серьезностью. — Бедняжка. У нее нет таких роскошных отношений, какие у нас с тобой...

Кейли согласно мурлыкнула.

— Ты когда-нибудь задумывалась над тем, что делает нас такой идеальной парой? — спросил Эван.

— Да нет, — пробормотала она. — Просто так есть, и все.

— Но все-таки, что заставило тебя сбежать и приехать ко мне после моего переезда?

Кейли удивленно на него посмотрела.

— Как будто он мог меня остановить. Да и что он мог мне сделать?

Она ответила таким тоном, будто этот вопрос был самым дурацким, который она когда-либо слышала. Эван никак не прокомментировал это и только сильнее прижал ее к груди.

— Думаешь, мы всегда будем вместе? Она отодвинулась от него и с любопытством посмотрела.

— Но это же и есть наш план, не так ли? — ответила она. — Ты и я — вместе. Сквозь огонь, воду и медные трубы. Не об этом ли мы всегда с тобой говорим?

От того, что она сказала, беспокойство Эвана немного отступило.

— Я просто хотел удостовериться. Кейли улыбнулась.

— Прекрасно. Тогда иди ко мне и дай мне немного сахарку.

></emphasis>

Женское общежитие было построено в пятидесятые, во времена менее параноидные и более мягкие. Северный угол здания примыкал к зданию колледжа, а противоположная сторона выходила на дорогу, посаженную высокими ветвистыми деревьями. Их кроны, соединяясь над дорогой, образовывали навес, и тяжелые ветви с листьями загоразивали уличные фонари. Это был камень преткновения между студенчеством и городским советом, где каждая сторона требовала оплатить стрижку деревьев, но пока ни те, ни другие за это так и не взялись. В результате с приходом ночи на некоторых участках улицы было темно, как в банке чернил, и — еще один промах управления городского планирования — телефонная будка была как раз в пределах одной из темных зон.

Лампочка в будке давно была разбита, а стекло расписано неприличными граффити соперничающих братств. Для того чтобы разглядеть стоящего в этой будке со стороны, потребовался бы прибор ночного видения. Человек в будке стоял, положив одну руку на телефон, а другой упираясь в стекло. С этой точки женское общежитие очень хорошо просматривалось. Мягкий свет включенного телевизора освещал окна первого этажа, на втором этаже горел свет. Окно комнаты Кейли как раз выходило на дорогу.

Пальцы наблюдавшего за окном человека напряглись на телефонной трубке. Он решал,

стоит ли ему снова набрать ее номер. Решил, что не стоит. Они получили достаточно предупреждений. Не надо было вообще им звонить. А теперь нужно вернуть кое-какой должок.

Спустя несколько минут фары проезжающей машины осветили телефонную будку.
></emphasis>

Эван сидел в шезлонге и обмахивался листовкой, глядя на то, как салаги бродят по двору, собирая пивные бутылки, коробки из-под пиццы и прочий мусор. Он смотрел на них с жалостью. Один особенно неуклюжий парень был назван Хантером «Мисс Тета», и беднягу принудили носить старое вечернее платье, рыжий парик и пластмассовую тиару.

У Эвана с трудом укладывалось в голове, как кто-то по своей воле мог идти на все эти насмешки и унижения для того, чтобы попасть в братство, узнать о каких-то идиотских секретных рукопожатиях и присоединиться к клубу любителей пива. Он усмехнулся. По крайней мере, если ему и пришлось пройти через все это, то это случилось не с ним, а с каким-то другим Эваном.

Он набрал в грудь воздуха и крикнул:

— Эй! Завязывайте! Бросьте всю эту херню и тащите свои бесполезные задницы сюда!

Эван старался, чтобы его голос звучал как у армейского сержанта, но его прямо-таки распирало от смеха.

Салаги сделали то, что им приказали, и собрались вокруг него.

— Да здравствует, да здравствует, «Тета Чи...» — запел парень в платье.

Эван поднял с земли деревянную ложку и помахал, как дирижер, прося их остановиться.

— Заткнись, идиот, здесь я говорю.

Он треснул ложкой по салатнице, которую один из несчастных салаг носил на голове, как шапку.

— Тихо! Так. Возьмите это и прочитайте. Эван раздал листы бумаги, которыми до этого обмахивался, как веером. Мисс Тета изучал их с напряженным выражением лица.

— Это что, наше следующее задание? Эван кивнул.

— Точно. Так все из вас, «духов», поняли, что нужно сделать?

Салатница поднял руку.

— Э-э-э, мы не «духи», мы — «салаги». Сэр Брат Эван Сэр.

— «Салаги», «духи»... какая, на хрен, разница, — весело ответил Эван. — Теперь слушайте внимательно, потому что это в ваших интересах. Вы делаете все это, — он ткнул ложкой в лист бумаги. — А я не буду больше вас гонять. Обещаю.

Он театрально поднес руку к сердцу.

— Клянусь честью брата «Тета Чи чего-то там». Договорились?

Студенты радостно закивали, соглашаясь.

— Но где мы достанем всю эту одежду? — спросил Салатница.

— Да все лучше, чем эта вшивая дрянь, — ответил Мисс Тета, поддернув платье. — Я участвую.

></emphasis>

— Ты чего это так разоделась? — кисло спросила Гвен, накладывая очередную порцию горячего воска на ногу. — Мистер Чудесный ведет тебя в «Макдоналдс»?

Кейли плюнула малинкой в соседку и застегнула, наконец, молнию своего платья. Она покрутилась, рассматривая себя в большом зеркале.

— Моя задница не выглядит большой в этом платье? — спросила она.

Гвен хмыкнула.

— Кейли, дорогуша, твоя задница не будет выглядеть большой, даже если тебе под платье покрывашку засунуть. Ненавижу это в тебе. Ты такая стройная.

— Надо больше сексом заниматься, — ответила Кейли.

www.NataHaus.ru

— Пожалуйста! — Гвен капитулирующее подняла руки. — Мне и так хреново слушать вас каждую ночь.

Она передразнила ее высоким голосом:

— «Ох, Эван, возьми меня...»

Кейли бросила в подругу подушку, и они весело расхохотались.

— А как насчет тебя и Хантера? — спросила она. — Или это уже история?

— Давно, — ответила Гвен. — Он симпатичный, и все такое, но тупой, как кирпич, и думает, что быть джентльменом — значит открывать для дамы пивные бутылки зубами.

— Очаровательно.

— Ага... — Гвен сорвала восковую полоску с ноги и выматерилась. Потом она серьезно посмотрела на Кейли. — Ты знаешь, Эван по-настоящему тебя любит. Он из-за тебя с ума сходит.

Кейли улыбнулась.

— Я знаю.

— Так что же тебя беспокоит? Я же чувствую. Давай говори. Он может прийти в любую минуту.

Улыбка сошла с лица Кейли.

— Просто... Даже не знаю, как и объяснить, но, понимаешь, в нем что-то изменилось...

— В плохую сторону?

— Да нет, хотя я не уверена...

Кейли так и не закончила фразу, потому что в дверь кто-то бойко постучал.

— Сообщение для мисс Кейли Миллер, — раздался голос Эвана. — Ваш кавалер прибыл.

Гвен улыбнулась.

— Иди давай. Не заставляй его ждать. Он в женском общежитии, а мужчины — они слабые.

Кейли отбросила сомнения и открыла дверь, за которой стоял Эван в вечернем костюме с галстуком-бабочкой.

— Уау! Ты выглядишь как Джеймс Бонд. Эван поднял брови и с фальшивым шотландским акцентом ответил:

— Шуда пшалшта, мишш Манипенни.

Она не знала, чего ожидать, и подумала, что, возможно, у подъезда их ждет лимузин, чтобы отвезти в дорогой ресторан в центре, но вместо этого он взял ее под руку и повел к зданию общежития братства «Тета». Он отказался объяснить, в чем дело, и Кейли оставила попытки разузнать, куда они идут, понимая, что из него не вытащить и слова.

Они вошли в главный корпус и поднялись по лестнице. Кейли было подумала, что он ведет ее к себе, но они прошли мимо его комнаты к следующему пролету, ведущему на чердак.

— Ты мне скажешь наконец, что происходит?

— Скоро, — улыбнулся он.

— Куда ты меня ведешь?

Эван подмигнул ей.

— Увидишь. Поверь, тебе понравится.

Они подошли к деревянной двери, ведущей на крышу, и он, улыбаясь, открыл ее, приглашая войти.

— После вас, моя дорогая.

Кейли вышла на крышу и от удивления прикрыла рот рукой.

— О, Господи!

Вся крыша общежития была старательно украшена гирляндами разноцветных огней, бумажными китайскими фонариками и сотнями свечей. В центре стоял стол, сервированный на двоих, а с каждой его стороны в два ряда выстроились официанты. Все было сделано по высшему разряду.

Эван кивнул одному из салаг и щелкнул пальцами. Два официанта немедленно отодвинули для них стулья.

— Сэр, мадам, — обратился к ним высокий парень, выглядевший намного лучше в мужской одежде. — Ваш стол готов.

Кейли хлопнула в ладоши и восторженно засмеялась.

— Не знаю, что и сказать. Это прекрасно.

— Присаживайся, — сказал Эван.

Она сделала шаг к столу, и тут же на нее посыпались лепестки роз. Кейли подняла глаза и увидела еще двух студентов, бросающих в вечерний воздух пригоршни лепестков.

Она села, впечатленная этим романтическим жестом Эвана.

— Зачем ты все это для меня делаешь?

Эван сел напротив нее и тепло улыбнулся.

— Это вопрос простой математики, — сказал он. — Я проснулся сегодня утром и увидел твою улыбку... И понял, что хочу провести остаток жизни с тобой.

Их руки встретились поверх стола, и Кейли крепко сжала его ладони. Она пыталась найти подходящие слова, чтобы сказать ему о своих чувствах, но не могла. Эван прочитал в ее глазах все, что она хотела ему сказать.

Кейли почувствовала, как ее душа воспарила в звездное небо. Они наклонились друг к другу для поцелуя, и в этот момент у них было такое ощущение, будто это их первый настоящий поцелуй.

В следующую секунду эта прекрасная иллюзия была разрушена. Кто-то с грохотом пробежал по лестнице на чердак и влетел на крышу.

Эван вскочил со стула, готовый разразиться гневной тирадой, когда увидел Хантера и Кевина, разрушивших романтику этого вечера. Однако выражение на их лицах подсказало ему, что что-то случилось.

— У вас должна быть серьезная причина для этого.

— Эван! — выдавил запыхавшийся Хантер. — Мы тебя везде ищем!

— Твоя машина, чувак, — сказал Кевин. — Кто-то изуродовал твою машину.

Вечер был безнадежно испорчен, и Кейли с Эваном обменялись беспокойными взглядами.

— Как?! — прорычал Эван.

Хантер бежал впереди, Эван за ним. Кейли старалась поспевать на высоких каблуках. Они пересекли газон перед общежитием братства и сбежали вниз по холму туда, где Эван припарковал свою потрепанную «хонду». Его хорошее настроение быстро сменили озабоченность и смятение.

— Черт, — пробормотал он. — Это еще что такое?

Машина была изуродована тщательно. «Хонда» стояла в окружении осколков битого стекла, каждое окно было разбито, так же как и зеркала. Колеса были изрезаны, а из сидений торчали куски поролона. Крышка капота валялась на дороге, и Эван видел, что все провода и трубки вырваны с корнем. Руль лежал на крыше, изогнутый овалом. Тормозная и охлаждающая жидкость натекла под машину из изрезанных трубок.

Он заглянул внутрь. Приборы и радио были разбиты. Какой-то предмет привлекло его внимание, и он, потянувшись, взял его в руки. Подобно какому-то безумному украшению, на разбитом зеркале висел шипованный собачий ошейник. Он был абсолютно новым, и Эван почувствовал, как все внутри него провалилось, когда он прочитал надпись на нем

— Крокет, — прошептал он.

Он повернулся и увидел, как потихоньку вокруг них собирается народ, чтобы посмотреть на причину шума. Он обратился к стоявшему ближе всех толстяку в хоккейной майке.

— Ты видел, кто это сделал? Ты видел кого-нибудь?

Парень поднял руки вверх.

— Нет, мужик, я не видел.

Эван обвел глазами остальных зевак, но они лишь отрицательно качали головами или пожимали плечами.

Хантер плюнул на асфальт, едва контролируя себя от злости.

— Знаете, кто это мог быть? Скорее всего, эти мудаки из «Пики». Пошли, врежем им как следует!

Кейли взяла ошейник из рук Эвана и, посмотрев на него, содрогнулась от ужаса.

— О нет, — прошептала она. — Это не может быть он...

— А кто еще? — подойдя к ней ближе, Эван понизил голос до злого шепота. — Кому еще известно, что у меня была собака по имени Крокет? Это работа Томми! — Он бросил взгляд на изуродованную машину. — Твой ненормальный старший братец пролез на территорию студгородка и разнес вдребезги мою машину!

Она в страхе оглядела толпу зевак.

— Эван, — предупреждая сказала она. — Он может все еще быть здесь.

Эван, не слыша ее, отошел в сторону.

— Как это могло сойти ему с рук? — спросил он у Хантера. — Неужели все спали? Он разнес мою машину прямо перед этой сраной братской общагой!

К нему подскочил взбешенный Кевин.

— Ну-ка повтори, что ты только что сказал, Треборн! Сраная братская общага? Это братство, ты, мудак! Ты ведь не называешь страну, где живешь, сраной?

Эван отмахнулся от него и вернулся к Кейли, которая все еще держала в руках ошейник. Внезапно эта тупая, варварская, бессмысленная выходка заставила его по-новому посмотреть на этот новый мир.

— Достаточно, — сказал он ей. — Пойдем отсюда.

Девушка поежилась. Несмотря на теплый вечер, ее голые плечи дрожали.

Эван снял пиджак и хотел накинуть на нее, но она шагнула назад, отстраняясь, с беспокойством глядя на него.

— Не надо, — сказала она, нервно оглядываясь.

— В чем дело? — спросил он, пытаясь проследить за направлением ее взгляда.

— Возможно, он следит за нами, — ответила она с легким беспокойством в голосе.

— Да плевать на него! — разозлился Эван. — Неужели ты думаешь, что я позволю этому козлу диктовать нам, как надо жить? Пошел он!

Но Кейли все равно уклонилась от его объятий и покачала головой.

— Пожалуйста, Эван, давай уйдем отсюда. Я не могу здесь больше оставаться. Просто отведи меня домой.

Эван увидел страх в ее глазах, и желание драться покинуло его.

— Хорошо, — сказал он. — Но мне нужно кое-что сделать, на случай если он все еще где-то здесь.

Глава семнадцатая

Эван завел Кейли в свою комнату в общежитии братства «Тета» и громко захлопнул за собой дверь, оставляя Хантера и Кевина обсуждать планы мести «Пикам» Эван объяснил им, кто именно разбил его машину. Хантер искал любую причину для драки, и этот инцидент был просто предлогом для нападения на соперников. Если Томми Миллер бродит где-нибудь поблизости, то Эвану самому придется иметь с ним дело. Вся скрытая злость по отношению к Томми поднималась на поверхность: ненависть за хладнокровное убийство Крокета и за жестокость, с которой он взорвал почтовый ящик Халпернов. Он ненавидел Томми с новой, внезапной яростью за то, что тот осмелился снова появиться в его жизни, особенно сейчас, когда все у него шло так прекрасно. Эван сжал кулаки от злости. Его идиллическая жизнь с Кейли всегда будет под угрозой, пока где-то поблизости находится Томми. Все, чего сейчас хотелось Эвану, это чтобы он исчез.

Эван опустил на одно колено и заглянул под кровать, где стояли несколько коробок с

дневниками и старой одеждой. Никто под ней не прятался.

— Что ты делаешь? — спросила Кейли.

— Просто проверяю, — хмуро ответил Эван. Он запер дверь, потом, вернувшись к своему столу, начал рыться в ящиках.

— Я никогда не думала... — Кейли не смотрела ему в глаза. — Это... Это моя вина.

Я должна была тебе сказать. Его освободили несколько недель назад, но я не думала, что он сделает что-нибудь подобное.

— Было бы неплохо, если бы я был в курсе, — проворчал Эван. Его пальцы нащупали под кучей носков какой-то металлический цилиндр, и он вытащил его из ящика.

Это был баллончик переченого газа, каким пользуются полицейские и охранники. Некоторое время он раздумывал.

— Ха! Как будто от него будет какой-то толк. Надо спросить у ребят из братства, может, у кого-то есть ружье или пистолет.

Глаза Кейли расширились.

— Пожалуйста, Эван. Даже не шути об этом.

Он посмотрел на нее.

— Почему ты думаешь, что я шучу, Кейли? Или ты забыла о том, что Томми обещал меня убить? После того, что он сделал с моей машиной, мне кажется, я имею право на самозащиту.

— Он не причинит тебе вреда, — возразила она. — Он просто хотел запугать тебя, чтобы ты меня бросил.

— Скажи это Крокету.

Эван потряс газовый баллончик. Тот был полон.

— У твоего братца не все дома, Кейли. Он заживо сжег мою собаку. Он просто облил бензином глупое животное и поджег, просто так. Это не то, что делают для запугивания кого-то.

Ее голос был тихим.

— Это не его вина. Ты же знаешь, как ему доставалось, когда мы были детьми...

— Не надо его оправдывать! — оборвал ее Эван. — Может, он и твой брат, но он псих!

И не надо мне этой ерунды насчет тяжелого детства в духе Опры³.

— Все было по-другому. Отец меня и пальцем никогда не тронул, — виновато сказала она. — Будто этот мудака отрывался на нем за двоих. Он постоянно его преследовал.

В горле Эвана пересохло, когда он вспомнил то, что сказал Джорджу Миллеру в подвале.

«Если хочешь сделать что-нибудь хорошее, научи хоть немного своего сыночка Томми держать себя в рамках, потому что он настоящий садист».

Он похолодел. Что, если это его вина? Что, если, изменяя события, Эван направил Миллера по другому пути, и он, вместо Кейли, начал издеваться над ее братом, в результате превратив его в психа? Внезапное понимание того, что он был ответствен за ненормальные поступки Томми в той же степени, что и за спасение Кейли, не укладывалось у него в голове. Он посмотрел в ее глаза и увидел в них мольбу, отчаянную просьбу о сострадании.

— Пожалуйста, Эван, — взмолилась она. — Не трогай его. Он болен.

Эван подумал над ее словами. Его ответ мог вбить клин в их отношения, а он не хотел заставлять Кейли делать выбор между ним и братом.

— Ладно, — сказал он, подумав. — Пусть с этим разбирается охрана.

Эван открыл дверь и вышел вслед за Кейли на улицу, придерживая рукой спрятанный в кармане баллончик с газом. Если Томми там, то он не застигнет их врасплох.

Они шли по темной улице. Теперь ночь была полна опасностей. Томми мог прятаться везде. Укрытых мест хватало. Эван был напряжен, будто сама темнота давила на него.

³ Опра Уинфри — популярная ведущая ток шоу на американском телевидении

www.NataHaus.ru

Он шел рядом с Кейли, в любую секунду готовый встать на ее защиту. Услышав шум впереди, он дернул ее за руку к себе, но, увидев, что это всего лишь пьяный студент, блюющий в кустах, расслабился.

Они миновали здание колледжа, и, когда проходили мимо фонаря, Кейли взглянула на него.

— Что? — спросил он.

— Ты в порядке?

Эван усмехнулся.

— Да, если не брать в расчет, что моя машина превратилась в произведение современного искусства, а я вздрагиваю от каждой тени. Атак все нормально.

На ее лице промелькнула тень обиды, и он тут же пожалел, что не прикусил вовремя язык.

— Извини, Кейли. В каком смысле?

— Я не имею в виду машину. — Казалось, ей было непросто найти нужные слова. — Просто... Ты как-то странно себя ведешь в последнее время, понимаешь?

Кейли вспомнила свой недавний разговор с Гвен, и к ней возвратилось то же самое ощущение смутной неловкости.

Эван старался сохранять нейтральное выражение на лице.

— Странно? — переспросил он. — Например?

Кейли нахмурилась.

— Не знаю. Просто ты кажешься... другим. Ты странно шутишь, твой голос изменился, ты даже как-то по-другому ходишь.

— По-другому хожу? — он натянуто засмеялся, пытаясь свести все к шутке. — Я все тот же парень, которого ты всегда знала, Кейли. — Его слова прозвучали абсолютно неубедительно. — Я не изменился.

Говоря это, Эван не врал: это не он изменился, а весь мир вокруг него.

— Я не могу сказать, что именно, но все как-то не так, — продолжала она. — Даже сегодняшний ужин. Это было прекрасно, но...

Эван почувствовал, как в груди у него все сжалось. Он боялся ее потерять, и ему надо было как-то изменить ход ее мыслей. Взяв ее руку в свою, он легонько пожал ее.

— Слушай, я знаю, что, возможно, вел себя странно в последнее время, но просто... — Эван вздохнул и сказал: — Я просто не хочу, чтобы что-нибудь с нами случилось, Кейли. Я хочу быть лучшим в мире бой-френдом. Я люблю тебя.

Она улыбнулась ему в ответ хрупкой улыбкой. Они дошли до угла здания колледжа и обогнули парня, который никак не мог проблеваться. Эван и Кейли инстинктивно отвели глаза от пьяного, но потом Кейли, обернувшись, снова посмотрела на пьяного студента.

— Подожди-ка, — сказала она, показывая на него пальцем. — Что-то здесь не так... Не твоя ли куртка на этом парне?

— Что? — встрепетнулся Эван и, повернувшись, посмотрел, куда указывала Кейли. На парне была коричневая замшевая куртка. — Но я же оставил ее в машине...

Едва его слова слетели с губ, как согбенная фигура резко распрямилась и повернулась. Кейли побледнела, увидев его лицо.

— Томми!

— Сюрприз! — с холодной злобой ответил он. — Скучала, сестренка?

У Эвана застыла в жилах кровь, и на секунду он одеревенел от страха.

Томми сбросил куртку с плеч и одарил Эвана ненавидящим взглядом. Он сильно изменился за эти семь лет. Стал высоким и более злобным на вид. Волосы были короткими и сальными. Из-под ворота камуфляжной футболки, которую он носил под потертой, в масляных пятнах джинсовой курткой, видны были татуировки. Не изменился только злой взгляд. Из рукава куртки в его руку выпала монтировка. Томми пробно крутанул ее в руке, нисколько не скрывая своих измерений.

— У нас тут небольшая встреча старых друзей, — прорычал он.

www.NataHaus.ru

— Оставь нас в покое, ты, мудака больной! — крикнул Эван, снова обретя голос. Он встал перед Кейли, сжав в руке баллончик с газом.

Томми театрально закатил глаза.

— Не «нас», — прорычал он. — Ты что, думаешь, будто я свою любимую сестренку хоть пальцем трону? — Томми сплюнул в кусты. — Ты неплохо устроился, Эван. Кажется, ты стал большим человеком, а? Хорошая одежда, хорошие друзья, хорошая жизнь, не говоря о том, что ты трахаешь мою сестру.

Он искоса посмотрел на Кейли.

— А она клевая телочка, если хочешь знать мое мнение.

— Заткнись, Томми! — крикнула Кейли. — Заткнись!

Он притворился обиженным.

— Ой, да ладно, сестренка. Это был комплимент.

Томми посмотрел на Эвана и несколько раз крутанул монтировку, примериваясь.

— Что ты делаешь? — резко спросил Эван, собравшись с духом и сделав шаг ему навстречу. — Чего ты от меня хочешь?

Томми горько усмехнулся.

— Чего я хочу? Я хочу назад свои долбанные семь лет, ты, сукин сын! И я хочу вышибить их из твоей задницы! Ты строил из себя героя школы, пока я торчал в этом сраном зоопарке всю свою юность, а когда я выхожу, то нахожу это! Мало того, что весь мир тебя любит, так тебе еще понадобилось забрать у меня единственного человека, который не считал меня куском дерьма!

В его словах были ненависть и боль.

— Это не так. Никто не считает тебя куском дерьма, Томми... — начал было Эван, изо всех сил стараясь подавить охватившую его панику.

Томми насмешливо фыркнул.

— Ага. Точно, Эван. Как будто и не ты на звал меня больным мудаком секунду назад

— Слушай, Томми...

Но Томми не слушал. Монтировка, описав в воздухе свистящую дугу, опустилась на плечо Эвана. Колени его подогнулись, и он полетел лицом в траву.

— Прекрати! — взвизгнула Кейли, но ее резкий окрик не остановил Томми.

Он крутанул монтировку в руке, прикидывая, куда еще нанести удар.

— Знаешь что? Я испорчу твое хорошенькое личико, — прошипел он. Размахнувшись, он направил удар в голову Эвана.

Эван успел увернуться, вытаскивая из кармана газовый баллончик. Струя газа ударила Томми прямо в лицо, он зло выматерился, и попытался, прижимая свободную руку к покрасневшему лицу. Эван вскочил на ноги, не обращая внимания на резкую боль в ключице, и обошел Томми, держа баллончик направленным ему в лицо. Томми заморгал слезящимися глазами и попытался снова броситься на него, но на этот раз Эван был готов. Он отскочил и снова брызнул газом в лицо Томми.

— Я убью тебя! — заорал тот, сделав слепой выпад и едва не зацепив собственную сестру.

Кейли закричала. Он ломанулся вперед как разъяренный бык, нанося быстрые удары вслепую, пытаясь наугад достать Эвана монтировкой. Эван снова легко увернулся и набросился на Томми, позволяя накопившейся ярости взять над ним верх. Его глаза застлала красная пелена. Все, что он слышал, это предсмертный визг Крокета, отдаленное эхо динамитного взрыва и пульсирующие удары своего сердца. Во всем виноват Томми, и Эван ненавидел его каждой клеткой своего тела. Он вырвал монтировку из его руки и опустошил содержимое баллончика в открытый рот Томми, заставляя его подавиться почти смертельной дозой газа.

— Эван, остановись! — крикнула Кейли. — Ты убьешь его!

— Да он же просто ебанный маньяк! — проревел Эван. — Я сделаю так, чтобы он больше никому не смог причинить вреда!

Томми вслепую ударил по воздуху, и Эван ответил ударом монтировки, сбив его с ног. Томми стал кашлять, захлебываясь рвотой.

Кейли схватила Эвана за полу куртки, пытаясь оттащить его, но он вырвался и изо всех сил ударил Томми по ребрам.

— Остановись, Эван, остановись!

— Он разрушил жизнь Ленни! — кричал Эван, абсолютно потеряв контроль над собой. — Он убил Крокета!

Он еще раз пнул Томми.

— Он убил ту женщину и ее ребенка!

Ребра хрустнули под еще одним ударом.

— И он пытается убить меня, Кейли! Этот гондон пытается прикончить меня!

И прежде чем он сам это осознал, Эван размахнулся как следует и опустил стальную монтировку на голову Томми Миллера. Раздался звук треснувшей кости.

С распухших губ Томми слетел тонкий всхлип, и он обмяк. Затуманенные слезами, широко раскрытые глаза уставились в никуда.

Резкий звук вспорол воздух, и Эван повернулся, чтобы разглядеть источник. Кейли стояла у одного из фонарных столбов. Ее рука лежала на кнопке включения полицейской сирены. Такие ящики были расположены по всей территории студгородка, и нажатие одной из кнопок включало общий сигнал тревоги.

Эван посмотрел на избитое, распухшее лицо Томми, и новый приступ страха охватил его. Окровавленная монтировка выскользнула из его пальцев на траву, и нечеловеческая ярость, переполнявшая его секунду назад, Постепенно улетучивалась.

Кейли подбежала к распростертому телу брата и остановилась при виде ран, нанесенных Эваном. Он шагнул к ней, по его щекам текли слезы, но Кейли отшатнулась от него.

— Нет! — закричала она. — Не прикасайся ко мне!

— К-Кейли! — еле выдавил из себя Эван. Он чувствовал себя порванным на куски, его сердце было разбито. — Я не хотел этого.

Ноги Эвана подкосились, и он рухнул на траву. Он не мог заставить себя посмотреть на тело Томми и вместо этого, закрыв лицо руками, зарыдал.

Вой сирены оглушил его. Когда копы запихивали его в полицейскую машину, он словно наблюдал за всем со стороны, будто это происходило не с ним. Все вокруг казалось призрачным и нереальным. Сон. Кошмарный сон.

</emphasi>

Автобус трянуло на колдобине, и голова Эвана дернулась. Прижавшись к окну, он старался разглядеть как можно больше сквозь прутья решетки.

— Что, по дому заскучал? — язвительно поддел его один из охранников. — Какая жалость!

Эван повернулся и увидел, что сидевший напротив него парень со сломанным, приплюснутым носом разглядывает его со скучающим выражением лица. Арестант был на несколько лет старше Эвана и разукрашен татуировками в виде змей.

— Эй, — позвал он Эвана, наклоняясь чуть ближе. — У тебя сигаретки не найдется, приятель?

Эван покачал головой. Змей пожал плечами.

— Все равно хотел бросить.

Когда Эван замешкался с ответом. Змей поднажал:

— Похоже, ты чувствуешь себя не слишком-то комфортно в оранжевом костюме? За Что попал?

Эван оглядел свой оранжевый тюремный комбинезон. На груди было написано: «Исправительный департамент штата».

— Я убил парня, — тихо ответил Эван.

www.NataHaus.ru

— О, — без всякого интереса отозвался Змей. — Только одного?

— Что? — переспросил Эван, сузив глаза.

— Тебе понравилось? — поинтересовался другой заключенный, демонстрируя желтые зубы.

Эван вжался в сиденье.

— Нет уж, приятель, мне это совсем не понравилось.

Змей засмеялся.

— Мой тебе совет, чувак. Не будь такой легкой добычей там, в тюрьме, иначе тебя порвут.

Эван отвернулся, снова прикинув к стеклу, вцепившись глазами в пейзаж за окном, словно в спасательный круг.

События, происходившие с ним после той ночи, были неким месивом образов и мрачных, темных эмоций. Две студентки из женского общежития выступили свидетелями: они видели, как Эван набросился на Томми, но даже если бы их и не было, то все равно арест был неизбежен. Местная телевизионная студия ежедневно смаковала подробности истории о том, как герой колледжа, спортсмен, зверски убил человека. За одну ночь Эван из всеобщего любимца превратился в козла отпущения для всего университета. Но его волновало только то, что думает о нем один-единственный человек. Он не видел Кейли до тех пор, пока она не явилась на слушания в качестве свидетеля. За все время заседания она ни разу не посмотрела в его сторону, уставившись прямо перед собой. Джордж Миллер также пришел и плюнул в него, проклиная за убийство сына.

Хантер и Кевин выступили в защиту Эвана, хоть это и не слишком-то помогло, и даже поддержка доктора Редфилда, настаивающего на наследственном психическом заболевании подсудимого, не возымела никакого результата. Почти все хотели видеть его за решеткой, и правосудие было быстрым и жестким.

Это убийство расшевелило осиное гнездо. Вспомнили о криминальном прошлом Томми и о взрыве у дома Халпернов. Адвокат Эвана сказал, что прокурор пытается доказать связь двух этих дел. Они хотели обвинить Эвана в том, что он убил Томми, чтобы тот никому не проболтался о его причастности к взрыву. Окончательное слушание должно состояться через несколько месяцев, но выводы уже были сделаны заранее.

Эвану суждено было провести остаток жизни за закрытыми дверями и зарешеченными окнами.

Тюремный автобус резко свернул с трассы и проехал через главный въезд. Заключенных болтало из стороны в сторону. Когда за ними закрылись железные ворота, у Эвана встал ком в горле. За всю свою жизнь, даже когда его отца убили прямо у него на глазах, он не чувствовал себя таким одиноким и подавленным, каким был в этот момент.

Охранник постучал по решетке окна дубинкой и, не скрывая злорадства, сказал:

— Это последняя черта, дамы. Добро пожаловать в новый дом. Штат надеется, что вам понравится пребывание у нас.

Он говорил это каждый раз, когда привозил новых заключенных. Это была дурацкая шутка, но она ему нравилась, и особенно он радовался, когда кто-нибудь лез на рожон и он мог как следует врезать ему.

Эван посмотрел вперед и увидел зияющие раскрытые ворота тюрьмы. Над ними темно-синей краской было написано: «Тюрьма Мэвис».

Автобус, переваливаясь, проехал через ворота, и они закрылись, отрезая осужденных от остального мира.

Глава восемнадцатая

Охрана делала все возможное, чтобы лишить заключенных всего человеческого с того самого момента, когда они вышли из автобуса. Маленькими, неловкими шажками,

позвякивая кандалами, все десять новоприбывших проследовали, понукаемые дубинками, в комнату для досмотров. Эван старался не отставать, наблюдая за тем, как ходит в кандалах Змей, но пару раз он все же споткнулся, чем вызвал матерки следовавших за ним заключенных.

— Увидимся, рыбка, — это было последнее, что сказал ему Змей, после чего их разделили, заставили раздеться и погнали в химобработку. Мягкая кожа Эвана покраснела от щелочного дезинфицирующего мыла, и, когда он снова оделся в новую арестантскую робу — темно-синий джинсовый комбинезон, который был ему велик, — он почувствовал себя так, будто с него содрали шкуру.

Скучающий надзиратель по-совиному посмотрел на него поверх толстых очков и изучил его дело.

— Треборн Эван, — медленно прочитал он. — Твой идентификационный номер тысяча сто тридцать восемь. Возьми свое постельное белье и проходи дальше. Камера четырнадцать, блок «Д», общий режим.

Эван не знал, что ему следует ответить, а потому просто кивнул и взял белье. Вместе с парой других заключенных его прогнали по коридорам приемного отделения и далее через спортзону. Он посмотрел, как на баскетбольной площадке мужчины в синем играли в жесткий баскетбол, а потом его внимание переключилось на сторожевые вышки. На них в небрежных позах стояли охранники с помповыми ружьями и винтовками.

Дверь в блок «Д» открывалась автоматически. Как только они вошли в коридор, их встретили глумливые крики, мяуканье и свист других заключенных.

— Хей, хей! Красавчик!

— Белая рыбка! Я тебя погоняю разбитой бутылкой!

— Хочешь быть моей сучкой, сладкий?

— Новое мясо!

Двое других шли широким шагом, не обращая внимания на выкрики, и Эван старался брать с них пример, но его самообладание быстро улетучивалось. У него не осталось ни бравады, ни силы.

Блок «Д» состоял из камер, расположенных друг против друга в три уровня и освещенных сверху флуоресцентными лампами. Все было сделано из бетона, за исключением стальных прутьев, отделявших камеры от коридора. На каждом уровне с обоих концов находились застекленные будки наблюдения, в которых надзиратели смотрели телевизор или листали конфискованные порножурналы. На самом верхнем уровне находился сетчатый проход, откуда можно было контролировать заключенных одновременно.

Эван посмотрел вверх и увидел, что за ним наблюдает, прислонившись к перилам второго уровня, огромный, мускулистый заключенный с лысым черепом. Его куртка была расстегнута и рукава оторваны, чтобы продемонстрировать массивные бицепсы и мощную грудь. Вокруг него собралась кучка белых скинхедов. Эвану были хорошо видны татуировки с изображением ку-клукс-клановских символов и свастики, а также шрамы, которыми они гордились, как боевыми наградами. К веселью остальных скинхедов, здоровяк послал Эвану воздушный поцелуй и подмигнул. Все эти люди наблюдали за ним с нетерпением хищников, пока он не скрылся из виду.

— Сюда, — сказал надзиратель и дубинкой указал на одну из открытых камер. — Эй, Карлос, — постучал он по железным прутьям решетки. — Я тут тебе новую подружку привел.

Эван сглотнул ком в горле, шагнул в полумрак камеры и закашлялся от запаха горелой ваксы. В камере 14, как и во всех остальных, были двухъярусная кровать, металлическая раковина и унитаз. По всем стенам были развешаны рисунки с изображением Иисуса Христа и множества святых. Некоторые были нарисованы на пожелтевшей бумаге, остальные вырезаны из журналов или книг. Ни один из них не напоминал Эвану те мягкие, с добрыми лицами, религиозные образы, которые он помнил по воскресной школе — это были иконы боли и муки, обещавшие вечное проклятие и гнев Божий всем неверным.

На раковине стояли мерцающие самодельные свечи, сделанные из банок с гуталином, освещавшие мрачный маленький иконостас.

Сосед Эвана по камере, широкоплечий испанец средних лет, с усталым и отстраненным выражением глаз, посмотрел на него оценивающим взглядом. Карлос был раздет по пояс, и Эван мог разглядеть поблекшие татуировки на его мощной груди. Как и татуировки скинхедов, картинки на груди Карлоса были сделаны в тюрьме другими заключенными при помощи игл и дешевых чернил. Одна из них изображала фигуру распятого Христа.

Карлос не ответил на приветствие, и Эван начал расстилать простыню на старом, в пятнах матрасе на верхнем ярусе. Сосед без интереса его рассматривал.

— Первый раз в тюрьме? — наконец спросил он.

Эван мрачно кивнул.

— Будет трудно, — его сосед отвел взгляд. — Тебе лучше не высовываться, иначе нарвешься.

Эван почувствовал себя потерянным и одиноким.

— А ты мог бы... меня защитить? — в отчаянии спросил он, надеясь, что Карлос проявит немного сострадания, и вспоминая хищнические улыбочки заключенных по пути сюда.

Здоровяк покачал головой.

— Сам Иисус не заставит меня наехать на Братство.

— Братство? — повторил Эван. — Это те скинхеды?

Карлос кивнул.

— Этот здоровый мудака Карл их босс. Они нацисты, понимаешь. Им нравится поиграть с новичками. Когда они придут, просто отключи мозги. Считай, что тебя здесь нет.

Эвана затошнило от страха, и он закрыл глаза, прячась от обвиняющих взглядов святых.

В коридоре прозвенел звонок, и Карлос без единого слова поднялся с кровати и вышел. Эван поплелся за ним.

В тюремной столовой было полно людей, толкающих и пихающих друг друга в конец очереди. Эван старался не терять Карлоса из виду, следя за всеми его движениями, но другие заключенные привычно пролезали вперед, отпихивая Эвана в конец очереди.

В конце концов, он все-таки добрался до раздачи, где получил чашку жидкого супа, тарелку с вялыми овощами и кусок мяса, разваренный до серого цвета. Желудок Эвана сжался, но он взял то, что ему выдали, и пошел к столу. Карлос глазами показал на пустой стул, и Эван принял этот жест как самый щедрый подарок в мире. Не успел он сесть, как другие заключенные начали втыкать вилки в его еду, забрав почти все с подноса. Каждый из них ревностно оберегал собственную порцию, как собака охраняет кость. Эван опустил на стул и снова посмотрел на Карлоса.

Тот пожал плечами и предложил ему свою черствую булочку.

— Спасибо, — поблагодарил его Эван и, взяв хлеб, осушил тарелку супа так быстро, как мог, прежде чем кто-либо решил отобрать у него и эту пищу.

Андреа пришла навестить его несколько дней спустя. Сердце Эвана подпрыгнуло, когда он увидел мать сквозь толстую перегородку из органического стекла — барьер, поставленный для того, чтобы люди не могли обниматься. Он сел на одну из скамеек и взял в руки телефонную трубку. Его ноги дергались от избытка нервной энергии.

— Мам? — его голос дрожал.

— Привет, Эван, — сказала она. Он не помнил ее такой измученной и усталой.

Ее волосы были выкрашены в бледно-желтый цвет, и лицо казалось белым под резким светом ламп. В свободной руке она крутила между пальцами незажженную сигарету, взад-вперед, взад-вперед.

— Ты снова начала курить? — сказал он первое, что пришло ему на ум.

Андреа посмотрела на висевший над ней знак «Не курить» и кивнула.

— Это не важно. Не имеет значения, — вздохнула она. — В общем, я хотела тебе

сказать, что говорила с твоим новым адвокатом насчет апелляции. Он сказал, что сможет тебя вытащить на основании статьи о самообороне, и если ты потерпишь...

— Сколько я еще здесь пробуду? — перебил ее Эван. — Это место просто кошмар.

Она пожевала губу, Эван знал это ее движение.

— Трудно сказать, — осторожно сказала она. — На такие вещи нужно время.

Он устало кивнул.

— Как Кейли? С ней все в порядке?

Андреа даже не нужно было ничего говорить: печальное выражение ее лица сказало Эвану все, что ему нужно было знать: надежды у него нет.

— А ты получила мое сообщение? — спросил он. — Как насчет моих дневников, мам? Ты принесла мне те, о которых я тебя просил?

Она кивнула и показала ему две тетради, на одной из которых было написано «7 лет», а на другой «13 лет». Впервые с тех пор, как он попал в тюрьму, Эван почувствовал проблеск надежды. Если у него будут дневники, значит, будет и шанс изменить происходящее.

— А где остальные?

— Я нашла только эти, — сказала Андреа. — Остальные все еще на складе...

Кулак Эвана стукнул по оргстеклу.

— Черт побери, мам! Я же говорил, что мне нужны все!

Она вздрогнула от внезапной вспышки его гнева, и один из охранников вопросительно поднял бровь, глядя на них.

— Хорошо, хорошо, — попыталась успокоить сына Андреа. — Ты получишь их все, Эван, но это займет некоторое время. Мне кажется, что нам лучше сосредоточиться на твоём предстоящем суде...

Эван хотел было возразить, но потом кивнул головой и закрыл рот.

— Конечно, мам. Ты абсолютно права. Передай Кейли, что мне очень жаль.

Эван отвел глаза в сторону и увидел, что охранник нетерпеливо постукивает пальцем по своим наручным часам. Он расстроился. Время почти вышло, а он провел его, споря о дневниках. Он снова посмотрел в глаза матери и увидел в них беспокойство и страх, и не только потому, что ее сын был в тюрьме, но и оттого, что, возможно, он скатывается в безумие, так же как и Джейсон Треборн. Ему хотелось пообещать ей, что все будет хорошо и что он исправит все ошибки, только бы она принесла ему дневники!

— Я не собираюсь терять тебя, малыш, — сказала она срывающимся голосом. — Пообещай мне, что ты продержишься, Эв.

— Конечно. Я люблю тебя, мам.

Глаза Андреа затуманились.

— Я тоже тебя люблю.

Эван медленно положил трубку на место, но она так и продолжала сидеть, прижимая трубку к уху, словно надеялась услышать слова утешения.

Он прижимал тетради к груди, вцепившись в них, как утопающий цепляется за плот. Это был подходящий образ, так как Эван знал, что в тетрадях должно быть что-то, что вытащит его из этой вонючей дыры, поможет исправить сделанное и все переделать. Эти дневники могли спасти ему жизнь; ему всего лишь требовались время и спокойное место.

Следуя за Карлосом, Эван настолько погрузился в свои мысли, что не заметил группу скинхедов, слоняющихся в тени. Один из них сказал испанцу что-то оскорбительное, но тот, не обращая на них внимания, прошел дальше. Внезапно откуда-то на пути Эвана возник Карл и ткнул его в грудь толстой пятерней. Потом, схватив Эвана за гениталии, сильно сжал руку.

Скинхеды заржали, увидев, как побледнел от ярости Эван.

— Дерьмо на моем хуе или кровь на моем ноже, — прошипел ему в ухо Карл. — Выбирай, красавчик.

Эван застыл, не зная, как реагировать. Один из скинхедов вырвал тетради из рук Эвана и швырнул их по коридору. Эван вернулся к жизни и рванулся за ними, в отчаянии пытаясь

их поймать. Скинхед успел раньше него, и они начали вырывать дневники друг у друга, отрывая листы и обложки.

— Забери их, Рик! — крикнул Карл. — Забери тетрадки этого говнюка!

— Отпусти! Они мои! — крикнул Эван.

— «Отпусти! Они мои!» — тоненьким голоском передразнил его Рик. — Теперь не твои, говноед!

Эван старался не повредить дневники, но Рику было плевать, и он вырвал их у Эвана, раздирая страницы. Эван разъярился.

— Мразь! — прошипел он и ударил скинхеда в ухмыляющуюся физиономию.

Рик легко увернулся и ударил в ответ, едва не попав Эвану в подбородок.

В блоке «Д» раздались радостные крики, когда заключенные заметили вспыхнувшую драку.

— Давай! — крикнул Карл. — Мочи новенького, Рики! Завали его!

Рик бросился на Эвана, и они свалились, сцепившись, посреди бетонного коридора, изредка обмениваясь ударами в живот и грудь. Забытые дневники лежали в проходе, разорванные страницы разлетелись по полу.

Крики заключенных достигли пика и внезапно прекратились, когда по коридору разнесся лязг взводимых курков. Рик и Эван отпустили друг друга и посмотрели вверх. На верхней галерее дюжина охранников стояла, направив на них дробовики винтовки, и еще несколько надзирателей в будках наблюдения смотрели на них, стоя с ружьями наготове.

Эван застыл на месте, но Рик быстро отошел в сторону и, прежде чем Эван понял, что происходит, схватил дневники и быстро удалился. Карл мерзко усмехнулся.

— Мы придем к тебе ночью, сестренка.

Эван затаил дыхание и посмотрел на валяющиеся здесь и там страницы. Одну за другой он собрал их с пола и разгладил.

Когда он вернулся в камеру, Карлос с сожалением на него посмотрел.

— По-моему, ты дурак, раз связался с этими ненормальными скинами. Да они же тебя порежут, чувак!

— Они забрали мои тетради... — сказал Эван.

Карлос покачал головой.

— Тетради? Хочешь получить нож в ребра из-за каких-то там тетрадей? Может, ты смерти ищешь?

Эван залез на верхний ярус и стал перебирать измятые страницы в поисках подходящей записи, которую он мог бы использовать.

— Они для меня очень важны. Сердце Эвана упало: среди оставшихся страниц не было ничего, что могло бы ему помочь.

— Ни одна книга не стоит жизни, парень. Эван посмотрел вниз со своей кровати.

— А как насчет твоей Библии? Ты бы позволил им забрать ее?

Эван постучал пальцем по старой фотографии маленькой девочки, стоявшей в изголовье кровати Карлоса.

— А вот это? Это ведь твоя дочь, верно?

Слова попали точно в цель. Карлос ничего не ответил, а просто протянул Эвану рулон скотча.

— Вот, держи. Хочешь сохранить бумажки, которые у тебя остались, тогда лучше склей их.

Кивнув, Эван взял у него скотч и начал приклеивать листы к потолку над кроватью. Тетрадные страницы, исписанные почерком семилетнего ребенка, сделали мрачную камеру немного уютнее.

Карлос первым нарушил тишину, сняв фотографию и показав ее Эвану.

— Моя маленькая Джина, — сказал он, и впервые Эван увидел на лице заключенного подобие улыбки. — Ты прав. Я бы убил любого, кто попробовал бы забрать ее у меня. Это все, что у меня осталось в память о ней.

www.NataHaus.ru

— Она хорошенькая. Она приходит навестить тебя?

Карлос покачал головой и поставил фото на место.

— Ей мать не позволяет. Я бомбил машины, понимаешь, но меня поймали. Три года схлопотал. Моя жена сказала мне, что не хочет, чтобы ее ребенок рос, зная, что отец в тюрьме. Она сказала ей, что я умер.

Эван почувствовал сочувствие.

— Сожалею, — сказал он. Карлос устало пожал плечами.

— По крайней мере, у меня есть Иисус. Иногда этого почти достаточно.

Эван избегал Карла и компанию остаток дня, до тех пор пока всех не выгнали на спортплощадку для вечерних упражнений. Эван постоянно держал группу сторонников идеи превосходства белых в поле зрения и старался не вздрагивать, когда его кто-нибудь задевал. Каждый мускул в его теле был напряжен в ожидании неизбежного нападения. Когда он проходил мимо них, из-за столба вышел Карл с одной из его тетрадей в руке. Он зачитал вслух отрывок из дневников, как телевизионный евангелист читает выдержку из Библии: «Сегодня я нашел свидетельство о смерти моего деда. Он умер в дурдоме, как и мой отец. Хоть мама и отрицает это, все же она боится, что я закончу как они». Рик зашелся смехом.

— Ну и придурок! — крикнул он вслед Эвану. — Эй, урод! Эй, псих!

К Рикуну присоединились остальные скинхеды, провожая Эвана куриным кудахтаньем.

Во дворе Эван нашел Карлоса и сел рядом с ним на бордюр. Несколько заключенных занимались со штангой и гантелями. Вокруг Карла снова собралась группа скинхедов, превосходящая по численности любую другую банду во дворе. Они холодно посматривали на Эвана.

Наблюдая за ними, Эван заметил, что Рик передал Карлу какой-то предмет с замотанной медицинским пластырем ручкой. Он посмотрел вокруг в надежде, что надзиратели заметят, но никто из них не обратил на это никакого внимания.

— У меня слишком мало времени, — подумал он вслух. — Этот лысый ублюдок воткнет мне перо в спину при первой же возможности.

— Тогда тебе придется научиться не спать по ночам, — сказал Карлос, докуривая сигарету.

Эван покачал головой.

— Мне надо подумать. Я могу изменить это. Я могу использовать те страницы, что у меня есть... Мне просто надо придумать, как именно.

Карлос удивленно посмотрел на него.

— О чем это ты? Твои тетрадки ни хрена не будут стоять, если тебя убьют, старик. Школьные дневники тебе не помогут выпутаться из дерьма, в которое ты влез с Братством, и если ты так не считаешь, то тогда ты настоящий псих, как они и говорят.

Он повернулся к Эвану спиной. Теперь к нему была обращена фигура распятого Христа, помещенная в центр коллажа из картин, изображающих адские мучения.

Эван вспоминал оставшиеся записи, которые можно было использовать, и подумал над словами Карлоса, сказанными ему в камере.

— Ты ведь религиозный человек. Ты веришь в то, что пути Господни неисповедимы, так?

Карлос докурил сигарету и отшвырнул окурки в сторону.

— Конечно.

— Я спросил потому, что, как мне кажется, Он послал меня в твою камеру не просто так. Мне кажется, что Господь хочет, чтобы ты мне помог.

Карлос покачал головой.

— Черт, я знал, что ты ненормальный.

— Я не вру, — сказал Эван, наклонившись к нему поближе. — Иисус говорит со мной в моих снах.

— Ага. Конечно, — усмехнулся Карлос.

— Спорю на пачку сигарет, что смогу доказать это.

Что-то в голосе Эвана заставило Карлоса согласиться. Он был заинтригован.

Глава девятнадцатая

Эван наблюдал за выражением глаз Карлоса, когда объяснял ему, как именно происходят затмения его памяти. Он жестикулировал, рассказывая о местах и событиях, но чем больше он говорил, тем меньше понимал его Карлос. Эван остановился и оторвал от потолка один из листов, сжав его в кулаке. Карлос был наиболее вероятным его союзником во всей тюрьме, и если сбить его с толку, то тогда можно потерять все.

— Смотри, когда я это делаю, то попадаю в состояние транса или что-то вроде этого. Ну, типа как люди в церкви, понимаешь?

Карлос медленно кивнул.

— Как экстаз.

Он все еще не был убежден, и только пачка сигарет поддерживала его интерес.

— В общем, когда я буду в отключке, я хочу, чтобы ты внимательно следил за моими руками и лицом.

Сосед внимательно посмотрел на него.

— Знаешь, что я думаю? Мне кажется, тебе нужно провериться у тюремного психиатра, старик.

Эван сердито на него посмотрел. Было ясно, что Карлос поверит только тогда, когда увидит все своими глазами.

Оба замолчали, когда мимо открытой двери их камеры проехала тележка с почтой, которую, к удивлению Эвана, толкал его знакомый. Змей.

— Эй, — позвал он его с надеждой в голосе. — Есть что-нибудь сегодня?

Если его мать все-таки смогла добыть остальные дневники, тогда ему не нужно будет принуждать Карлоса к сотрудничеству. Но Змей разрушил эту надежду с улыбкой:

— Есть. Только не для тебя.

Эван не стал скрывать своего разочарования и снова повернулся к Карлосу, зажав листок в кулаке.

— Слушай, ты не мог бы прикрыть меня, пока я... Я не хотел бы, чтобы Карл перерезал мне глотку, когда я буду без сознания.

Заклоченный помедлил с ответом, и Эван постучал по карману, в котором лежала нераспечатанная пачка сигарет.

— Да ладно тебе. Что ты теряешь-то?

— Ладно. Что мне нужно делать? Эван прислонился к стене и разгладил лист.

— Просто смотри, и если со мной произойдет что-нибудь странное, расскажешь мне потом.

— Более странное, чем сейчас? — спросил Карлос, с сомнением его разглядывая.

— Возможно, на моем теле что-нибудь появится. Например, отметины, шрамы, ну я не знаю, что-нибудь. Все что угодно. Готов?

— Ну давай, — Карлос сложил руки на груди. — Иди поговори с Иисусом.

Эван сглотнул и изучил страницу, читая про себя слова, написанные прилежной детской рукой: «В среду у меня были неприятности из-за рисунка, который я не рисовал. Мама не дает мне его посмотреть».

Это пришло сразу, легко и свободно. Ощущение давления в черепе, резонирующее во всем теле. Все вокруг начало расплываться, и он увидел, как исчезают, деформируясь, прутья решетки. Карлос с беспокойством смотрел на Эвана, но и лицо испанца уплыло из поля зрения. Эван слышал детские голоса, которые становились все ближе и ближе, наполняя его чувства, в то время как сознание, отделившись от тела, пулей пролетело назад сквозь годы. Камера вокруг него дрожала...

А потом это ушло, словно мираж.

Голова Эвана дернулась, как у сломанной куклы, и он стряхнул с себя оцепенение,

которое случилось с ним после перехода. Он моргнул, поднял руки к лицу и пошевелил маленькими пухлыми пальчиками.

— Я здесь! — сказал он вслух. Его тело было странно слабым и маленьким.

— Я тоже, — услышал Эван детский голос и повернулся посмотреть, кому он принадлежит.

За соседним столом сидела Кейли и улыбалась ему. Он огляделся. Класс был именно таким, каким он его и запомнил. Галдящие дети были заняты работой над приложениями. Некоторые из них что-то клеили, другие посыпали блестками поверхности, смазанные мокрой пастой. Он посмотрел на лежащий перед ним чистый лист, на котором внизу было написано: «Эван Треборн, 7 лет».

— А... что мы рисуем? — спросил он непривычно тонким голосом.

Кейли ответила, не отрываясь от своего рисунка:

— Мы должны нарисовать, кем мы будем, когда вырастем.

Эван кивнул и снова посмотрел на лист бумаги, думая о том, как бы использовать свое путешествие в прошлое, чтобы оно могло пригодиться ему в будущем.

Сначала он хотел написать записку о том, что произойдет с ним через тринадцать лет, но тут же отбросил эту затею. Как будто кто-нибудь воспримет всерьез каракули семилетнего мальчишки...

Мимо него прошла учительница, приподняв бровь при виде чистого листа, но ничего не сказала. Эван посмотрел ей вслед. Босуэлл. Так ее зовут. Миссис Босуэлл. Она никогда ему не нравилась в детстве, но сейчас он смотрел на нее глазами взрослого и подумал, что на самом деле она очень даже ничего.

Черным мелком он провел несколько прямых линий, затем отложил его в сторону.

Эван потянулся за коробкой с цветными карандашами, но какой-то мальчик вырвал ее у него из рук.

— Я ими рисую! — сказал мальчик.

— Томми? — удивленно спросил Эван.

— Что? — прошипел Томми Миллер, вызывающе посмотрев на него. — Найди свои карандаши, Эван!

Сердце Эвана подскочило, и в животе у него все перевернулось.

Томми рассыпал карандаши по столу и принялся рисовать, останавливаясь лишь затем, чтобы толкнуть локтем Ленни Кэгана.

— Что ты на меня уставился?

— Ни-ничего, — сказал Эван, едва оторвав от него взгляд.

— Если ты у меня срисуешь, получишь по морде! — пригрозил Томми.

Эван встал и отошел от стола. Его мысли крутились водоворотом. Должно же здесь быть что-то, что могло повлиять на его будущее. Он потряс головой. Ему было непросто держать голову ясной после всех этих переходов во времени и пространстве. Он бросил взгляд на учительский стол и увидел пару наколок для бумаг. Их острые шипы грозно торчали вверх, и на них были нанизаны карточки с заданиями и прочая бумажная ерунда.

Эван вспомнил о шраме, который появился у него от ожога сигаретой, и изучил сверкающие шипы наколок с серьезным намерением. Его маленькие руки потянулись к учительскому столу.

Вдруг чья-то рука схватила его за плечо.

— Не отлынивай, Эван, — сказала миссис Босуэлл. — Сядь спокойно и закончи рисунок.

Мягко, хотя и достаточно сильно, учительница развернула его и подтолкнула к столу. Понимая, что потерпел поражение, Эван решил не спорить, чтобы не потерять малейшего шанса изменить будущее.

Миссис Босуэлл дала ему новую коробку карандашей, и Эван вытянул один наугад. Он оказался одного цвета с униформой заключенных — темно-синим.

— Еще раз повторяю для всех! — сказала миссис Босуэлл. — Рисуйте все, что вам

приходит в голову. Все, чем вы хотели бы заниматься, когда вырастете.

Эван покрутил карандаш в руках и, подчиняясь внезапной вспышке озарения, начал рисовать. Хотите увидеть мое будущее? Я покажу вам, какое будущее мне по душе.

На бумаге начал появляться злой и бескомпромиссный образ, выражающий всю ту ненависть и злобу, которая поднялась в Эване с самого первого дня пребывания в тюрьме. Он рисовал Карла и Рика и всю остальную банду скинов окровавленными трупами со вспоротыми животами, поверженными фигурой мстителя — его, Эвана, фигурой. Закончив, он изучил рисунок с холодной довольной улыбкой. Если бы только это могло быть правдой...

Схватив рисунок, Эван тихо подошел к учительскому столу, застав миссис Босуэлл врасплох.

— О, Эван, — моргнула она. — Ты уже закончил?

Она взяла у него рисунок и, увидев его, побледнела от ужаса.

Встав на носочки, Эван вытянулся во весь свой рост семилетнего ребенка и наклонился к столу, на котором стояли металлические наколки.

Сжав зубы, он певуче позвал:

— Миссис Боосуууэээлл?

Пораженная, она встретилась с ним глазами как раз в тот момент, когда он поднял ладони и с силой опустил их на два острых металлических шипа.

— Нет! — взвизгнула она.

На миллисекунду Эван ощутил вспышку резкой боли, а затем в его глазах все стало белым...

Эван захлебнулся, как вынырнувший на поверхность пловец, и дернулся вперед, с тупым звоном ударившись головой о верхний ярус. Детские крики улетучились, как последние остатки сна, ускользающие в трещины пробуждения. Он начал понимать, где находится. Он все еще был в камере и все еще в плену у мрачного настоящего. Карлос смотрел на него с благоговением. Заключение перекрестился.

— Господь Всемогущий! — выдохнул он. — Это правда... Ты не лгал мне, это чудо! Истинное чудо!

Эван заморгал, когда наконец прошел шок.

— Что? Что такое?

— Твои руки! — Карлос взял его ладони и повернул их. — У тебя стигматы!

В центре каждой ладони Эвана был круглый шрам. Он снова повернул их. На обратной стороне рук были точно такие же шрамы, где шипы пронзили руки насквозь.

— Что ты видел? — спросил Эван. — На что это было похоже?

Карлос засмеялся.

— Это было потрясающе, старик! Знаки Божии просто появились из ниоткуда! — Он покачал головой. — Я думал, ты просто юсо, но это правда! Господь действительно говорит с тобой!

Эвану было немного стыдно оттого, что он обманывал глубокие религиозные чувства своего соседа по камере, но он прекрасно понимал, что без помощи Карлоса шансы на выживание в тюрьме «Мэвис» для него практически равны нулю.

— Так ты мне теперь веришь?

— Аминь, — ответил заключенный и протянул ему пачку сигарет.

Эван отказался.

— Оставь их себе. Они тебе понадобятся, если ты решил все же мне помочь.

Карл с серьезным видом кивнул.

— Все что хочешь, парень. Если Иисус действует через тебя, то я сделаю все, что ты скажешь.

Меньше всего члены Братства ожидали увидеть Эвана. Уже несколько часов они строили планы насчет него, веселились, представляя, как он будет валяться в луже крови, избитый до полусмерти, если ему, конечно, повезет. Некоторое время Карл развлекал их,

зачитывая наугад пассажи из украденных дневников, но через некоторое время им это стало надоедать. Скинхедам хотелось крови, особенно Рикю, который представлял, как он вырежет свое имя на мягком животе Эвана за то, что тот осмелился выступить против него.

Когда Эван хотел зайти к ним в камеру, один из скинхов сплюнул ему под ноги и преградил дорогу.

— Чего хочешь, сучка?

— Хочу заключить сделку, — нервно ответил Эван.

— Неужели? — хмыкнул скинхед. Он повернул голову и посмотрел на Карлоса, моющего неподалеку пол. — Что, тебе надоел хер этого латиноса?

Команда арийцев, смеясь, окружила Эвана, с готовностью наброситься на него со всех сторон. Один из скинхедов вопросительно досмотрел на Карла, который наблюдал за происходящим из камеры. Главарь Братства усмехнулся и кивнул.

— Пропустите мясцо внутрь. Мы с ним подружимся.

Скинхеды расступились, и Эван шагнул в камеру, борясь с желанием развернуться и убежать прочь.

Карл делил камеру с Риком, и она была идентичной той, в которой сидел Эван; только вместо святых ликов на стенах были развешаны картинки из порнографических журналов и вырезки неонацистских публикаций. На самом видном месте висела репродукция плаката времен Второй мировой войны, призывающего пополнить ряды эсэсовцев, а рядом находилась полка, на которой Эван увидел свои Дневники. Два зэка наблюдали за каждым его Шагом с хищническими улыбками, смакуя его страх.

Эван заломил руки.

— Слушайте, я здесь новенький, но я примерно понял, как тут все устроено. Тебе надо примкнуть к какой-нибудь банде, или ты труп, верно?

Карл ничего не ответил, позволяя Эвану продолжать.

— Я тоже хочу быть в банде и уж точно не с ниггерами или латиносами.

Едва с его губ слетели эти расистские слова, как интерес скинхедов к нему возрос.

— Неужели? — холодно сказал Карл. — А как насчет твоего приятеля — религиозного придурка? — он ткнул пальцем в сторону Карлоса, который мыл пол у входа в камеру.

— Пошел он, — сплюнул Эван. — Я не хочу делить камеру с этим мусором.

Он поколебался.

— Так как все это происходит? Я знаю, что надо пробиваться наверх, а я тут новенький... — Он неуверенно кашлянул. — Так это... я, типа, должен отсосать вам всем или как?

Зэки обменялись понимающими взглядами.

— Твоя кровь чиста? — спросил Карл. — Ты ариец?

— Я не какой-то сраный жид, если ты об этом, — возмущенно ответил Эван.

Это был явно тот ответ, которого они ожидали, хотя каждое из этих расистских слов оставило горький привкус у Эвана во рту. Скинхеды встали, заполнив собой тесное пространство камеры.

— Ну, давай посмотрим, что у тебя есть, — улыбнулся Рик. — И аккуратнее с зубами, не то уйдешь без них.

Сделав несчастное лицо, Эван неохотно опустился на колени, а Карл и Рик расстегнули ширинки и спустили штаны до колен. Эван медлил. Посмотрев через плечо, он увидел взгляд Карлоса.

— Чего ты ждешь, сучка? — прикрикнул на него Карл. — Давай приступай!

Неожиданно Карлос отбросил в сторону швабру и влетел в открытую дверь камеры. Он припечатал Карла к стене, и скинхед завопил, когда испанец воткнул заточку ему в пах. Рик дернулся в сторону Карлоса, но ему помешали спущенные штаны, и он едва удержался на ногах. Эван был наготове и помог ему упасть, врезав изо всех сил Ногой в лицо.

— Карлос! — закричал Эван. Все произошло за пару секунд, но остальные члены Братства уже накинулись на них. Сосед Эвана отбросил обмякшего Карла в сторону и

широкой грудью загородил проход в камеру другим скинхедам.

— Скорее, приятель! — крикнул Карлос, принимая на себя пинки и удары рычащих от злости арийцев.

Эван схватил тетради и лихорадочно начал их листать, отчаянно пытаясь найти то, что ему было нужно.

— Ты... ты, кусок говна! — прохрипел Карл. — Вы оба трупы!

Есть! Эван проигнорировал слова зэка и нашел наконец подходящую запись. Он не был уверен, что на этот раз у него получится, потому что раньше он совершал переход в тишине и покое. Если ничего не выйдет, то скинхеды порежут его и Карлоса, выбросив тела, чтобы их потом нашли охранники. У него не было выбора.

Он начал читать вслух так быстро, как мог:

— «Мы шли, прячась за кустами, чтобы случайно не наткнуться на Томми. Дыма мы еще не видели...»

Буквы на странице начали искажаться и сливаться, словно он смотрел на них сквозь мокрое стекло. Снова Эван почувствовал давление на глаза изнутри черепа. Возбужденные крики скинхедов смешивались с пронзительными животными визгами в невероятную какофонию. Эван слышал, как в его сознание врывается дрожащее эхо новых звуков, в то время как камера превращается в лихорадочно дрожащее пятно.

Все снова сместилось.

Эван запнулся о торчащий из земли корень и едва не упал, но удержался и, выпрямившись, огляделся вокруг. Яркое солнце на мгновение ослепило его.

На его лице заиграла улыбка. Он сделал это.

— Чтоб вы в аду сгнили, ебанные животные, — зло сказал он.

Шедшие за ним Кейли и Ленни остановились как вкопанные, услышав такой неожиданный комментарий.

— Что ты только что сказал? — переспросила Кейли, смущенная этой внезапной вспышкой.

Эван снова огляделся, пытаясь понять, где он и что с ним происходит.

Ему снова было тринадцать лет, и они были в лесу за домом Кэганов.

— Ничего, — ответил он ей. — Просто валяю дурака.

Несмотря на то, что ее не слишком убедил этот ответ, Кейли решила благоразумно промолчать.

— Так, э, куда мы идем-то? — спросил Ленни монотонным голосом. — Мне нельзя так далеко.

Эван задумался. Через несколько секунд он приведет друзей к тому, что еще раз изменит их будущее, и этот случай оставит в душах всех троих шрамы на всю жизнь. Имеет ли он право менять их личные судьбы вместе со своей? Одна из попыток исправить все к лучшему уже привела его к убийству и чуть было не стала причиной его смерти в тюрьме, и у него не было гарантий, что на этот раз все будет правильно. Но если он ничего не сделает, то будущее его догонит, и он уже не сможет ничего изменить.

Эван поднял руку, жестом остановив идущих за ним друзей.

— Подождите. Прежде чем мы пойдем дальше...

— В чем дело, Эван? — спросила Кейли. Принюхавшись, он уловил слабый запах гари и услышал отдаленные повизгивания испуганного животного.

Глава двадцатая

Легкий бриз донес до Кейли собачий визг, и она указала куда-то пальцем.

— Смотрите! Вы видите?

Эвану не нужно было смотреть туда, поскольку воспоминание тут же всплыло в его сознании, но он все же повернул голову в ту сторону. Ленни обернулся, непонимающе открыв рот. Конечно же, там, у железной дороги, находилась старая свалка, где Томми

готовился убить беззащитное животное.

— Мы должны...

Впервые после перемещения Эван обратил внимание на Кейли. Он засомневался: она изменилась. Он помнил прежнюю Кейли как неуклюжую девчонку-сорванца в мешковатых платьях, с растрепанными волосами и потупленным взглядом. Девочка, которая стояла перед ним сейчас, была другой. Яркая и женственная, почти девушка, в красивом платье.

— Ты потрясающе выглядишь... — пробормотал он, забывшись на минуту.

До них снова донесся собачий визг, и Эван опомнился. К нему вернулось понимание того, зачем он здесь. Он посмотрел вокруг и увидел кучу мусора.

— Мне нужно кое-что сделать!

Обеспокоенная Кейли позвала его:

— Что происходит, Эван? Может, нам стоит позвонить пожарным или...

— Нет! — перебил он ее. — Мы должны сделать это сами!

Он начал рыться в куче мусора, отбрасывая в сторону доски, старые газеты и тряпки.

Озадаченные Кейли и Ленни с беспокойством наблюдали за Эваном.

— Нам понадобится что-нибудь, чтобы разрезать мешок!

— Мешок? — пробормотал Ленни. — О каком мешке он говорит?

Рука Эвана наткнулась на что-то острое, и он вытащил из кучи мусора изогнутую железку. Это был широкий плоский предмет, острый, похожий на лезвие. Эван удовлетворенно кивнул. Пойдет.

— Эван, ты пугаешь меня... — сказала Кейли, но Эван проигнорировал ее замечание и протянул железку Ленни.

— Я хочу, чтобы ты взял это, Ленни. Поверь мне.

Ленни посмотрел на железку, потемнев лицом.

— Я... мне нельзя быть здесь...

— Послушай меня, — надавил на него Эван. — Сегодня твой день искупления. Я знаю, что ты чувствуешь себя виноватым за ту женщину и ее ребенка...

— Эван, остановись! — перебила его Кейли. — Не мучай его! Сейчас не время...

— Сейчас именно то самое время! — ответил он ей с напором в голосе. — Ленни, сегодня твой шанс искупить свою вину и сделать все правильно. Ты можешь начать все с чистого листа...

Лицо Ленни выражало смущение.

— Э? О чем это ты? Я не понимаю...

— Ты ведешь себя как сумасшедший! — чуть не плакала Кейли.

В голосе Эвана появились нотки отчаяния.

— Пожалуйста, Ленни. Если ты верил Мне раньше, то поверь и сейчас.

Он сунул железку в руки подростка.

— Перережь веревку.

Ленни нервно кивнул и прижал металлическую штуку к груди.

Эван виновато посмотрел на Кейли. На ее лице было написано смятение и беспокойство.

— Пошли, у нас мало времени.

Он побежал, и, поколебавшись, Кейли и Ленни последовали за ним к дыре в проволочном ограждении.

События происходили так быстро, что Эван едва поспевал за ними. Они увидели Томми, стоявшего у костра, который он развел рядом с автомобильным прессом. В воздухе висел запах дыма и бензина. Увидев их, Томми сплюнул и прорычал:

— Ты! Я еще не закончил!

Пес заскулил, и взгляд Эвана уткнулся в шевелившийся рюкзак.

— Крокет! Ты, сукин сын, что ты делаешь с моей собакой?

Томми вылил бензин на рюкзак и бросился на Эвана с палкой, но на этот раз Эвану не понадобилось предупреждение Ленни, и он пригнулся, уворачиваясь.

www.NataHaus.ru

— Кейли... — крикнул Эван, но опоздал на секунду, и Томми ударил сестру. Это привело его в ярость. — Посмотри, что я из-за тебя сделал!

Эван поднял руку, останавливая его.

— Да что с тобой?

Томми снова пошел на Эвана, сбив того с ног. От боли в глазах Эвана зарябило. Он развернулся в сторону Ленни, но того не было видно.

Эван окликнул Кейли, но она лежала в грязи, не подавая признаков жизни.

— Кейли! Очнись! Пожалуйста, очнись!

— Почему бы тебе не поцеловать ее, прекрасный принц! — крикнул Томми, подлив в костер бензина. Подросток схватил палку свободной рукой и нанес еще один удар. Голова Эвана откинулась назад, и он почувствовал, как кровь заливает ему лицо.

Не давая ему прийти в себя, Томми начал пинать его по ребрам и в живот. Эван закашлялся и сплюнул кровавый комок.

Над ним возвышался Томми.

— Слушай меня внимательно, Эван... «В этом мире миллион других сестер. Не надо было тебе связываться с моей!»

Эван услышал эти слова еще до того, как Томми их произнес. Он хрипло выдохнул:

— Подожди, Томми. Просто выслушай ~ Меня. Я сделаю все, что ты скажешь.

Перевернувшись, Эван пригвоздил противника твердым взглядом.

— Если ты хочешь, чтобы я никогда не встречался с твоей сестрой, я не буду. Просто отпусти Крокета.

Томми дрогнул: он не ожидал такого ответа, и это застало его врасплох.

— Кроме того, — продолжал Эван, — если ты убьешь Крокета, то тебя отправят в колонию для несовершеннолетних. Ты проторчишь там до тех пор, пока тебе не исполнится двадцать.

Он высматривал в глазах Томми понимание и, к своему удивлению, нашел его.

— Тебе это не нужно. Я знаю, что ты не оставишь сестру со своим отцом. Ты просто хочешь ее защитить.

Слова Эвана, как ни странно, достигли цели, и лицо Томми смягчилось. Эван увидел отблески настоящей благодарности на лице своего противника.

— Я...

Томми упал на колени рядом с мешком и начал развязывать веревку, но внезапно воздух разрезал вопль ненависти. Эван повернулся и увидел выскочившего из-за старого «Фольксвагена» Ленни, размахивающего острой железкой, как коротким мечом. Томми удивленно поднял глаза, следя за тем, как самодельное лезвие опускается на него.

— Ленни! — прокричал Эван, но, ослепленный яростью, подросток не слышал его. Со всего разбега он упал на Томми и воткнул лезвие в мягкую кожу на его шее. Томми не кричал. Из его горла вырвалась ярко-красная струя крови, и он захлебнулся. Схватившись за железку, торчавшую из шеи, он хрипел и булькал.

— Твою мать, Ленни, нет! — Эван почувствовал, что его затошнило от ужаса, когда он увидел, как Томми завалился на бок. Ленни опустил на траву, вытирая о землю окровавленные руки. Его глаза были черными и пустыми.

Эван попытался встать на ноги, но они его не слушались. Рядом с ним зашевелилась и начала подниматься Кейли.

— Томми? — в этом единственном слове смешались потрясение, ужас и паника.

Кровь выходила из раны в горле Томми медленными толчками, и при виде этого Кейли издала душераздирающий, истеричный визг. Боковым зрением Эван заметил, как из мешка вылезла собака и в страхе помчалась прочь, но он не мог оторвать взгляда от измазанного кровью Ленни, сидевшего и смотревшего на дело рук своих пустыми глазами на абсолютно лишенном каких-либо эмоций лице. Глядя на его темный подрагивающий силуэт, выделявшийся на фоне голубого неба, Эван почувствовал, что снова отключается...

Шок от пробуждения был похож на ощущение, будто через тело пропустили сильный

электрический разряд. Руки и ноги Эвана дергались в судорогах, сбивая в кучу простыни на кровати, в которой он лежал. В одно мгновение он понял, что находится в комнате, которую делил с Тампером, но почему-то они поменялись кроватями, а затем его мозг пронзила смертельная боль. Эван застонал и сжал руками виски, словно это могло облегчить его страдания.

Как и раньше, когда он пытался изменить ход событий, вернувшись в подвал Миллс ров, последовавший шок атаковал его потоком сталкивающихся образов, штурмующих память, и воспоминания пересекались и соединялись. В тот раз это было ужасно, но сейчас было в десять раз хуже.

— О Господи, помоги мне! — прокричал он, едва слыша свой голос, будто он сам находился в миллионе миль отсюда.

Великолепная и прекрасная Кейли, лежащая рядом с ним... Ее розовая комната в женском общежитии... Флиртующая Гвен... Свежий яблочный аромат любимых духов Кейли...

Воспоминания разноцветными пузырьками поднимались на поверхность его сознания, пребывали там мгновение, потом бледнели и исчезали. Он отчаянно пытался удержать их, но они съеживались, становясь лишь едва различимыми призраками.

Та чудесная ночь на крыше общежития с разноцветными гирляндами огоньков и фонариков... Волшебна красивая Кейли... Внезапный страх при виде разбитой машины... Угрозы озверевшего Томми...

Как старые, выцветшие на солнце фотографии, воспоминания разваливались, распадались на фрагменты.

Тюремные татуировки Карлоса, его внимательный взгляд... Давящие серые стены и Колочая проволока на заборе вокруг тюрьмы... Ненавидящие глаза Карла... Кровожадные улыбочки Рика и остальных скинхедов...

Когда на место исчезающих воспоминаний стали приходить другие, Эван почувствовал новый приступ головокружения.

Ухмыляясь, Тампер берет у него учебник... Они вдвоем пьют пиво в комнате общежития... Знакомятся с девушками, студентками колледжа...

А затем, из самого центра урагана образов, пришло еще одно очень яркое воспоминание, которое раскаленным клеймом впечаталось в его сознание.

Безжизненные и бездушные глаза Ленни... Обмякшего и безвольного, его запикивают в смирительную рубашку... Он сидит в углу комнаты с мягкими стенами, глядя на всех глазами глубоководного хищника...

Все тело Эвана охватили конвульсивные спазмы, и он скорчился на мокрых от пота простынях. Глаза его закатились, обнаружив красные прожилки на белках.

— Чувак, я пиво принес... — сказал вошедший в комнату Тампер, но слова застряли у него в глотке, когда он увидел дергающееся в конвульсиях тело Эвана. Бумажный пакет с банками пива выпал у него из рук, и он попятился в ужасе. — Ни хрена себе!

Тампер обшарил взглядом коридор в поисках кого-нибудь и увидел одного из лабораторных ботаников, который пытался попасть ключом в замок.

— Эй ты! — заорал Тампер. — Быстро звони девять-один-один!

Эван попытался что-то сказать, но из его горла вырывался только неразборчивый хрип.

Тампер подошел к кровати и, поддерживая ему голову, стал вытирать кровь, хлеставшую из носа Эвана, старым полотенцем.

— Эй, старина, да что же такое с тобой случилось-то?

— Тххх-тпфххх...

— Спокойно, Эв, — сказал Тампер, изо всех сил стараясь подавить панику. — Просто успокойся, чувак. Тампер с тобой, парень. С тобой все будет в порядке. Подмога уже в пути.

Он обернулся и проорал:

— Эй! Где эта блядская «скорая»?!

></emphasis>

Когда Эвана доставили в клинику Саннивейла, он уже пришел в себя и требовал, чтобы его отправили обратно, убеждая врачей в том, что он в полном порядке, однако было слишком поздно. Когда его везли на каталке, он увидел, что его мать уже была здесь и встревожено говорила о чем-то с доктором Редфилдом.

Андреа бежала рядом с каталкой, пока санитары не закатили Эвана в один из кабинетов диагностики. Ее глаза блестели от слез.

— О Эван, как ты себя чувствуешь? Он бодро улыбнулся.

— Со мной все в порядке, мам. Просто кровь из носа пошла, и все. Наверное, переутомление.

Она не поверила ни единому его слову, но улыбнулась в ответ и сжала его руку.

— Доктор сказал, что обследует тебя на предмет травмы головы.

— Это всего лишь томографическое сканирование, — раздался из-за ее спины голос Редфилда.

Эван усмехнулся.

— О да. Миссия на Марс.

— Попытайся расслабиться, сынок. Мы быстро закончим. — Редфилд выглядел усталым и помятым: годы давали о себе знать.

Эвана положили на кушетку под массивным механизмом сканера, и кушетку втянуло внутрь машины. Прибор заработал, выискивая недостатки и повреждения в мозге пациента.

Когда обследование было закончено, медсестра пересадила Эвана в кресло-каталку и повезла по коридору, не обращая внимания на его протесты. Некоторое время он молчал, затем, посмотрев на нее, спросил:

— Эй, а вы все еще присматриваете за людьми с психическими заболеваниями?

Она кивнула.

— Это в другом крыле. У нас их немало.

— А вы... — он поколебался. — А у вас есть люди, которые, ну, типа, психи? Я имею в виду опасных психопатов.

Сестра нахмурилась.

— Мы их так не называем. Эти люди больны, и они не преступники. Они не понимают, что делают.

— Но вы за ними присматриваете, так? — нажал он.

Она вздохнула.

— Да.

Они завернули за угол, и она кивнула в сторону тяжелой железной двери с окошком из толстого стекла.

— У нас здесь помещение, где содержатся пациенты с, высокой, э, степенью риска.

Эван принял это к сведению и замолчал. Сестра открыла дверь кабинета доктора Редфилда и завезла каталку внутрь. Мать с беспокойством смотрела на Эвана, сидя на стуле у рабочего стола доктора.

— Спасибо, Джоанна. Дальше я сам им займусь.

Когда сестра ушла, Редфилд повернул монитор, чтобы Эвану было видно то, что он показывал его матери. На экране была овальная секция его мозга, напомнившая Эвану фотографию коралла из научно-популярного журнала «Нэшнл Джеографик».

— О'кей, док, — весело сказал он. — Каковы повреждения? Сколько мне осталось?

— Очень мило, Эван, — ответила ему мать. По ее голосу было件нятно, что на самом деле она так не считает.

Доктор слабо улыбнулся.

— Э, могу сказать точно, что ты не умираешь... Но все не так просто.

Он постучал по экрану карандашом.

— Таких результатов я прежде не видел. Честно говоря, я сначала подумал, что сканер был плохо настроен, хотя проверка не выявила никаких проблем с техникой. Это что-то

новенькое.

— Вы уверены? — посерьезнел Эван. — Даже по сравнению с моим отцом? Андреа и Редфилд переглянулись.

— Вообще-то, такого рода тесты не были доступны двадцать лет назад, когда он поступил к нам.

— Так что вы там обнаружили? — спросила Андреа.

Доктор воспользовался карандашом как указкой.

— Вот здесь мы обнаружили необычную травму — кровоизлияние на внешней стороне коры головного мозга.

— И что это значит?

— Дайте-ка угадаю, — вмешался Эван, прежде чем Редфилд смог ответить. — Не является ли это место ответственным за память?

— Именно так.

Доктор заворожено смотрел на экран.

— Я должен признать, что никогда не встречал ничего подобного.

Он нажал несколько клавиш, и рядом с изображением на экране появилось еще одно, практически идентичное первому.

— Это снимок, сделанный в прошлом году...

— В прошлом году? — удивился Эван.

Редфилд искоса на него посмотрел.

— Да. После той аварии.

— О да. Точно. Конечно, — кивнул Эван. Странно было слышать о том, что с ним случилось и чего с ним не случилось.

Доктор продолжил:

— Я сравнил ваш сегодняшний снимок со снимком прошлогодним и обнаружил следы нескольких обширных кровоизлияний и серьезную нейронную перестройку.

Андреа пыталась понять, о чем говорит Редфилд. Эван чувствовал нервную энергию, плясавшую на кончиках пальцев, и выпустил ее, направив на раскачивание инвалидного кресла.

— Перестройка? — переспросила Андреа. Редфилд кивнул.

— Да. Иногда это можно наблюдать у перенесших черепно-мозговую травму. Например, у тех, кому стреляли в голову. Иногда они теряют часть мозговых функций, но вещество самовосстанавливается, и они поправляются. Как если подключить электронную схему напрямую, минуя сгоревший предохранитель.

— Но что это значит в случае с Эваном?

— Это значит, что за последний год в мой мозг впихнули новую память, вмещавшую около сорока лет, — вмешался Эван. — Перегрузка. Я правильно уловил суть, док?

Доктор медленно кивнул, удивившись столь простому объяснению результатов сканирования.

— Полагаю, что так...

Эван встал с кресла.

— Мам, ты не будешь возражать, если я подожду тебя в машине? От этого света у меня болят глаза.

Она кивнула и отдала ему ключи от машины.

— Хорошо. Я приду через пару минут. Он пожал доктору Редфилду руку и улыбнулся.

— Что ж, приятно было снова увидеться, но знаете, у меня есть дела поважнее...

Андреа посмотрела на доктора извиняющимся взглядом, а Эван, выходя, столкнулся с вешалкой и уронил на пол пиджак доктора.

— Упс! Извините.

Он с сокрушенным видом пожал плечами и повесил пиджак обратно, после чего вышел, закрыв за собой дверь.

В коридоре Эван довольно улыбнулся, изучая связку ключей и смарт-карту, которые он

вытащил из пиджака. Он осторожно обогнул угол коридора и направился к железной двери.

Глава двадцать первая

Эван шел по лабиринтам коридоров клиники Саннивейла. Он старался не встречаться ни с кем глазами и выглядеть так, будто имел все права находиться здесь.

Дойдя до железной двери, он сунул смарт-карту в щель сканера и подождал, пока красный огонек не сменится зеленым. Оказавшись внутри, он оглянулся, чтобы посмотреть, не заметил ли кто-нибудь его вторжения. Пока все было спокойно.

Он сунул карточку в карман и, достав связку ключей, на ходу искал подходящий Коридор был смутно знакомым Эвану: не по нему ли он шел мальчишкой на встречу со своим отцом? Трудно было сказать наверняка. Многие помещения были перепланированы с тех пор, и возможно, что клиника изменилась благодаря его переходам.

Эван дошел до пустующего поста сестры, перегнулся через стойку и увидел список пациентов. Ему сразу бросилось в глаза имя: «Кэган, Леонард». Он двигался из комнаты в комнату, заглядывая в маленькие окошки для раздачи таблеток в поисках своего друга. Некоторые из палат были пусты, но в некоторых были люди, сидевшие на полу, уставившиеся куда-то в пространство или свернувшиеся в углу клубком. Один из мужчин посмотрел прямо ему в глаза. Он был худ и оборван, будто старая тряпичная кукла. Сердце Эвана пропустило удар, когда он понял, что знает его; он видел этого пациента прежде, тринадцать лет назад. Эван услышал женский голос и понял, что медсестра совершала обход. У него было мало времени, и он продолжил поиски.

Он нашел Ленни в следующей палате. Эван попытался открыть дверь, пробуя ключи один за другим третий ключ подошел. Войдя внутрь и прижавшись к стене, Эван подождал, пока медсестра пройдет мимо дальше по коридору, и только после этого смог оглядеться вокруг.

Как и большинство палат клиники, комната была запущенной. Краска на стенах облупилась, было понятно, что ремонт здесь не делался с пятидесятих годов. На единственном окне было прочное непрозрачное стекло с решеткой из металлических прутьев, а из мебели в палате была только железная кровать, на которой лежал Ленни в бесформенной пижаме. Он выглядел исхудавшим и изможденным, словно это место высасывало из него жизнь. Эван осторожно шагнул к нему.

— Э... Эй, Ленни. Это я, Эван.

Он не услышал ответа, и на какой-то момент Эвану показалось, что Ленни спит или что его накачали лекарствами до бессознательного состояния. Только грудь больного двигалась медленно вверх-вниз в ровном ритме. Эван заметил, что его запястья и лодыжки были привязаны кожаными ремнями к металлическим кольцам, приваренным к краям кровати. Зачем они это сделали? Каким человеком стал Ленни?

Эван почувствовал, как в груди у него екнуло. На лице Ленни выросла неопрятная черная щетина, а на губах было подобие ухмылки. Его физиономия была зловещей и мрачной, глаза — холодными и немигающими.

Глядя на привязанного к кровати человека, эту молчаливую фигуру, которая, казалось, излучала ненависть и желание убивать, Эван подумал о прежнем Ленни — том маленьком несчастном Ленни, которого вечно Доставал Томми — и не нашел ничего общего между этими людьми.

Он внутренне поежился и снова заговорил:

— Тебе что-нибудь нужно? Может, я мог бы тебе что-нибудь принести?

Ленни молчал. Секретный визит Эвана не вызвал у него ни удивления, ни раздражения, будто его абсолютно не волновало происходящее. Он просто лежал и смотрел перед собой, тихо дыша.

Эван указал на высокий потолок над головой.

— Эй, а как насчет авиамodelей, дружище? Твои самолеты? Уверен, ты мог бы весь

потолок завешать ими.

Он немного подождал, но Ленни никак не отреагировал ни на его присутствие, ни на его слова.

Эван слегка смутился. Он не знал, чего ему здесь ожидать, но когда память услужливо подсунула образ увозимого в клинику Ленни, Эван сам захотел удостовериться в том, что это воспоминание не было галлюцинацией или порождением его собственного сознания.

С тяжелым сердцем он повернулся к двери, чтобы уйти. Здесь не было ничего, кроме живого напоминания о его собственном провале в памяти.

— О'кей, Ленни, — вздохнул он. — Я просто зашел сказать «привет». Счастливо.

Его пальцы уже коснулись дверной ручки, когда Ленни заговорил:

— Ты знал.

Эван резко повернулся. Голос, который он услышал, был холодным и отстраненным.

— Ленни?

— Ты знал с самого начала, да? — Это было обвинением, полным ненависти и неистовства. — Когда ты вложил мне в руку лезвие, ты уже знал, что должно произойти что-то серьезное, разве не так?

Эван понял, что он ошеломленно кивает.

— Д-да. В общем, так оно и было.

Впервые с того момента, как Эван сюда вошел, Ленни пошевелился. Он повернул голову и с ненавистью посмотрел на бывшего друга.

— А потом ты позволил этому случиться, — прохрипел он. — Ты должен быть на моем месте... Ты должен быть здесь вместо меня!

Эван завозился с ключами и, открыв, наконец, дверь, побежал по коридору, пытаясь изгнать из своей памяти голос Ленни. Чувство вины захлестнуло его, разъедая сердце, как едкая кислота.

Он добежал до машины раньше Андреа, положив ключи на стол дежурной сестры, когда та на секунду повернулась к нему спиной. Андреа довезла его до общежития, всю дорогу стараясь быть веселой, показывая ему таким образом, что доктор не нашел ничего угрожающего его здоровью. Он реагировал на ее реплики нечленораздельным хмыканьем, стараясь не отрывать взгляда от дороги и безуспешно пытаясь хоть как-то забыться.

Потом, когда Андреа исчерпала все свои шутки, они проехали несколько миль в тишине.

— Ты скучала по отцу? — без всякого предисловия спросил ее Эван.

Вопрос застал мать врасплох.

— В общем... конечно, — неуверенно сказала она. — Да, и довольно часто.

— Иногда... — Эвану трудно было говорить. — Иногда мне хочется, чтобы он был жив. Чтобы я мог получить ответы на кое-какие вопросы.

— Ты всегда можешь поговорить со мной, — нежно сказала Андреа. — Обо всем, Эван. Ты же знаешь, как я люблю тебя. Я всегда с тобой.

Он повернулся к ней, и она увидела, что его глаза затуманились.

— Я знаю, мам, но есть вещи... на которые мог бы ответить только папа.

Андреа сжала руку сына.

— Он тоже тебя любил, не забывай об этом. Если бы он был жив, то гордился бы тобой. Я это знаю.

Она сдержала подступившие слезы. Когда машина остановилась у общежития, Эван поцеловал мать в щеку.

— Мне нужно идти. Я тоже тебя люблю, мам.

Выйдя из машины, он бодро улыбнулся ей

— Все будет в порядке. Поверь мне, я все исправлю.

Андреа смотрела ему вслед, неуверенная в том, что поняла его.

В комнате никого не было, за что Эван был очень признателен Тамперу. Он не был в

настроении отвечать на вопросы своего соседа, даже самые добродушные. Секунду он постоял в центре комнаты, пытаясь сориентироваться. Потом сделал шаг в сторону своей кровати, которая, как он помнил, находилась раньше с правой стороны комнаты. Все те же постеры рок-групп и афиши кинофильмов, только на этот раз с противоположной стороны. Вещи Тампера находились там, где раньше были вещи Эвана, и наоборот.

Он покачал головой, сел на левую кровать и засунул под нее руку. Пальцы нащупали картонную коробку, и он вытащил ее наружу.

Эван вздохнул с облегчением, когда увидел, что коробка доверху набита старыми тетрадами. Он взял одну из них с самого верха.

«7 лет», — вслух прочитал Эван надпись на обложке. Взвесив тетрадь на ладони, он огляделся. Темная маленькая комната общежития напоминала палату Ленни и тюремную камеру, которую он делил с Карлосом, и Эвану тяжело было находиться здесь.

Засунув тетрадь под мышку, Эван направился искать безлюдный уголок на территории колледжа. Поначалу ему казалось, что для перехода была необходима тихая, спокойная обстановка, но безумный скачок в камере Карла убедил его, что это не так. Теперь ему становилось ясно, что чем чаще он возвращается в прошлое, тем легче подтолкнуть разум к восприятию слов, написанных на бумаге, а остальное доделает сознание.

Он сел под деревом, опершись спиной о ствол. Неподалеку салаги из братства «Ге-та» бросали желтую пластиковую тарелку и весело обменивались шутками. Он узнал двоих из них, тех, которые помогали ему организовать романтический ужин с Кейли, но они полностью его игнорировали. «А почему нет? Ведь они не знают меня. Мы никогда не встречались, и ничего этого не было».

Эван вернулся к своей тетради и листал страницы до тех пор, пока не нашел запись, сделанную на следующее утро после смерти отца. Он начал читать вслух, произнося слова нараспев, будто это была какая-то бесконечная мантра.

«Сегодня я паеду к моему отцу, — Эван почувствовал растущее внутри его головы давление и позволил ему накрыть себя волной и поглотить его. — Его зовут Джейсон и он сумашетший».

Боковым зрением он заметил, как на него странно посмотрел парень, который в свое время носил на голове салатницу. Первокурсник из братства «Гета» поймал желтую тарелку, и Эвану показалось, что она завибрировала в его руках, как колокол от удара. Он продолжал читать, чувствуя, как все вокруг него начинает подрагивать и колебаться.

«Надеюсь, он разрешит мне называть его Папа».

Послышалось слабое эхо мужского голоса, и...

Эван заморгал, ослепленный ярким светом флуоресцентных ламп.

— Сынок? — слова эхом отскакивали от голых железных стен комнаты для свиданий, и Эван поежился, переживая момент смятения, возникающий при каждом переходе в его подростковое тело. Подняв глаза, Эван увидел, что Джейсон Треборн смотрит на него с теплом и любовью.

— Ты говорил что-то насчет своих глаз? — Поинтересовался он. — С тобой все нормально? Ты выглядел так, будто на секунду отключился.

«У меня есть кое-что, о чем только он смог бы мне рассказать. Вопросы». Эван вспомнил разговор с матерью и взял себя в руки.

— Слушай, Джейсон... Папа, — начал он низким голосом. — Мне срочно нужны от тебя ответы на некоторые вопросы, которые помогут мне исправить то, что я натворил.

Пару секунд на лице Джейсона было недоумевающее и смущенное выражение, но в следующее мгновение он понял причину внезапных перемен в поведении и разговоре Эвана. Кровь отлила от лица Джейсона, и оно стало белым, как бумага.

— О нет, — выдавил он. В его голосе слышалось страдание. — О, Боже, только не это! Мой бедный мальчик. Бедный маленький Эван...

— Слушай меня, Джейсон, — прошипел Эван. — Я хочу, чтобы ты сосредоточился.

Отец печально покачал головой.

www.NataHaus.ru

— Ты тоже часть этого, не так ли? Я молился, чтобы действие этого проклятия закончилось на мне.

Эван коснулся его руки.

— Но это на тебе не закончилось, и потому мне нужна твоя помощь. Мне нужно знать, как все изменить, сделать правильно, и ты единственный, кто может мне это сказать. Он глянул через плечо на свою мать, которая наблюдала за ними, стоя с другой стороны стекла.

— Ты должен помочь мне.

Джейсон нахмурился.

— Все изменить? Сделать правильно? Нет такого слова «правильно»... Ты должен понять, что когда ты меняешь настоящее людей, то лишаешь их прошлого. Меняя то, какие они есть, ты уничтожаешь то, какими они были, а это неправильно!

— А кто сказал, что я не смогу сделать все лучше?

— Думаешь, я не пытался? — поднял голос Джейсон. — Я пытался, пытался и пытался, но с каждым разом все становилось только хуже! — Наклонившись к Эвану, он сжал его детские пальцы. — Послушай, ты должен прекратить это!

— Не могу, — сказал Эван. — Я должен изменить одну маленькую вещь...

— Не существует никаких маленьких вещей! — Губы Джейсона дрожали. — Это как Круги на воде, эхо в пещере, волны в океане, падающие домино, эффект бабочки...

Эван откинулся назад. Его отец, похоже, бредил.

— О чем это ты?

— Ничего не происходит само по себе, Эван. Ты делаешь одно маленькое изменение в прошлом, но оно влияет на что-нибудь еще, и так далее, все больше и больше! Бабочка взмахивает крыльями в Китае и колеблет воздух, и, в конце концов, на Нью-Йорк обрушивается шторм, понимаешь? — Его кулаки сжались, и цепь на наручниках звякнула. — Ты не должен играть в Бога, сын! Это должно закончиться на мне. Ты разбиваешь сердце матери, просто находясь здесь!

— Ерунда! — разозлился мальчик. — Если ты не хочешь помочь мне, я сделаю все сам и пошлю тебе открытку, когда снова все будет идеальным.

— Я не позволю! — проревел Джейсон, бросаясь на него через стол и звеня наручниками. Эван не успел защититься, когда руки отца железными тисками сомкнулись на его горле. — Я должен остановить тебя!

В глазах Эвана потемнело, и он начал задыхаться. Багровое от ярости лицо Джейсона вдруг замерцало и задрожало...

Он очнулся с разрывающим легкие кашлем и схватил себя за горло. Жадно вдохнув свежего воздуха, он потрогал руками шею — от удушья не осталось и следа.

— Ты в порядке, чувак? — спросил один из салаг. Эван узнал в нем парня, которого Хантер заставил носить женское платье в другом варианте событий. — Ты отключился.

Эван кивнул и с трудом встал на дрожащие ноги.

— Я... я в порядке, спасибо. Оглядевшись вокруг, он не заметил следов каких-либо перемен и вздохнул. Он чувствовал себя дрейфующим в неизвестном направлении. Теперь он потерял всякую надежду вытянуть нужную ему информацию из отца и чувствовал себя разбитым и расстроенным.

Предупреждение Джейсона все еще звенело в его ушах, когда он выходил с территории колледжа, и слова отца неотвязно крутились у него в голове. Эван бросил тетради на заднее сиденье потрепанной «хонды» и выехал с территории университета, сворачивая на шоссе.

— Мне нужно все исправить, — говорил он сам себе.

Он мчался по шоссе не разбирая дороги, пока солнце не стало клониться за горизонт, и, когда в животе у него заурчало, он свернул у первой же остановки грузовиков, которая была на пути. Эван не осознавал, где он, до тех пор, пока не уселся за один из столов с жирной столешницей. На захватанном меню в пластиковой обложке было написано название столовой: «Закусочная Риджвуда».

Заказав себе гамбургер с картошкой, Эван набросился на еду с жадностью, почувствовав внезапно волчий аппетит. Одной рукой он бессознательно прикрывал тарелку, как будто защищая свою еду.

— Что-нибудь еще, милый? — поинтересовалась официантка. — Долить? — покачала она кофейником.

— Не-а, просто счет, — ответил Эван с набитым ртом. Он посмотрел на униформу девушки: она была такой же идиотской, как и та, которую он видел на Кейли в ночь накануне ее самоубийства.

На значке было написано «Сельма». Она положила перед ним счет.

— Только что вышел, да?

— А?

Сельма кивнула на его руку, которой он прикрывал тарелку.

— Просто мой брат отсидел в тюрьме, и он ел точно так же, когда вышел.

— Я из большой семьи, — защищаясь, ответил Эван. — Я не зек.

Сельма пожала плечами.

— Не хотела тебя обидеть.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Я и не обиделся, — сказал он. — Эй, э-э, а Кейли Миллер все еще работает здесь?

Сельма недоуменно на него посмотрела.

— Кейли? Извини, никогда не слышала о такой. Я работаю здесь уже пять лет, и у нас никогда не было никакой Кейли.

Эван доел и смотрел сквозь грязное стекло на опускающуюся на землю ночь. На горизонте, мерцая, зажигались огни Саннивейла. Он смотрел в темное окно и думал о Кейли Миллер.

></emphasi>

Кейли.

Сколько раз все возвращалось к ней? Я уже потерял этому счет. Вам трудно меня понять, потому что вы не знали ее, потому что вы не видели ее моими глазами. Долгое время я сам не мог этого осознать, пока однажды до меня не дошло. Она была моим компасом, моей путеводной звездой, по которой я направлял свою жизнь. Без нее я потерянный человек. Мне казалось, что я смог бы существовать без нее, и было время, когда мы расстались и моя мать увезла меня из Саннивейла, и я почти в это поверил.

Сейчас, оглядываясь назад, я не могу постичь, как я мог жить, не видя ее улыбки, не имея возможности прикоснуться к ней, чувствовать ее. Любовь — странная штука. Она проделывает с тобой много интересного, и я не буду притворяться, что понимаю все.

В тот вечер там, в столовой, я стоял на краю пропасти, хотя и не осознавал этого. Отец пытался предупредить меня, а я проигнорировал все, что он сказал. К тому времени я зашел слишком далеко и все равно не повернул бы обратно. Помню, каким грузом висело на мне понимание того, что я наделал. Наверное, я хотел, чтобы Джейсон вручил мне что-то вроде волшебной палочки, которая помогла бы мне сделать все так, как мне было нужно, но когда стало ясно, что этого не случится, я потерялся. Полностью и безнадежно.

В общем, я поехал искать свою путеводную звезду, свой компас. Кейли.

Глава двадцать вторая

Когда-то дом Миллеров был одним из самых красивых в квартале, но теперь, когда Эван подъехал к нему, он увидел, что время не пощадило здание.

Дом был запущенный и обветшалый. Сад, одно из любимых мест их детских игр, зарос пожелтевшей травой, из которой выглядывала ржавая газонокосилка.

На крыльце лежали пара автомобильных покрышек, треснувшая табличка, объяснявшая, что лоточники здесь не приветствуются, и куча всякого другого барахла. Эван

скривил рот при виде всего этого и потянулся к потемневшему медному звонку.

Откуда-то изнутри дома донесся мужской крик:

— Да заткнись ты, черт тебя побери!

Эван сразу же узнал голос Джорджа Миллера.

— Неужели человек не может отдохнуть в своем собственном доме?

Тот, на кого кричал Джордж Миллер, не ответил.

Эван нажал на кнопку звонка, и тот издал слабый и тонкий писк, словно в нем садились батарейки. В коридоре слышались шаги.

— Господи, ну что еще? — проворчал Миллер, подходя к двери.

Посмотрев на Эвана, он моргнул, и на его лице сохранялось ленивое выражение, по которому было ясно, что он не узнал своего посетителя.

— Кто ты такой? — рявкнул он. — Какого черта тебе надо, щенок? Надеюсь, ты не пришел сюда продавать печенье?

— Ты очень догадлив! — Эвана разозлила манера Миллера разговаривать с людьми, и он втолкнул его обратно в дом, прижав к стене в коридоре.

— О, черт! — испугался Миллер. — У меня ничего нет! Оставьте меня в покое!

— Заткнись, гондон! — прорычал Эван, и Миллер удивленно дернулся. — Ну что, вспомнил меня, Джордж? Мы с тобой славно поболтали, когда мне было семь лет.

На лице Миллера появилось выражение ужаса, когда он узнал Эвана.

— О нет... Пожалуйста, — простонал он. — Как ты...

— Я говорил тебе, что за тобой будут наблюдать, разве не так? — Эвану нравилась роль, которую он играл. — Теперь ты должен кое-что для меня сделать.

— Я не трогал ее, — с отчаянием в голосе сказал Миллер. — Клянусь, я никогда ее пальцем не тронул!

Эван кивнул.

— Хороший мальчик. А теперь ответь мне на один вопрос, гондон, — прошипел он в лицо Миллера. — Где я могу найти твою дочь?

— Я скажу! — Миллер сглотнул подступившие слезы. — Я все скажу, только, пожалуйста, оставь меня в покое.

Эван с трудом разобрал каракули, которые дрожащей рукой нацарапал на бумажке Джордж Миллер. Подняв глаза, он посмотрел на знак над перекрестком и повернул «хонду» направо. Он чувствовал себя отвратительно после встречи с Миллером. От человека, который когда-то пытался растлить его и собственных детей, осталась лишь жалкая оболочка, слабый маленький человечик, который готов с потрохами сдать свою дочь, лишь бы спасти собственную шкуру.

Около мерцающего неоновой щита, обозначающего вход в отель «Санрайз», Эван свернул, паркуя машину поближе к офису. Внутри он увидел пожилую леди с бигуди в волосах; она лишь на мгновение оторвалась от чтения журнала, чтобы посмотреть на Эвана и тут же вернуться к чтению светской хроники. Два мрачных тинэйджера сидели на корточках перед вывеской, на которой была расписана почасовая оплата комнат.

Проходя мимо темного силуэта микроавтобуса, он услышал скрежет железа по железу и мужской голос, матерившийся по-испански. От машины отделилась фигура, попавшая под свет фонаря.

— Это твоя? Эй, я ничего не делал...

— Карлос? — Эван ошеломлен от удивления. Его сокамерник стоял прямо перед ним, одетый по-уличному и пытающийся спрятать в рукаве слим-джим — полоску металла, предназначенную для открывания автомобильных замков.

По взгляду Карлоса было видно, что он его не узнал.

— Кто ты такой? Ты не можешь меня знать.

Он протиснулся между Эваном и машиной и пошел прочь.

— Ты не знаешь меня, чувак.

— Нет, знаю, — сказал ему вслед Эван, которому в голову пришла кое-какая мысль. —

Я о тебе все знаю, Карлос.

Увидев, что тот не остановился, он добавил:

— Я знаю все о тебе и о том, что у тебя есть жена и маленькая дочь Джина.

Карлос резко развернулся.

— Что ты сказал?

— Твоя дочь, Джина. Темные волосы, большие карие глаза, как у матери. Ты хочешь быть хорошим отцом для нее, не так ли?

На лице испанца отразились смущение и злость.

— Ты ведь не коп. Тогда что ты за хер с бугра?

— Господь послал меня, Карлос. Он сказал, чтобы ты прекратил воровать.

— Ты псих, парень, — сказал Карлос, хоть и менее уверенно.

Эван указал пальцем ему на грудь.

— У тебя под рубашкой татуировка Христа. Ты ведь в него веришь, так?

Карлос кивнул, побледнев, и Эван продолжил, разведя руки, чтобы были видны шрамы на ладонях:

— Иисус тоже в тебя верит, но тебе надо перестать красть, иначе он не сможет помочь тебе.

Увидев похожие на стигматы шрамы, Карлос почти шепотом спросил:

— Ч-чего ты хочешь?

Эван указал на микроавтобус.

— Я знаю твое будущее, Карлос. Если ты украдешь сегодня ночью машину, тебя арестуют. У тебя это будет уже третий привод, парень, и ты надолго сядешь. Как только тебя посадят, твоя жена запретит тебе видеться с Джиной. Твой ребенок вырастет, думая, что его отец мертв.

Карлос отвел взгляд, и Эван понял, что попал точно в цель.

— Она тебе это уже говорила, да? — продолжил он. — Она просила тебя не воровать, но ты все равно пошел.

— Мне нужны деньги для них... — неуверенно сказал Карлос.

— Воровство не выход из положения, и ты это знаешь, — строго сказал Эван. — Найди работу. Устрой свою жизнь. Будь хорошим отцом и мужем.

На какую-то секунду ему показалось, что Карлос собирается с ним спорить, но в этот самый момент мимо проехала полицейская машина. Проезжая, копы внимательно посмотрели на двух мужчин на стоянке. Карлос уставился на Эвана. Если бы он открыл машину, то возился бы с проводами как раз в тот момент, когда мимо проезжал патруль. Наверняка его бы поймали.

— Сделай это для Джини, — добавил Эван. — Пусть она тобой гордится.

С раскаянием на лице Карлос кивнул. Достав из рукава слим-джим, он согнул его пополам и зашвырнул в темноту.

— Спасибо, парень... — сказал, обернувшись, Карлос, но Эван уже ушел.

Ему пришлось перешагнуть через пару валявшихся в коридоре тел и обогнуть дыру с обгорелыми краями в старом ковре. На этаже воняло мочой. Одна из дверей второпях была заменена фанерной плитой, и из-под нее все еще торчали куски желтой ленты, типа той, на которых написано «Прохода нет. Место преступления».

Найдя комнату 22, он постучал. Послышалось звяканье цепи, и дверь открылась. Эван увидел бледное, изможденное лицо с темными кругами под глазами и выпирающими скулами.

— Кейли, — кое-как выдавил из себя Эван. Слова застряли у него в горле.

В ее темных глазах мелькнуло презрение, и на лице появилось выражение разочарования.

— А, звоночек из прошлого, — шмыгнула она мокрым носом. — Я-то надеялась, что уже никогда тебя не увижу.

Эвану показалось, что сейчас она захлопнет дверь перед его носом, но вместо этого она

широко ее распахнула.

— Побыстрее. Я кое-кого жду.

— Я тоже рад тебя видеть, — ответил он. — Могу я войти?

— Мне все равно. Как хочешь.

Она бросила быстрый взгляд на пустой коридор, затем жестом пригласила его войти.

— Извини за бардак, — сказала Кейли со скрытым сарказмом в голосе. — Если бы я знала, что ты пожалуешь, то сменила бы простыни.

За ним со стуком закрылась дверь, и Эван оглядел запущенную, грязную комнатку. Старый, искажающий изображение телевизор работал без звука. Рядом с пустыми коробками из-под пиццы стояла переполненная окурками пепельница. Около фиолетовой сумочки валялись ложка с закопченным дном, пожелтевшие ватные шарики и куски фольги с коричневыми пятнами. «О, Кейли, — подумал он. — Что же с тобой случилось?»

Она тяжело опустилась на единственное кресло в комнате и прикурила сигарету от одноразовой зажигалки, наблюдая за ним.

— Ты там целый день будешь стоять, что ли?

— Ты здесь живешь? Кейли выпустила клуб дыма.

— Это, конечно, не отель «Хилтон», но да, я здесь живу. Извини, если что не так.

Несколько секунд он смотрел на нее. Ее волосы, прекрасные золотистые волосы, в которые Эвану так нравилось зарываться лицом, теперь превратились в неопрятные, грязные лохмы, падающие на плечи. На ней была коричневая кожаная куртка, которая, казалось, скреплялась заплатами и была такой поношенной, будто ее проволокли на веревке за машиной миль пятьдесят. Под курткой был дешевый яркий топ, подчеркивающий бледную, анемичную грудь. Кейли закинула ногу на ногу, зашуршав виниловыми, под змеиную кожу штанами. Она была лишь пародией на девушку, которую помнил Эван.

— Ну и чего ты хочешь? — спросила Кейли, когда Эван сел на грязную постель. Он не мог произнести ни слова, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

Набрав в грудь воздуха, он кое-как выдавил из себя:

— Мне просто нужно было увидеть... лицо друга.

Даже, несмотря на свою циничную манеру разговора, Кейли была тронута честностью в его голосе, и выражение ее лица слегка смягчилось. Она бросила взгляд на механический будильник в изголовье кровати.

— Вообще-то, Эван, время деньги, так что если ты...

Он молча достал бумажник и бросил его на тумбочку. Он увидел, как жадно блеснули ее глаза, но она осталась на месте.

Кейли пожала плечами и прикурила сигарету.

— Что ж, наверное, я могла бы уделить десять минут своему старому другу, не так ли?

Эван смотрел на нее, и слезы текли по его щекам, хотя лицо оставалось неподвижным.

— Ну, как стоит? — резко сказала она. — О, извини. Профессиональный юмор.

— Я понял, — пробормотал он. — Проехали.

Она с раздражением затушила сигарету, рассыпая искры.

— О, простите. Неужели моя работа тебя напрягает, дорогуша?

Он покачал головой.

— Нет. Просто тебе не нужно делать мне больно этим, — он вздохнул. — Я там побывал.

— Ха! — выплюнула она. — И где это? Ты что, снимал похотливых козлов на улице?

— На дне. Там, где ты всего лишь кусок мяса, ожидающий следующей атаки. Я знаю, на что это похоже.

Кейли внимательно посмотрела на него, взвешивая каждое слово, но пустота в его глазах сказала ей, что он не лжет.

— Что случилось с тобой? Он печально покачал головой.

— Ты все равно мне не поверишь, даже если я и расскажу, — он безрадостно улыбнулся. — Ну, люди всегда так говорят, не так ли? «Ты не поверишь». Хотя в этом

случае даже не стоит и пытаться объяснять что-либо.

— Херня какая-то, — сказала Кейли. — Я видела много всякого дерьма в своей жизни, и позволь мне сказать тебе, Эван, что мне наплевать.

Она замолчала и наклонилась к нему.

— Особенно в твоём случае.

— Это почему?

— С тобой что-то не так, — она кивнула в унисон своим мыслям. — Ты какой-то... другой.

Эвану стало не по себе.

— Это в каком смысле другой?

Кейли схватила фиолетовую сумочку и начала рыться в ней в поисках еще одной сигареты. Найдя, она прикурила.

— Я знала это еще с тех пор, когда мы были детьми. С тобой что-то не так, Эван.

Она помахала сигаретой в воздухе.

— Позволь мне задать тебе один вопрос, который мучил меня все эти годы.

— Да? — Он знал, о чем именно она спросит, еще до того, как она произнесла вопрос.

— Там, в лесу. Тот день в лесу. Откуда ты знал, что у Томми твоя собака? Это была не просто догадка — ты уже точно знал об этом.

Расскажи ей. Эван почувствовал, как внутри него все забурлило — его возвращения в прошлое, дневники, все те перемены, которые он совершил, — и внезапно ему захотелось рассказать ей обо всем, сняв со своих плеч эту тяжесть.

— Ты помнишь о моих детских затмениях? Она кивнула.

— Конечно. Томми говорил, что ты такой же псих, как и твой старик.

В ее словах был и скептицизм, и интерес.

— Он был не так уж не прав... — Эвана перебил стук в дверь.

— Открывай. Это я, — услышал он мужской голос.

Кейли нахмурилась и, подойдя к двери, приоткрыла ее на несколько дюймов.

— Эй, детка, — сказал мужчина. — У меня есть то, что тебе нужно...

Она посмотрела на Эвана, потом на стоявшего за дверью человека.

— Извини, Чаки, но на сегодня придется отложить. У меня другие планы.

Мужчина разозлился.

— Что? — прошипел он. — Ты не можешь меня послать, маленькая шлюшка...

— Могу. И пошлю. Пошел в жопу, Чак. — И она захлопнула дверь перед его носом.

Кейли устало посмотрела на Эвана.

— Слушай, если ты хочешь со мной поговорить, тогда купи мне ужин, о'кей?

— Хорошо.

В конце квартала была небольшая забегаловка, в которой сидели несколько полуночников. Кейли и Эван уселись за самым дальним столиком и заказали еду. В основном говорил Эван, временами отхлебывая из чашки чернейший кофе, а Кейли ела с такой жадностью, словно пережила голодовку.

Эван рассказал ей все о каждом случае, каждом событии с того самого момента, когда он был с Хайди и обнаружил, что может возвращаться в детство. Большую часть она прослушала с насмешливо-глумливым выражением лица, но время от времени застывала, особенно когда он рассказывал о тюрьме и об убийстве Томми.

Когда он закончил, Кейли отодвинула в сторону пустую тарелку и закурила сигарету.

— Ты под чем-то, да? — сказала она после глубокой затяжки. — Наверное, ты просто обожрался кислоты и насмотрелся «Назад в будущее», потому что все, что ты рассказал, похоже на плод больного воображения.

— Это все правда, — ответил он. — Каждое слово.

Она покачала головой.

— Ты был прав там, в комнате, Эван. Я не верю тебе.

— Я и не думал, что ты поверишь. — Он посмотрел на нее усталым взглядом. —

Именно поэтому до сегодняшнего дня я не рассказывал об этом ни одной живой душе, и никогда этого не сделаю.

— Я единственный человек, которому ты поведал эту историю? — повысила она голос. — Уау! Это прекрасное выражение. Скажи мне, это когда-нибудь срабатывало? Тебе давали после этого? Девочки, наверное, тают, когда ты им это говоришь. Они на самом деле верят в это дерьмо?

— Вообще-то мне плевать, веришь ты мне или нет, и, честно говоря, я слишком устал, чтобы тебе что-то доказывать.

Эван с трудом находил силы, чтобы говорить. Он чувствовал себя выжатым и вялым — даже поднять ко рту кофейную чашку было трудно.

— О, а что, есть доказательства? Я бы послушала.

— Черт, ну я не знаю. Если бы я лгал, то как бы узнал, что у тебя две родинки на внутренней стороне бедра?

Кейли расхохоталась.

— Мог бы найти что-нибудь получше этого! Много мужиков их видели. Любой, у кого есть пятьдесят баксов, мог тебе это рассказать!

Он наклонился ближе, стараясь сосредоточиться.

— Ладно, забудь об этом. Как насчет... — Эван помолчал, пытаясь вспомнить все, что знал о ней. — Как насчет того, что ты предпочитаешь мускусный запах цветочному?

Кейли захлопала глазами, и он продолжил:

— Ты всегда ненавидела силантро, потому что по каким-то непонятным причинам это напоминало тебе о твоей сводной сестре.

У Кейли от удивления отвисла челюсть.

— Как, черт возьми, ты...

— О! — Эван щелкнул пальцами, внезапно вспомнив что-то. — Как насчет этого? Когда ты испытываешь оргазм, у тебя немеют пальцы на ногах. Я уверен, что твои клиенты не знают таких подробностей.

Она безуспешно пыталась скрыть удивление. Эван кивнул в такт своим мыслям.

— Я приехал сюда, потому что хотел тебе кое-что сказать. Мне кажется, ты должна это знать.

Она внимательно на него посмотрела.

— Знать что?

— То, что я не оставлял тебя гнить здесь.

Она вздрогнула, услышав это. Все те крохи уверенности, которые Эван обрел в процессе разговора с ней, исчезли, когда в глазах Кейли Эван увидел презрение и недоверие.

— Ты больной сукин сын, — холодно произнесла она. — И в твоей памяти действительно есть одна большая дыра.

Эван отвел глаза в сторону.

— Какая?

Она бросила окурок в чашку с недопитым кофе.

— Ни на этой планете, ни на какой-либо другой я никогда не жила в сраном женском общегитии.

Кейли встала и вытащила двадцатку из бумажника Эвана, затем бросила кошелек на стол. Она помахала банкнотой в воздухе.

— Ты уверен, что тебе это не нужно? — Он пожал плечами.

— Не думаю, что она мне понадобится, куда я собираюсь.

Кейли глумливо усмехнулась.

— Что, собираешься снова изменить всем жизнь, да? Идешь снова менять историю?

— Не знаю, смогу ли я.

— Да, конечно. Может, в этот раз ты очнешься в каком-нибудь дворце, тогда как я буду трахать ослов в Тихуане, а?

Эван потер руками лицо. Кожа была вялой и нечувствительной.

www.NataHaus.ru

— Я завязываю. Каждый раз, когда я пытаюсь кому-то помочь, все становится еще хуже.

Кейли взяла пальто и сунула бумажник в карман.

— Не сдавайся, красавчик. — Она насмешливо потерла руки. — Смотри, сколько ты для меня уже сделал.

— Прости, — прошептал Эван.

— У меня есть мысль, — проигнорировала она его слова. — Черт, а почему бы тебе не вернуться назад и не сделать что-нибудь стоящее? Стать героем и спасти миссис Халперн и ее ребенка, например. Тогда, возможно, этот псих Ленни не съедет с катушек и не разрушит мою семью?

Она пошла к выходу целеустремленной и резкой походкой.

— Да, и еще кое-что! — бросила Кейли через плечо. — Вернись в тот день в подвале и трахни меня как следует перед папочкиной камерой, ну, типа, чтобы я взялась за ум.

Она швырнула ему его бумажник и ушла, хлопнув дверью.

Эван устался в кофейную чашку, теряя себя в отражении на поверхности черной жидкости, падая в окружающую его темноту.

Глава двадцать третья

До общежития Эван добрался уже на рассвете, и под первыми оранжевыми лучами восходящего солнца он шел по коридорам здания, поникнув плечами, как какой-то серый призрак. В эти ранние часы коридоры были пусты. Студенты спали после попок и ночных приключений. Эван чувствовал себя так, словно вся сила земного притяжения обрушилась на него. Он попытался вспомнить, когда ему последний раз удалось нормально поспать, но не припомнил ничего, кроме каких-то смутных обрывков произошедших событий. «Да знаю ли я, какой сегодня день?»

Открыв дверь комнаты, он сразу же услышал знакомый скрип пружин кровати Тампера и стоны какой-то молоденькой студентки, Пребывающей на пике оргазма. Они проигнорировали вошедшего Эвана, который, хотел заполнить пробелы в теологических познаниях. Эван вспомнил татуировки Карлоса, хотя изображенный на свече лик был гораздо мягче и добрее. Сам Эван никогда не был особенно религиозным человеком, но в этот момент, под влиянием усталости, мысль о том, что кто-то великий, возможно, наблюдает за всем, придала ему немного уверенности. Закрыв глаза, он пробормотал короткую молитву:

— Господи, дай мне силы и мудрости, чтобы я мог все исправить.

Там, в закускойной, Эван сказал Кейли, что он больше не станет читать свои дневники и пытаться менять ход событий, но когда он это говорил, то знал, что лжет. Он крепко сжал дневник. Его способность возвращаться в прошлое была и даром, и проклятием, и он был уверен, что должен пройти до конца через все испытания.

Теперь для него переход был простой формальностью. Сначала глубокий расслабляющий вдох, затем пара секунд на то, чтобы очистить разум и подготовиться. Потом нужно сконцентрироваться на словах, позволяя им взять власть над его памятью.

«Последнее, что я помню перед затмением, это мои руки, закрывающие уши Кейли. Кажется, я был более сосредоточен на ее руках, которыми она прижимала мои ладони, чем на почтовом ящике через дорогу...»

Его глаза быстро скользнули по странице. Он уже был там, и побывать в этом событии еще раз было так же легко, как выйти на прогулку в старых удобных туфлях.

Затем пришла ломота в каждой косточке его черепа, несильное давление на глаза, и потом этот мигающий и прыгающий танец, когда все вокруг начинает подрагивать, как при землетрясении. И в конце звуки — странное эхо из каких-то других измерений и пространств...

Он позволил миру измениться и сдвинуться.

Эван был готов к потере ориентации и просто поморгал, пока это ощущение не ушло. Его сердце бешено колотилось. Руками он зажимал уши Кейли, и она улыбалась. Томми лежал рядом с недовольной гримасой, а Ленни дышал так, словно за ним гнались собаки.

Эван выплюнул сигарету и отпустил Кейли. Его пальцы потянулись к месту, где был (или будет) шрам от сигаретного ожога. Хотя теперь, поскольку он выплюнул сигарету, шрама уже точно не предвидится, не так ли? Он затушил тлеющий окурок подошвой кроссовки.

— Кое-что изменилось, — пробормотал Эван, и Кейли с любопытством на него посмотрела.

— Наверное, фитиль потух? — сказал Ленни. — Может, кому-нибудь пойти проверить? — Он ткнул толстым пальцем в сторону почтового ящика.

Томми посмотрел на него усталым взглядом, всем видом показывая, что он думает об этом идиотском комментарии.

— Да, точно, почему бы тебе не сделать это, Ленни? Кретин!

Эван не обратил внимания на недоуменное выражение лица Кейли и посмотрел на почтовый ящик. Внутри маленькой копии дома Халпернов медленно тлел самодельный фитиль, который он сам и придумал. Секунды тикали навстречу взрыву.

— Нам надо... — попытался сказать что-то Ленни, но тут же прижался к земле. К домику подъехала машина, из которой вышла женщина.

Ленни пополз вперед, но Томми схватил его за руку.

— Только пискни, и я клянусь, что этот писк будет твоим последним, гнида!

Заплакал ребенок, и Эван увидел, как миссис Халперн подходит к почтовому ящику с ребенком на руках.

— Не плачь, ангел, — успокаивала она дитя.

Ленни попытался вырваться, но безуспешно. Томми тихо ругался:

— Черт, куда ее понесло?

— Ой, тебе, кажется, нужно сменить пеленки, не так ли, милая? — сказала женщина, не имеющая ни малейшего понятия о разворачивающейся драме. — Давай-ка заберем почту для папы.

Эван вскочил на ноги и рванулся вперед, словно бегун, услышавший выстрел стартового пистолета.

— Что за... — начал было Томми, но Эван уже перебежал через дорогу. — Да что он делает? Он же все, к черту, испортит!

— Леди, отойдите! — заорал Эван, размахивая руками. — Не подходите к ящику! Отойдите!

Женщину ошеломило внезапное появление мальчика, но тем не менее, посмотрев на него недоверчивым взглядом, она продолжала идти, держа девочку так, чтобы та могла дотянуться до ручки разрисованного почтового контейнера.

— Хочешь сама открыть дверцу, красавица?

— Женщина, я серьезно говорю! Отвали от ящика! — кричал Эван во всю силу своих детских легких, перебегая через асфальтовую дорогу на травяной газон.

«Она должна меня послушаться! — говорил он себе. — Она должна!»

Ленни побежал за Эваном, и после пары секунд колебаний Томми, пожав плечами, кинулся вслед за ними.

— Томми, что... — хотела сказать что-то Кейли, но ее брат уже убежал. В его голове созрел новый план.

— В ящике бомба! — хрипел Ленни. В его голосе была паника. — Бомба! Отойдите!

Услышав слово «бомба», женщина остановилась на мгновение, но затем, тряхнув головой, пошла дальше, прижимая к себе и покачивая ребенка.

— Придурки малолетние, — пробормотала она. Уже не первый раз дети из соседских кварталов делали пакости Халпернам, например, стучали в дверь и убежали или в старом добром стиле подкладывали собачьи какашки в горящем пакете. Мистер Халперн считал это

проявлением простой зависти. Халперны жили лучше большинства соседей, и дети, так же как и их родители, завидовали Красивому дому и большой машине.

Бежавший позади Ленни Томми скорчил недовольное лицо, услышав его идиотское признание.

— Жирдяй тупорылый, — пробормотал Томми себе под нос и тут же начал придумывать, что он будет врать, когда его спросят, как они узнали о взрывчатке. Возможно, он свалит на старших ребят. Точно. Или, в крайнем случае, свалит все на Ленни.

Эван затормозил на травяном газоне, встав между Лизой Халперн и почтовым ящиком. Широко раскинув руки и махая ими вверх-вниз, он загородил ей дорогу. Он просил ее не приближаться, но она продолжала идти.

— Вы должны отойти подальше! — настаивал Эван.

— Слушайте, — сказала она раздраженным тоном, которым обычно взрослые обращаются к расшалившимся детям. — А что это вы, дети, делаете в моем саду?

Прежде чем Эван смог что-либо ответить, он увидел Томми, бегущего со всех ног к женщине и ребенку.

— Я спасу вас, леди! — прокричал он и сбил Лизу с ног, свалив на землю. Он вложил в бросок намного больше сил, чем этого требовала ситуация.

Миссис Халперн инстинктивно прижала девочку к груди, защищая, и приняла большую часть удара на себя, когда Томми рухнул на нее.

— Лежите спокойно, не вставайте! — поспешно сказал ей Томми.

Эван с радостью ощутил, как напряжение ушло, словно смытое волной, и попятился от ящика, улыбаясь.

«Я все исправил, и на этот раз по-настоящему!»

У него была миллисекунда самодовольного наслаждения перед тем, как рванул динамит. Ленни был достаточно близко, и его сбilo с ног взрывной волной. Кейли и, благодаря Томми, миссис Халперн с девочкой были в полной безопасности. Но Эван Треборн стоял прямо перед почтовым ящиком, и, когда произошел взрыв, железный запор, вылетевший, словно пуля, вонзился ему в спину. Позже доктора вытащили металлический стержень из его позвоночника.

Ящик был деревянным на металлическом каркасе, и вся сила взрыва направилась наружу в виде языка пламени и раскаленного газа. Ударная волна оглушила Эвана и легко отшвырнула его детское тело на дорогу.

Под ним начала расползаться лужа ярко-красной крови.

Взрыв эхом звучал в голове Эвана, сотрясая каждую косточку в его теле. Он жадно хватил воздуха и скорчился на кровати, приподнимаясь, когда след от горячего поцелуя взрыва стал остывать. Его внутренности связало узлом, и он с трудом подавил накативший приступ рвоты.

Он снова был в комнате общежития, и теплый утренний свет струился сквозь окна. Все снова стало таким, как он это помнил. Его кровать опять стояла справа, афиши и постеры были расклеены по всей стене, и даже доносившиеся с кровати Тампера звуки сумасшедшего спортивного секса были теми же.

— Кажется, я уже сказал вам, чтобы вы прекратили... — начал Эван, когда в его висках стала роиться боль.

— А? Что? — голос явно не принадлежал Тамперу. — Эй, извини, старик, мы что, разбудили тебя?

На лице Эвана появилась гримаса муки, но тут же ее сменило ошеломленное выражение, когда из-под простыни показалось знакомое круглое лицо.

— Ты в порядке, сосед? — спросил Ленни. Его лицо было красным после занятий любовью. — Плохой сон? Ты выглядишь так, словно привидение увидел...

Смятение сменил восторг, и Эван радостно улыбнулся. Ленни не был привязан к кровати в дурдоме Саннивейла, а находился здесь.

— Нет. Все отлично. Все просто здорово. «Я все изменил! Все снова по-другому!» Эван

зевнул и хотел было потереть пальцами виски. Тупой мясистый обрубок на том месте, где должны быть пальцы, ткнулся ему в лицо.

По коже побежали мурашки. Эвана швырнуло в жар, и он выпрямился в кровати, разметав в беспорядке вокруг себя простыни. Его руки дрожали, когда он, не мигая, с ужасом рассматривал их. На месте отличных рабочих рук теперь была пара бесформенных обрубков. Эвану хотелось закричать от ужаса, но он не смог из-за внезапно сжавшего его горло спазма. Он попытался слезть с кровати, но ноги отказывались подчиняться, и он увидел их очертания под простынями: они были изогнуты под неестественным углом. Эван понял, чего не чувствует их.

— Что со мной случилось? — зарыдал он, когда искрящиеся факелы раскаленной добела агонии вспыхнули в его памяти. Он почувствовал тепловатый медный привкус крови во рту, когда поток новых воспоминаний хлынул в его новое «я». Образы и ощущения переполнили его и затопили.

Худая, как скелет, Кейли смотрит на него с холодным презрением... Запах героина и мочи в гостиничном номере... Темный блеск абсолютного зла в глазах Ленни, лежащего на металлической кровати... Страх на усталом морщинистом лице Джорджа Миллера...

Воспоминания ярко сверкали фотовспышками и тут же гасли, разлагаясь в порошок.

Банальности и уверения доктора Редфилда... Мама крепко держит его за руки, обещая, что все будет хорошо... Тампер поддерживает его голову, на его пальцах яркая кровь Эвана... Вкус крепкого, горького кофе в «Закусочной Риджвуда»...

Внезапно все ощущения исчезли, каждое из них посылало шипящую боль, прежде чем уйти. Где-то далеко простонал Эван, когда события начали раскручиваться в обратную сторону и незнакомые чувства выскочили из ниоткуда и начали внедряться в трещины и пустоты его сознания. Он слышал странную смесь плача и смеха, не зная, выходят ли эти звуки из его собственного рта, или, возможно, это какие-то отдаленные голоса-фантомы из прошлого.

Фейерверком вспышек прошел вихрь картин из прошлого... Молодой Эван в больничной койке, его изуродованные руки замотаны в бинты... Пальцы Андреа в его волосах, когда она говорит ему, что он больше не сможет ходить... Ленни и Кейли складывают в его коляску попкорн и напитки и толкают ее по холлу кинотеатра...

Эван попытался изгнать прочь эти образы в надежде на то, что если ему удастся не пустить их в свой разум, то каким-то образом эти ужасные события не произойдут, но воспоминания все шли и шли, душа в нем всяческую надежду.

Его четырнадцатый день рождения, друзья окружили его, а он задувает свечи на огромном праздничном торте... Мама, Ленни, Кейли и Томми — все счастливо смеются, хлопают в ладоши... Торжественные звуки хоралов, когда прекрасным солнечным воскресным утром Томми вкатывает его инвалидное кресло в церковь... Он один и машет обрубком руки детям из дока, которые веселятся и плещутся в озере...

Эван завопил, и на какой-то момент поток воспоминаний отпустил его, оставив захлебываться спертым воздухом.

— Вот черт, у него кровь!

Он едва узнавал пришедшего к нему на помощь Ленни, который зажал его кровоточивший нос.

— Помоги мне!

Девушка выскочила из постели Ленни, накинув ночную рубашку на голое тело, и, разрывая на полосы полотенце, устремилась к ним. У нее были золотистые светлые волосы, слегка выгоревшие на солнце, и самые прекрасные глаза на свете.

— Кх-Кх-Кхейли? — прокашлял Эван, когда их глаза встретились. От ее вида в памяти поднялась еще одна волна воспоминаний, которые лопались, как хлопучки из звуков и образов.

Эван сидит у бушприта в шлюпке, а Кейли и Ленни держат друг друга за руки... Горькая пустота внутри, когда он видит их смеющимися над шутками, которые понятны

только им двоим, и как радуются обществу друг друга... Запах горящих поленьев в костре, и Эван пьет пиво, а Кейли и Ленни целуются при луне... Запертый в ловушке своего инвалидного кресла Эван и танцующая счастливая пара на выпускном балу..

— Все в порядке, Эван, — сказала Кейли с беспокойством и нежностью в голосе. — Ленни и я с тобой.

— Не трогайте меня! — закричал он и отпихнул их изуродованными конечностями в сторону. — Не прикасайтесь ко мне!

По его телу пробежала дрожь, помутнело в глазах.

— Не... — прокашлял он, прежде чем, в конце концов, сознание милосердно покинуло его.

Глава двадцать четвертая

Плавающая в теплой, как кровь, тихой темноте бессознательного состояния, Эван обрел на некоторое время спокойствие, краткую отсрочку от обрушившегося на него каскада событий. Когда к нему постепенно стало возвращаться сознание, ему очень хотелось уклониться и побыть в темноте, где все было так спокойно и безопасно, вместо того чтобы встречаться лицом к лицу с новым будущим, которое он сотворил для себя. Однако, несмотря на это желание, его резко вышвырнуло навстречу свету, глуму и жестокой реальности.

Звук распахнувшейся двери окончательно привел его в чувство, а с ним пришли иглы боли, впившиеся ему в голову.

— Где... — пробормотал он. — Куда мы едем?

Его кресло быстро неслось по жилому блоку, оставляя позади коридоры общежития.

Впереди Кейли распахнула двери одной рукой, держа в другой что-то похожее издали на пару тяжелых пластиковых перчаток. Эван повернул голову и увидел Ленни за спиной: сильные руки его друга толкали коляску вперед.

— Надо отвезти тебя в Саннивейл. У тебя одно из этих кровоизлияний, — сказала Кейли, держа двери открытыми. — Сохраняй спокойствие, и все будет нормально!

— Нет! — крикнул Эван, растирая висок, где снова вспыхнула боль. — Остановитесь! Отвезите меня обратно!

— Извини, мистер Крутой, — ответил через плечо Ленни. — Но это невозможно. Твоя мать убьет меня...

Эван собрал все свои небольшие силы в ногах и торсе и уперся в металлическую раму.

Его выбросило вперед, и он неуклюже вывалился из кресла. Ленни резко остановился, чтобы не наехать на него.

— Черт, Эван, ты в порядке? — выдохнул испуганно Ленни.

Он попытался пошевелить своими мертвыми, тяжелыми ногами, но сколько бы усилий он ни прикладывал, его парализованные члены отказывались подчиняться. Кейли протолкнулась сквозь толпу собравшихся вокруг любопытных студентов, наблюдавших за этой сценой и жестоко посмеивающихся.

Эван проигнорировал издевательские замечания и посмотрел на Ленни.

— Отвези меня обратно, Ленни! — прошипел он сквозь сжатые зубы. — Это лучшее, что ты можешь для меня сделать.

Ленни на мгновение опешил, и кто-то из толпы отпустил злую шуточку. Кейли повернулась лицом к насмешникам, и в ее глазах полыхнула ярость.

— Что уставились, придурки? — крикнула она им. — Должно быть, приятно быть такими совершенными, да? Неудачники херовы!

Ее отповедь возымела ожидаемый эффект, и толпа начала постепенно рассасываться.

На полу Эван уцепился руками за кресло и попытался подтянуться, но неудачно. Он устался в пол и покраснел из-за того дурацкого положения, в котором находился.

Подняв глаза, он увидел, что Кейли и Ленни протягивают ему руки. На их лицах было

выражение дружеской заботы.

Они вывезли Эвана погулять, позволив ему остаться в колледже, вместо того чтобы ехать в больницу. Кейли дала ему пластиковые перчатки, оказавшиеся протезами, работавшими от нервных окончаний, и, пока они катались вокруг деревьев, Эван пытался освоить механизм этих приспособлений, не слишком преуспевая в этом. Это были громоздкие и неудобные механические подобию пальцев, скрипевшие и кликавшие, когда он пытался ими двигать.

Во время прогулки Ленни приветственно махал рукой или перебрасывался шуткой-другой с попадающимися на пути знакомыми студентами. Он казался абсолютно другим человеком. Ничто не напоминало о прежнем робком и замкнутом Ленни. Теперь он был живым, уверенным в себе и явно пользовался популярностью практически среди всех студентов.

— Эй, Лен! — позвала его темнокожая девушка, проезжавшая мимо на скейтборде.

— Как сама, Шейла? Нам не хватало тебя на вечеринке! — крикнул ей вслед Ленни. — И не надейся, что я дам тебе списать мои лабораторные работы! Думаешь, мне нравится вставать с утра пораньше?

Эван чувствовал себя не при делах, когда наблюдал за тем, как легко общается со всеми Ленни. Он словно видел самого себя со стороны: когда-то он сам был «большим человеком в колледже». Кейли также изменилась. Она снова стала яркой и красивой девушкой из женского общежития, только в ее поведении появилась скрытая меланхолия. Он посмотрел в сторону и увидел Тампера и Сверчка, стоявших чуть поодаль. Эван слабо улыбнулся им, но они старались не смотреть ему в глаза и прервали разговор, когда он проезжал мимо них, уставившись себе под ноги и чувствуя себя неловко в его присутствии.

Они были не единственными, кто обращался с ним так, будто он и не существовал. Почти все, кто приветствовал Кейли или Ленни, здоровались с ними, но смотрели на проезжающего Эвана как на пустое место. Это злило Эвана, и он сидел, уставившись на тротуар под колесами.

— Эй, там же Томми! — сказал Ленни В свернул с дорожки. — Пойдем поздороваемся.

Эван вздрогнул, услышав имя Томми, и его Сердце подпрыгнуло к горлу; от одной мысли о встрече с Томми Миллером в таком уязвимом состоянии его бросало в холодный пот, хотя в следующую секунду страх сменился удивлением. Поначалу Эван даже не признал врата Кейли в его новом образе приличного парня, хорошо одетого и широко улыбающегося. Он стоял под ярким транспарантом с надписью «Крестовый поход студентов во славу Христа». Томми раздавал листовку за листовкой всем проходящим студентам, улыбаясь доброй улыбкой каждому, кто брал их у него. Эван заметил маленькое серебряное распятие на лацкане его пиджака, рядом со значком, призывавшим «Спросите меня о Благой вести!».

Вид у Томми был настолько необычным, что Эван чуть не расхохотался. Томми заметил их, и его глаза засветились неподдельной теплотой, когда Ленни подкатил к нему Эвана.

— Эй, ребята, как дела? У нас сегодня отличный день. Много подписей!

— Это здорово, Томми, — сказала Кейли

— Эван, — он подошел поближе и потрепал его по плечу. — Я сделал так, как ты сказал, старик! Мы договорились с администрацией Хилель Хаус и устраиваем танцы! Круто, да?

— О, прекрасно, — сказал Эван. мрачное настроение снова возвращалось к нему. — Нет ничего лучше, чем крутиться на коляске под техноремикс «Хавы Нагилы», пока не потянет блевать.

Томми нахмурился, услышав этот горький комментарий, и обменялся взглядами с Ленни, который пожал плечами и кивнул на Эвана.

— В любом случае спасибо за идею.

— Э-э, нам вообще-то пора на занятия... — начал Ленни, разворачивая кресло.

— Забудь, — зло сказал Эван. — Какой смысл ходить на лекции, если завтра я могу

проснуться грязным фермером в Бангладеш.

Остальные посмотрели друг на друга, и Кейли подала двум другим ребятам знак удалиться.

— Знаешь что, Ленни, вы, пожалуй, идите, а мы с Эваном прогуляемся, о'кей?

Эван не стал жаловаться, когда Кейли за ручки кресла взялась и повезла его в более безлюдное место. Он поежился, когда они миновали место его стычки с Томми. Та ночь, казалось, была вечность назад. Он смотрел на протезы, лежавшие на его коленях, и кликал ими, сжимая и разжимая металлические пальцы, словно это была заводная игрушка.

— Так Томми действительно тащится от Иисуса, а? — спросил он.

Кейли удивленно посмотрела на него, и он понял, что должен был об этом знать.

— Ну да, ты же знаешь, каким одухотворенным он стал после того, как спас миссис Халперн и маленькую Кейти.

— Он спас миссис Халперн? — возмутился Эван. — Да ладно! Вот же извращенный мудака, — добавил он зло.

Они остановились у скамейки, и Кейли села, повернув ногой его кресло. Ее хорошенькое личико выглядело обеспокоенным.

— Ты голоден? — спросила она, выудив из кармана шоколадный батончик. Разломав его, она протянула половину Эвану.

Эван взял шоколадку в руку, но пластиковая рука дернулась, подчиняясь неумелому управлению, и уронила шоколад на землю. Кейли смутилась от такой реакции, но, ничего не сказав, просто протянула ему свою половинку. Он осторожно взял ее, стараясь избегать прямых взглядов на девушку.

— Какая-то проблема? — поинтересовалась Кейли после паузы.

Эван посмотрел на протезы и похлопал ими, стряхивая с них остатки еды.

— Да, наверное, мне надо отдать их в ремонт.

— Я тебя таким прежде не видела, — продолжала она, наклонившись поближе, чтобы дать ему последний кусочек шоколадки.

Эван уловил яблочный аромат ее кожи и почувствовал, как в горле у него встал ком.

— Кейли? Ты когда-нибудь думаешь о нас с тобой? Я имею в виду, тебе никогда не было интересно, что было бы, если бы у нас все было по-другому?

Она кивнула.

— Конечно, Эван, почему нет? Ты знаешь, ты первый человек, который по-настоящему мне небезразличен.

Его глаза засветились от неподдельной искренности ее слов.

— Что, правда?

— Именно поэтому, когда я была маленькой, я не уехала жить с мамой после ее развода с отцом.

— Не понимаю, — выдохнул Эван. Кейли аккуратно вытерла крошку с его губы.

— Когда мои предки развелись, они предоставили мне и Томми самим выбрать, с кем бы мы хотели жить. Я терпеть не могла своего отца, но знала, что если перееду во Флориду, то никогда больше не увижу тебя.

Сердце Эвана подпрыгнуло.

— Я никогда не имел понятия об этом, — тихо сказал он, ошеломленный последствиями детского решения Кейли. — Так ты до сих пор думаешь о нас... вместе?

— Иногда это приходило мне на ум. Мне было интересно, что могло бы из этого выйти.

— Ну и? — спросил он с надеждой в голосе. Она улыбнулась немного грустной улыбкой.

— Вообще-то мне в голову приходит много всякого. Я всегда быстро думала, Эв. Я могу прокрутить целый фильм о всей нашей жизни менее чем за секунду. — Она вздохнула. — Бум! Мы влюбляемся друг в друга. Женимся. Двое детей. Твое аналитическое мышление прекрасно сочетается с моей широкой натурой, — сказала она, и Эван улыбнулся. — Дети вырастут, мы стареем. Относительно стабильные отношения,

совпадающие графики похорон, и все такое. — Кейли отвернулась. — Рассказать об этом занимает куда больше времени, чем представить.

— Так ты считаешь, это могло сработать?

— Почему нет? — ответила она. — Но все случилось не так. Я с Ленни, а Ленни твой друг, на этом и закончим.

Кейли посмотрела ему в глаза и виновато пожала плечами.

Эвану показалось, будто перед ним разверзлась пропасть, и горячие слезы потекли по его щекам.

— А что, если я тебе скажу, что никто не будет тебя любить так сильно, как я?

Она печально покачала головой.

— Мне надо идти.

Кейли встала и, прощаясь, коснулась его плеча, а затем пошла к махавшему ей рукой Ленни.

Эвану хотелось смотреть куда угодно еще, но он не мог отвести глаз от нее, обнимающей Ленни и слившейся с ним в поцелуе.

С тяжелым сердцем он, наконец, закрыл глаза в надежде, что темнота придет и снова заполнит его сознание.

></emphasis>

Эван ничего не ощущал, открывая краны в ванной. Его культи неловко крутили серебристые ручки. Он был так опустошен, будто из него высосали все чувства и желания. Ему хотелось со всем этим покончить, чтобы избавиться от боли.

Кресло-каталка упало с грохотом набок, когда он вылезал из него, и колесо вяло закрутилось. Эван оттолкнул его и скользнул в одежде в ванну. Краны с текущей водой находились напротив его колен, и ванна быстро наполнялась, вода медленно поднималась от лодыжек к талии, потом к груди и рукам.

Эван почувствовал, как на него снизошло странное спокойствие, мирное ощущение, пришедшее из ниоткуда. Если у него до этого и были сомнения в правильности своих намерений, то теперь они ушли.

Вода добралась до его шеи, затем до губ и ноздрей. Эван поднял голову лишь для того, чтобы сделать глубокий последний вдох. Потом он опустил еще ниже и полностью ушел под воду. Вода теплыми потоками полилась через край ванны.

Дверь ванной открылась, и на пороге появился Томми, сразу же оценивший ситуацию. Эван попытался отогнать его.

— Ты забыл поставить на край тостер, а без этого ничего не получится.

Почти спокойно Томми закрутил краны и, засунув руку в воду, выдернул пробку. Вода устремилась в отверстие, стекая по груди Эвана.

— Но и ты, и Кейли, и Ленни... Вам всем нравятся тосты, — промямлил Эван. — Это то, что имеет значение теперь, не я.

Томми посмотрел на него с пониманием.

— Все имеет значение, Эван.

Нагнувшись над ванной, он поднял его и переложил на мокрый пол. Без всякого намека на сомнения Томми обнял его, предлагая единственное утешение, которое он мог дать. Сначала Эван ошетинился. Злость к Томми снова вспыхнула в нем, но потом он понял, что тот Томми, которого он ненавидел, не имел ничего общего с тем добрым и хорошим человеком, который был рядом с ним и только что предотвратил его самоубийство.

— Спасибо тебе, — прошептал он. Томми кивнул.

— Пойдем я тебя переодену. Часы посещения подходят к концу.

Томми провез его через территорию университета и далее к Сент-Винсенту, изолированному больничному комплексу на краю чистенькой парковой зоны. Они прибыли туда на закате, и Томми развернул кресло с привычной легкостью, удобно усадив в него Эвана. Они ехали по коридорам, и время от времени проходящие доктора приветливо кивали

Томми.

— Я же тут добровольцем работаю, помнишь? — сказал он, заметив вопросительный взгляд Эвана.

— А, точно, — ответил Эван. Он крутил головой, когда они проезжали по блоку частных палат. — Что мы тут делаем? Мою маму снова перевели на новое место?

Слова замерли на его губах, когда Томми вкатил его коляску в палату, в которой находился лишь один пациент. Эван потерял дар речи.

Лежавшая в окружении всяких проводков и трубочек Андреа слабо ему улыбнулась и жестом попросила подойти поближе. Томми наклонился и поцеловал ее в щеку, и в ответ она взъерошила ему волосы.

Эван попытался выдавить из себя вопрос «Почему?», но так и не смог. Его мать была соединена с целой паутиной капельниц трахеотомической трубкой. Рядом стоял тускло-зеленый торпедообразный кислородный баллон с респиратором. Эван смотрел, как машина с шумом качает поршнем вверх-вниз, дыша за его мать.

Томми подвез его ближе, и он услышал, как она тихо, словно бриз в траве, прошептала:

— Выглядишь. Классно. Малыш.

Глаза Эвана скользнули по листу назначенного лечения, прикрепленному к доске в ногах кровати.

— Рак легких? — выдохнул он. Андреа и Томми обменялись неловкими взглядами.

— Извините, миссис Ти, Эван просто не в себе последнее время. Забывчив стал.

На лице матери Эвана появилось беспокойство, когда он посмотрел на нее расширившимися глазами.

— Ага. Точно... — осторожно подтвердил он. — Ты начала курить как паровоз, после того как я взорвался...

Воспоминание об этом было эфемерным, но, тем не менее, вызвало тошнотворное чувство вины.

— Должен быть способ все исправить.

— Исправить? — ей было больно даже шептать.

— Доктора делают все, что могут... — сказал Томми, но Эван не обратил на него внимания. Его разум был занят другими вещами.

— Мне просто нужно найти запись о взрывчатке! — прошипел он, и Томми напрягся.

— Слушай, Эван, это все в прошлом... — предупредил он.

— Подождите-ка! Вот дерьмо! — продолжал, не обращая на него внимания. Эван. —

Нет рук! Нет никаких записей об этом, потому что у меня не было возможно написать об этом.

От внезапной ужасной догадки лицо Андреа исказилось.

— Нет, — прошептала она. — Только не ты.

Она схватила Томми за руку, подтянув его ближе.

— По-твоему, Эван... другой?

Томми пожевал губу, пытаясь скрыть замешательство.

— Да нет... Просто у него сейчас тяжелый период...

Из глаз Андреа покатались слезы.

— Эван, нет...

Сын наклонился к ней и вытер слезы с ее бледной впалой щеки.

— Не плачь мама, — сказал он с уверенностью. — Я изменю все это. Я знаю, что у меня получится.

— Я, э, пожалуй, пойду в часовню, — слабо улыбнулся Томми, чувствуя себя лишним. — Вернусь скоро.

Андреа схватила сына за руку, едва за Томми закрылась дверь.

— Что... ты... делаешь? — прохрипела она. — Ты... ведешь... себя... как... отец...

Эван попытался успокоить ее.

— Нет, нет, ничего подобного. Да ладно, мам, то, что отец был моего возраста, когда

начал сходиться с ума, не значит, что и я такой же.

— Как? — в ужасе спросила она. — Как... ты... об... этом... узнал?

— Ты сама сказала мне на Родительском вечере, помнишь?

— Я... никогда... не говорила... тебе... об этом, — сказала она. — Никогда.

Эван похолодел. Те события произошли в других обстоятельствах и в другой временной линии.

— Подожди... Это был не я... Или ты... С усилием мать левой рукой подкрутила вентиль с кислородом, поступающим к ней через трубку, и с трудом прошептала:

— Ты... такой же... как... Джейсон.

Ее глаза умоляли его не продолжать, но он был полон новых, свежих намерений.

— Нет, мам. Я все исправлю. Мне надо пройти все до конца, чего бы мне это ни стоило.

Он потрепал ее по руке. Этот жест должен был придать ей уверенности, но ничего подобного. В глазах ее стояли слезы, голова тряслась.

— Если подумать, то я, по идее, должен был бы утонуть, оставив тебя страдать всю оставшуюся жизнь. Я не позволю этому случиться. Не беспокойся, я вытащу тебя из этого. Поверь мне.

Эван отпустил тормоза кресла и покатился вперед, из комнаты в коридор. Андреа набрала побольше воздуха в свои искалеченные легкие и захрипела изо всех сил:

— Остановите его! Остановите его! Остановите его!

Ее сын не оглянулся ни разу.

Глава двадцать пятая

Ленни застонал, когда снял последнюю из тяжелых коробок с полки шкафа. Он поставил ее на пол рядом с такой же коробкой. На обеих было написано черным маркером слово «Эван». Ленни пихнул одну из них ногой, толкая по затертому ковру комнаты в сторону Эвана.

— О' кей? — спросил Ленни.

— Ты можешь их высыпать на пол для меня? — попросил Эван.

— А что ты, собственно, ищешь? — поинтересовался Ленни, украдкой посмотрев на часы на стене. Он пообещал Кейли прийти к ней сегодня ночью, и ему хотелось побыстрее уйти отсюда.

— Тетрадь, — ответил Эван. — С мраморной обложкой. Типа тех, которые у нас были в школе.

— О да, я помню.

Ленни перевернул коробки рядом с кроватью Эвана, высыпав на пол кучу личного барахла, собранного вместе, обломки детства Эвана Треборна.

— А ты уверен, что она вообще их сюда положила?

Эван кивнул.

— Моя мама вообще никогда и ничего не выбрасывала. Она упаковала все, когда я поступил в колледж. Мне кажется, она послала все, что у меня когда-либо было, так что давай посмотрим.

Ленни начал перебирать предметы в массе барахла.

— Смотри, книги, фотоальбомы...

— Эван, слушай, ты с самого утра как-то странно себя ведешь. Кейли говорит, что ты не помнишь некоторые вещи, а Томми сказал, что ты нес околесицу в больнице. Теперь ты говоришь о каких-то приступах...

Ленни помолчал, кусая губу.

— Может, тебе стоит обратиться к доктору Редфилду? Просто так, на всякий случай?

— Я не пойду туда, — твердо сказал Эван. — А теперь замолчи. Мне нужно сконцентрироваться на взрывчатке, если я собираюсь уничтожить ее.

— Уничтожить ее? — со смесью заинтересованности и смущения переспросил

Ленни. — Это было сто лет назад, Эван, и в этом нет никакого смысла.

Ленни наклонился к нему и почувствовал, как металлическая рука сжала его колено.

— Если бы мне не оторвало руки, мама не начала бы курить как паровоз, — глаза Эвана лихорадочно блеснули. — И она не оказалась бы в больнице с этой дурацкой дыхательной машиной! А теперь заткнись и дай мне сосредоточиться!

Ленни поднял руки и встал.

— Ну все. У тебя реально потекла крыша, приятель. Я звоню Кейли, и мы с ней отвезем тебя в клинику.

— Нет! Нет! — прошипел Эван, дернувшись. Он сделал вдох и взял себя в руки. — Ладно, слушай, наверное, ты прав, — сказал Эван более спокойным тоном. — Просто это утро... Оно меня выбило из колеи, понимаешь?

Ленни заколебался.

— Я поеду с тобой в клинику завтра, ладно? — сказал Эван. — Просто сделай то, о чем я попросил. Пожалуйста.

Ленни снова сел, все еще расстроенный его просьбой.

— Хорошо.

Эван начал читать, еле двигая губами. С места Ленни было видно, как голова его друга слегка наклонилась, а потом он вдруг полностью обмяк, как тряпичная кукла.

— Эван? Эван, ты меня слышишь?

Сначала был колеблющийся и мерцающий сдвиг пространства, а потом он оказался на кухне, семилетним мальчиком.

— Эван? — услышал он голос матери. — Ты меня понял?

Что-то заклокотало в горле, и Эван закашлялся, разбрызгав по всему столу кукурузные хлопья, которыми набил рот, завтракая. Уронив в тарелку ложку, он потряс головой, пытаясь справиться со слабостью, которую он чувствовал в своем теле.

— Да! — пропищал он, не обращая внимания на перемены в голосе. — Это все еще действует!

Перед ним лежала раскрытая тетрадь, которую он до этого читал, только сейчас, в прошлом, она была чистой и новой. Чернила еще не просохли на бумаге.

«Сегодня мама бирет меня играть с Кейли и Томми. Там я встречу их отца и пасматрю на что похож настоящий Папа».

Последние слова вызвали на лице семилетнего ребенка очень взрослую ухмылку. «Джордж Миллер настоящий папа? Да, конечно. А я Мисс Америка».

Он соскочил со стула и согнул руки — его настоящие, из плоти и крови, руки. Из-под стула на него осторожно посматривал Крокет. Пес, казалось, заметил произошедшие с ним перемены и, тихо рыча, попятился. Не обращая внимания на животное, Эван огляделся по сторонам.

«Так. И как же мне теперь уничтожить взрывчатку?»

Его взгляд остановился на ящике стола, где лежали столовые приборы, и он подошел к нему. Открыв ящик, он порылся в ножах, пока его детские пальцы не сомкнулись вокруг ручки тяжелого мясницкого тесака.

Эван взвесил нож в руке. В его детской ладони он казался огромным. Это должно сработать, вот только как он пронесет его в дом Миллеров? Он попытался засунуть нож в носок, но тот был слишком большим. Эван покрутил его в руках, пока мозг пытался найти решение.

Он услышал тревожный вскрик и звук упавших на плиточный пол ключей. Мать стояла у входа в кухню, на ее лице было выражение ужаса при виде играющего с мясницким ножом ребенка.

— Эван? — окликнула она его пронзительно-ворчливым тоном.

Он застыл, не зная, что делать или что говорить. Андреа побледнела, увидев отблеск света на широком лезвии ножа в его руках, и Эвану нетрудно было догадаться, о чем именно она подумала.

www.NataHaus.ru

С трудом выговаривая слова, она спросила:

— Эван? Ч-что ты делаешь с этим ножом?

Он хотел было что-то сказать, но почувствовал внезапное напряжение в затылке, и затем в глазах полыхнуло...

— Эван! — Ленни похлопал его по щеке, и он выбросил руку, останавливая его.

— Я в порядке! — сказал он, поколебавшись секунду-другую, пока тошнота после шока от перехода не отпустила его. — Что ж, это не сработало...

— Ты просто клевал носом, — начал Ленни.

— Так оно и было.

— Неужели? А я-то после всех этих разговоров ожидал чего-то грандиозного...

Несмотря на недомогание, Эван хохотнул.

— Ожидал чего? Что моя голова начнет крутиться вокруг своей оси?

Ленни нахмурился.

— Ну что, ты закончил?

Эван перевернул страницу дневника и изучил следующую запись. Его глаза сузились, когда он прочитал написанное.

«Мне все равно никогда не хотелось сниматься в кино, к тому же было холодно и я не хотел раздеваться, но мистер Миллер снял с меня рубашку».

На периферии его зрения внимательное яйцо наблюдающего за ним Ленни слегка задрожало и исказилось, будто он смотрел на него через искаженную линзу. Хихиканье маленькой девочки эхом донеслось до него откуда-то издалека...

И время снова сдвинулось.

— А теперь, Эван, надевай свой костюм. И поклянись мне, что это будет нашим маленьким секретом. Думаешь, ты сможешь? — ухмыльнулся Джордж Миллер. — Эй, ребята, а знаете, что я придумал? Давайте спустимся в подвал. Там прямо как в темнице!

— Это будет здорово! Как в настоящем замке! — обрадовалась Кейли.

Эван ничего не сказал, позволяя событиям увести его в подвал. Когда мистер Миллер установил камеру на штатив, Эван потянул свое маленькое тело, чувствуя его словно знакомый, старый костюм. Возвращение в прошлое с каждым разом происходило быстрее и легче.

Джордж Миллер злобно крикнул Томми, когда тот попытался подсматривать за ними сверху лестницы:

— Я что говорил насчет того, чтобы дверь в подвал была закрыта, идиот?!

— Но я хотел посмотреть!

— Ты увидишь мой кулак, если сейчас же не сделаешь то, что я тебе сказал! А теперь проваливай и закрой эту чертову дверь!

Ответ обиженного Томми был заглушён стуком хлопнувшей двери, и Джордж пьяно подмигнул Кейли и Эвану.

— Ладно, актеры, вы готовы? Итак, в этой части истории Робин Гуд женится на Марианне, и им надо поцеловаться и делать так, как делают взрослые.

Кейли смущенно фыркнула, а Эван внимательно осмотрелся. Он заметил Томми, который тайно подсматривал за ними сверху, откручивая одновременно голову кукле.

В дальнем углу комнаты, у холодного жерла камина, Эван увидел то, что искал. Отчасти скрытый какими-то одеялами, там стоял армейский шкафчик для переодевания, и где-то внутри него была четверть палочки динамита, которую потом, когда им будет по тринадцать лет, найдет Томми.

— Подождите, мне нужен мой ремень! — резко сказал Эван и проскочил за спиной

Кейли. Ее отец оторвался от видеокамеры, на которой настраивал резкость, держа дочь в объективе, и посмотрел на Эвана с недоумением, удивившись странному поведению мальчика.

— Тупой мальчишка, — пробормотал он и снова склонился над объективом, настраивая резкость. Эван понял, что это его шанс, и воспользовался им. Пока отец Кейли

был отвлечен, он наклонился и открыл металлическую дверцу шкафчика. Первое, что он увидел, был старый номер «Плейбоя» за 1982 год — тот самый, который Томми швырнул — швырнет, поправил он себя — в лицо Ленни. Под журналом лежал тусклый зеленый цилиндр армейской фляжки, и лицо Эвана осветила радость — нашел!

Напевая дурацкую детскую песенку, он отвернул крышку фляги и потряс ее. Кусок динамита выпал на его подставленную ладонь. Эван зажал взрывчатку и попытался разодрать ее бумажную оболочку, но, как он ни старался, его детским мускулам не хватало силы.

Джордж в нетерпении оторвал глаз от окуляра.

— Эй, парень, — начал он. — Забудь ты про этот ремень...

Миллер побледнел, когда увидел, что мальчик бьет о край стола динамитной шашкой, и сделал предупреждающий шаг ему навстречу. Эван резким движением руки остановил его.

— Стой где стоишь, гондон!

Мистер Миллер застыл, испуганно моргая и издавая булькающие звуки. Эван криво улыбнулся.

— Это слово всегда безотказно на тебя действует, не так ли, Джордж?

Кейли наблюдала за разговором с детским любопытством, не совсем уверенная в том, что понимает происходящее, но, тем не менее, очарованная этим.

Находящийся на площадке лестницы Томми украдкой подполз ближе, чтобы получше все разглядеть.

Джордж Миллер сделал еще один осторожный шаг к Эвану, подняв руки в успокаивающем жесте.

— Спокойно, Эван. Просто передай мне это, и мы не будем об этом больше говорить, ладно? Не будь плохим мальчиком, не то я расскажу твоей маме о том, каким ты был негодником.

— Неужели? — цинично усмехнулся Эван. Эта гримаса очень странно смотрелась на лице семилетнего ребенка. — А я расскажу Службе по защите прав детей о твоих любительских детских порнофильмах! Подойдешь на шаг ближе, и я засуну это тебе в жопу!

Кейли удивленно раскрыла рот.

— Эван сказал плохое слово! — Она была потрясена.

Эван сунул руку в шкафчик и выудил оттуда коробку спичек, которые можно было зажигать о любую поверхность, таких же, которыми он когда-то пользовался — будет пользоваться, поправил он себя в очередной раз — в подростковом возрасте. Он потряс коробком.

— Это опасно, ты, маленький кретин! — прошипел зло Миллер, на этот раз в самом деле забеспокоившись. — Тебе же руки оторвет, к чертям, этой штукой!

— Бывали — знаем, — безразлично пожал плечами Эван.

Стоя перед камином, он вытащил спичку и неловко чиркнул ею о ноготь большого пальца. Головка спички вспыхнула, и он поджег шашку.

Короткий фитиль зашипел и ожил, заставив Эвана зажмуриться на секунду. В этот момент Джордж Миллер прыгнул на него, отчаянно пытаясь вырвать из его рук взрывчатку. Они столкнулись и рухнули на решетку камина. Динамит вылетел из руки мальчика и, описав в воздухе дугу, упал и покатился по полу.

— Прямо как бенгальский огонь... — восхищенно сказала Кейли. Она наклонилась, чтобы поднять динамит, замороженная танцующим оранжевым огоньком.

— Кейли, не-е-е-ет! — Эван не знал, кто именно кричал, предупреждая ее, — он сам, ее отец или Томми, — но они опоздали с этим на полсекунды. В тот момент, когда ее пальцы дотронулись до динамита, белый порошок внутри шашки вспыхнул и превратился в быструю, разрушительную силу. От взрывной волны в доме Миллеров вылетели все стекла, и разум Эвана помутился, погружаясь в горящую пустоту, наполненную могильным запахом смерти...

Выход из небытия был ужасающе резким, будто тело столкнулось с мчащейся на

бешеной скорости машиной. Каждый мускул, каждое сухожилие, каждая клетка растянулись, угрожая порваться, и Эван Треборн закашлялся, выхаркивая кровавый ком натекшей в легкие крови. Его спина выгнулась дугой, и тут же он снова рухнул на простыни. Мучительная боль растекалась тонкими струйками по всему телу, когда понимание сделанного дошло до его сознания.

— О, Боже, — его затрясло и затошнило от страха. — Кейли...

Потом боль навалилась с новой силой, и на этот раз она была такой жестокой, что Эван испугался, как бы его череп не лопнул, будто перезрелый фрукт. Он пожелал себе смерти за то, что натворил.

Полицейские машины у подъезда к дому Миллеров... Томми кричит, кричит, кричит...

Андреа смотрит на него так, словно он что-то чуждое и смертельно опасное...

Эхом разлетевшийся удар судейского молотка...

Глаза Эвана резко открылись, вбирая унылый ужас окружения, обшарпанные стены похожей на камеру комнаты психиатрической клиники, зарешеченное окно...

Медсестры, фальшиво улыбаясь, дарят ему на десятый день рождения ничем не украшенный торт... Доктор Редфилд успокаивает его мать за стеклянной перегородкой, в то время как он что-то пишет на листе бумаги в комнате для занятий...

Бесконечная череда чернильных пятен проходит перед его глазами... Редфилд разговаривает с ним в своем кабинете, улыбаясь, как робот... Редфилд отрицательно качает головой в ответ на пафосные заявления Эвана... Редфилд смотрит на то, как Эвана всасывает в себя томографический сканер... Редфилд захлопывает папку с историей болезни Эвана, когда тот проваливает очередной тест...

Эван почувствовал, как с головокружительным громовым ударом в мозгу шок начал отступать, и он поколебался секунду, пытаясь разобраться с новыми воспоминаниями. Перед ним было зарешеченное окно, через которое ему виден дальний конец клиники Саннивейла — офисный блок, где он был на приеме у доктора Редфилда, — а это значило, что он находится глубоко внутри самой больницы, где-то в охраняемом блоке.

На его руки закапали смешавшиеся с кровью из носа розовые слезы. Он начал всхлипывать, когда весь ужас случившегося и его отчаянное положение дошли до него.

— Кейли, нет... — плакал он. — Ты не можешь умереть снова! Я не позволю этому случиться! — В его словах была ярость. — Я не позволю этому произойти!

Поборов остатки боли, Эван пошарил под кроватью. Его руки — абсолютно здоровые на этот раз — искали и не находили искомое.

— Где же они? — спросил он вслух. Вытерев лицо, он встал и стянул простыни, свалил матрас и даже попробовал оторвать прикрученный к полу железный каркас. В конце концов, измученный и сломленный отчаянием, он упал на колени и заставил себя заглянуть под кровать.

Картонной коробки с его вещами и дневниками нигде не было. Он оглядел комнату мутными от слез глазами, отчаянно пытаясь найти свои тетради.

— Где они? — повторил он, с ужасом понимая, что это значит. — Мои тетради! Я же не смогу ничего изменить без них!

Отчаяние придало Эвану сил, достаточных для того, чтобы встать с пола и выскочить из палаты в коридор в поисках ответов на свои вопросы.

Глава двадцать шестая

Эван пытался опередить страх. В его воображении страх представлялся как бегущая следом за ним черная злая волна, которая остановит его сердце, если ей удастся настичь его.

Проскочив мимо сестер, он повалил их, как кегли, и побежал дальше, вламываясь в двери пожарных выходов, отчего они, открываясь, с грохотом врезались в стены. Он чувствовал надвигающийся хаос и изо всех сил старался, чтобы страх его не догнал.

Увидев открывающуюся застекленную дверь офиса доктора Редфилда, он резко

затормозил, скрипя по линолеуму больничными тапочками.

Он уловил кусок разговора.

— Приходи завтра, Энтони, и мы поговорим о твоей матери.

Из кабинета косолапой походкой вышел здоровенный парень с несчастным лицом. Эван проскочил мимо него, проигнорировав недовольный взгляд, брошенный ему вслед, и ввалился в кабинет.

Кавардак в кабинете Редфилда был одной из немногих вещей, которые оставались неизменными в любых обстоятельствах, осознал Эван. Когда бы он к нему ни пришел, в кабинете всегда были разбросанные в беспорядке бумаги, побитые молью кресла, стонущие под тяжестью академических трудов по психиатрии книжные полки и сам доктор, сидящий в своем потертом кожаном кресле за захлавленным столом.

Редфилд удивленно посмотрел вверх очков на влетевшего в кабинет Эвана.

— Эй, Эван, где пожар? — он заглянул в расписание. — У нас с тобой встреча только через час.

Эван молитвенно сложил трясущиеся руки. Страх снова поднялся в нем, когда он выговорил:

— Мои тетради! Где мои чертовы тетради?

— Тетради? — повторил Редфилд. — Весь материал для чтения находится в комнате для занятий, если только у тебя...

— Мои дневники! — взорвался Эван. — Где они? Что вы с ними сделали? — Он лихорадочно оглядывал комнату. — Они что, где-то здесь? Они у вас?

Лицо Редфилда помрачнело, и он вздохнул, покачав головой, когда понял, о чем его спрашивает Эван. В дверях появился запыхавшийся краснолицый охранник, державший одну руку на дубинке.

— Доктор, — прохрипел он, бросив на Эвана тяжелый взгляд. — Все в порядке? Этот пациент носится по коридорам, переполошив всех.

— Все нормально, Митч, — печально ответил Редфилд. — Я сам разберусь.

Охранник и Эван несколько секунд смотрели в глаза друг другу, и Эван внезапно понял, что именно этот Митч был одним из тех двух охранников, которые несколько лет назад пытались оттащить от него отца. Дверь закрылась, и Эван остался наедине с доктором.

— Мне казалось, что мы с этим разобрались, Эван, — начал Редфилд. — Если ты снова начинаешь настаивать на существовании этих так называемых «дневников», то, боюсь, твое состояние снова ухудшится. Возможно, это даже можно назвать рецидивом.

— О чем вы? — Пальцы Эвана сцепились в узел. — Просто скажите мне, где они.

Доктор вздохнул и покачал головой.

— Мне тяжело снова повторять это, но ты должен смириться с правдой. Тетрадей не существует и никогда не существовало.

Слова Редфилда были подобны ушату ледяной воды, и Эван невольно отшатнулся, ошеломленный этим открытием.

— Нет, — слабым голосом сказал он. — Это неправда...

— Дневники были частью придуманного мира, созданного твоим сознанием для того, чтобы справиться с чувством вины. Это был твой способ преодоления ответственности за тот несчастный случай. За смерть Кейли Миллер.

При упоминании имени Кейли Эван почувствовал слабость в ногах и тяжело сел в кресло. Щеки его горели.

Доктор продолжил спокойным, осторожным голосом:

— Подумай сам, Эван. Ты унаследовал психоз своего отца. Ты придумал несуществующую болезнь, создал фикцию — все эти путешествия во времени, альтернативные реальности, построенные на различных событиях с колледжами, тюрьмами, параличом... Дневники были краеугольным камнем этих заблуждений.

Эван попытался ответить, но его голос был слабым и глухим.

— Но мне... мне нужны эти дневники. Без них я не смогу привести все в порядок.

www.NataHaus.ru

Он закрыл глаза. Теперь его страх находился с ним в этой комнате, клубился на периферии его зрения. Эван чувствовал себя так, будто его тело налилось горячей свинцовой тяжестью. Его руки и ноги тряслись.

— Они нужны мне.

Редфилд нахмурился.

— Ты мне напоминаешь своего отца. Знаешь, когда я занимался его случаем, он постоянно спрашивал меня о семейном фотоальбоме. Он вопил, требуя этот альбом, несмотря на то, что у него его никогда не было. Это был всего лишь плод его воображения. Фантом.

Эван вздрогнул. Голос Редфилда затухал, доносясь до него словно через вату.

— Фотографии... — повторил он.

— Эван? — тревожно спросил доктор, подойдя к креслу. — Ты в порядке?

— Фотографии, — снова повторил Эван, его глаза закатились, и он упал на потертый, грязный ковер маленького захламленного кабинета Редфилда.

Эван то приходил в себя, то снова терял сознание, как волна, приливающая к берегу и бегущая назад, в море, спокойно и ритмично, как сердцебиение, проблески сознания приходили маленькими всплесками, завершаясь теплой бесчувственной пустотой. Он воспринимал действительность разрозненными картинками: Редфилд зовет Митча в кабинет, бриллиантовый блеск фонарика, светящего ему в глаза, и запах лаборатории, колеса тележки мягко клацают по кафельному полу.

Его снова засунули в томографический сканер и прогнали машину по всем параметрам, просвечивая его череп, чтобы разглядеть содержащиеся там тайны, как рассматривают кольца на срезе дерева. Сенсоры сканера медленно крутились вокруг его головы по закольцованной орбите, делая карту каждого дюйма его измученного мозга. Эван наблюдал, как они кружат над его головой, принося с собой быстрые поцелуи боли, легкие, как крылья бабочки, горячие прикосновения. В углах глаз Эван видел легкие подрагивания и мерцания мертвой памяти, как отсвет давно сгоревшей, далекой звезды.

Вкус мягких губ Кейли...

Сладкий запах свежее испеченных вафель из маминой духовки...

Ярость, обнаженная, как огонь, и его кулак соприкасается с челюстью Томми...

Привязанный к железной кровати Ленни...

Еще один Ленни, целующий Кейли...

Мерзко улыбающийся Томми...

Еще один Томми, улыбающийся тепло и человечно...

Покрашенная в блондинку, усталая мама в тюремной комнате свиданий...

Еще одна мама, шепчущая предостережения и подключенная к системе жизнеобеспечения...

Воспоминания сталкивались и отскакивали друг от друга, сливаясь и меняя формы, превращаясь в хаотическое нагромождение полуснов-полуяви.

Мама с монтировкой...

Тампер, Хайди, Змей, Хантер, Кейли...

Томми, плачущий, как ребенок...

Кричащая на него через прутья решетки Кейли...

Свалка, кинотеатр, школа, общежитие...

Протыкающий его железным прутом Редфилд...

Картер, Джейсон, Гвен, мама, Джордж, Кейли...

Машущий ему рукой Джейсон в конце коридора...

Кейли, Кейли, Кейли, Кейли, Кейли и Кейли...

Эван погрузился в сон, лежа в сканере, как в большом механическом коконе.

Он проснулся позже, в своей палате, под утро. В полумраке он сидел и смотрел в темный прямоугольник окна. Отражение его лица висело в нем бледным пятном. Эван уставился в глаза своего двойника и читал в них полную потерю надежды и одиночество.

Даже в самые адские моменты в тюрьме или в те моменты беспомощности, когда он был прикован к инвалидному креслу, Эван умудрялся нащупать тончайшую ниточку веры.

Но сейчас впервые он почувствовал себя полностью пойманным тем миром, который сам и создал.

Время от времени окно начинало подрагивать по углам, мерцая, как искаженная картинка в телевизоре, и когда это происходило, Эвану казалось, что он слышит звуки, похожие на голоса, эхом доносившиеся из какого-то другого времени или места.

После инцидента, происшедшего в кабинете доктора, Эван находился под постоянным наблюдением Митча — куда бы он ни пошел, санитар всегда был неподалеку.

После завтрака, во время которого Эван едва прикоснулся к еде, Митч поджидал его.

— Телефонный звонок, — без предисловий сказал он. — Пойдем.

В кабинете, расположенном за комнатой для занятий, находились пустой стол, стул и телефон, серый и без кнопок. Снятая трубка лежала на столе, и Эван удивленно на нее уставился.

— Это тебя, — сказал Митч. Эван сел и поднял ее.

— Алло?

— О, Эван, — в голосе матери были слезы и усталость. — С тобой все в порядке?

Еще одно пятно задрожало на периферии его зрения, и он сморгнул его.

— Со мной все в порядке, мам. Я просто... растерян.

— Я знаю, — вздохнула мать. — Я хотела сказать, что приду тебя навестить сегодня.

Меня попросил прийти доктор Редфилд.

Эван почувствовал облегчение.

— Я рад. Я хочу увидеть тебя, мам. Я хочу выйти отсюда.

Длинная пауза на другом конце.

— Я знаю, что ты хочешь, малыш, но доктор говорит, что это будет не так быстро.

Его рука сжала трубку, и мгновение Эван боролся с желанием расплакаться от злости.

Он ответил спокойно, зная, что Митч внимательно за ним наблюдает:

— Ему лучше знать. Я просто хочу поправиться.

Она издала приглушенный всхлип.

— Могу ли я принести тебе что-нибудь? «Мои дневники? Но Редфилд сказал, что у меня их никогда не было, так?»

— Мне бы хотелось... фотографию. Я по тебе скучаю, и все такое. Ты не могла бы принести мне фотоальбом?

В мозгу Эвана начал зреть план.

— Доктор Редфилд предупредил меня, что, возможно, ты попросишь меня о чем-то таком, — вздохнула она. — Ты был слишком мал, чтобы помнить, но твой отец, он... Когда он заболел, то сжег их все однажды ночью. Я смогла сохранить только старые любительские фильмы, которые он снимал.

— А я могу их посмотреть?

— Не знаю. Надо спросить доктора. — Она снова шмыгнула носом, сдерживая рыдания. — Скоро увидимся. Я люблю тебя

— Я тоже тебя люблю, мама.

Андреа помедлила у входа в клинику и нервно переступила с ноги на ногу, глубоко затянувшись сигаретой. В горле у нее запершило, и она закашлялась, с хрипом выдохнув дым. Внезапно ее затошнило от запаха никотина. Она швырнула сигарету на землю и покрутила головой, отгоняя это ощущение. Ей нужно быть собранной ради сына, а не думать о том, когда она сможет выкурить еще одну сигарету. Она решительно залезла в сумочку, достала оттуда сигареты и зажигалку и швырнула их в урну. Затем наклонилась, чтобы поднять стоявшую у ног картонную коробку, и вошла в клинику.

Редфилд ожидал ее у приемного покоя.

— Привет, Андреа. Хорошо выглядите.

— Я только что бросила курить.

www.NataHaus.ru

— Это хорошо. Пройдемте ко мне в кабинет?

Она заколебалась.

— Я бы хотела поговорить с сыном... Он вздохнул.

— Он присоединится к нам через несколько минут. Думаю, нам сначала стоит посмотреть на результаты сканирования.

— Вы уже их видели? — Андреа старалась не выдать своего беспокойства.

— Еще нет. Мне казалось, что нам следует вместе посмотреть их.

Они прошли по коридорам клиники мимо комнаты для занятий и поста дежурной сестры.

Она кивнула.

— Утром я разговаривала с Эваном.

— Да, мне сказали. Вы не заметили какой-нибудь разницы в его поведении или разговоре?

— Нет. Мне показалось, он чем-то расстроен. Он сказал, что растерян.

— После приступа это вполне естественно. Мы узнаем гораздо больше, сравнив серии томографических снимков.

Доктор указал на картонный ящик.

— Принесли что-то для него?

— Он хотел посмотреть фотоальбомы, но, боюсь, у нас их не осталось.

Редфилд кивнул, и она продолжила:

— Здесь фильмы, которые в свое время снял Джейсон. Я не была уверена в том, что мне стоит их приносить сюда, но вы сказали, что это для него хорошо...

— С этим действительно абсолютно все в порядке, Андреа.

Они подошли к кабинету, и доктор открыл дверь, пропуская ее вперед.

— Эти фильмы — часть его жизни, и навязчивая идея Эвана не будет сломлена, пока он не поймет, что историю нельзя изменить.

Редфилд сел, и Андреа последовала его примеру.

— Мне хотелось бы посмотреть эти фильмы сначала самому, и надеюсь, что мне удастся найти в них что-нибудь, что могло бы убедить его в том, что прошлое — это прошлое...

Редфилд указал на старый портативный кинопроектор, стоящий на полке стеллажа.

— Я не хочу потерять его, как потеряла Джейсона, — тихо сказала Андреа.

Доктор выглядел смущенным.

— Психология сильно продвинулась вперед за тринадцать лет, Андреа. Теперь существуют методы лечения, которые нам были просто недоступны, когда Джейсон был у нас.

Она не ответила, и Редфилд застучал по клавишам компьютера, выводя на экран снимки томографа. То, что он увидел, заставило его поежиться.

— О, Господи, нет, — выдохнул он. Андреа нервно перебирала пальцами, стараясь не кусать от волнения ногти.

— Не виляйте, доктор, — сказала она, не скрывая своего страха. — Просто скажите, и все.

Редфилд работал клиническим психологом и неврологом уже более двадцати лет, и у него бывали пациенты, не поддающиеся лечению, как, например, Джейсон, которые доживали свои последние дни в безумии, но до сих пор каждый такой диагноз доктор считал своей личной неудачей. Несмотря на профессиональную дистанцию, которую он держал с пациентами клиники, Редфилду нравился Эван, и он надеялся, что ему удастся вернуть парня к нормальной жизни. Но то, что он увидел на экране монитора, убедило его в том, что этого никогда не случится. Большие темные комки какого-то вещества испещрили мозжечок Эвана рваными дорожками, подобно разрывам на ткани.

— Кровоизлияние... — начал он натянуто. — Массивное нейронное повреждение внешнего мозгового вещества. Этот вид повреждения неоперабелен и неизлечим.

www.NataHaus.ru

Редфилд покачал головой.

— На самом деле я удивлен, что у него вообще сохранились какие-либо моторные функции...

Едва он сказал эти слова, как тут же пожалел о них, услышав плач Андреа.

— Мне очень жаль.

В коридоре у кабинета стоял, прислонившись спиной к стене, Эван и слушал их разговор.

Ему удалось скрыться от наблюдения Митча и прибыть вовремя, чтобы последовать за матерью к офису Редфилда. «Док не даст мне посмотреть эти фильмы, — понял он, когда услышал прогнозы доктора. — Мне надо сыграть на этом и найти другой способ». Он сделал несколько шагов назад, а потом снова пошел вперед, якобы только что появившись, надевая фальшиво-спокойную улыбку.

Когда он вошел в кабинет, Редфилд поднял глаза и увидел изможденное, усталое лицо молодого человека, что не увязывалось с приподнятым настроением, которое он пытался продемонстрировать.

— Привет, мам. Ты не забыла принести мне те забавные старые домашние фильмы, которые мы когда-то снимали?

Он намеренно отвернулся, дав матери пару секунд, чтобы вытереть слезы и взять себя в руки.

Андреа кивнула.

— Д-да, они здесь. Доктор заученно улыбнулся.

— Присаживайся, Эван. Давай поговорим о твоём самочувствии.

Эван послушно сел, сохраняя беззаботный вид, и позволил Редфилду говорить, так как на столе перед ним лежала мятая коробочка, которую принесла с собой его мать.

Он старался не смотреть на нее, прикидывая в уме все возможные варианты.

«Это последний шанс», — подумал он.

></emphasis>

Ночью Эван вернулся в кабинет Редфилда. Интерьеры клиники он теперь знал, как свои пять пальцев, и для него не составило труда пробраться по коридору, не попав на глаза дежурным сестрам. Дверь поддавалась, когда он как следует нажал на нее плечом, и замок сломался.

Стены маленького кабинета все еще хранили дневное тепло. Эван закрыл дверь и придвинул к ней кресло, затем осторожно пересек кабинет и взял со стола коробочку.

«Треборн Э.» — было написано на ней быстрым почерком доктора Редфилда. Эван улыбнулся.

Желание Редфилда все каталогизировать было явным и заметным во всем. Улыбка превратилась в гримасу, когда стена перед его глазами внезапно дрогнула, а вместе с этим до него дошел отзвук эха. Эван крепко зажмурился, прогоняя боль. Время и память раскручивались вокруг него. Снаружи зазвенел сигнал тревоги, и он увидел стаккато вспышек света от фонарей охранников. Кто-то отдал приказ отдаленным, неясным голосом, и свет фонарей рассеялся по сторонам. Эван открыл ящик и начал рыться в его содержимом; радостное возбуждение охватило его, когда пальцы нащупали бобину киноплёнки. Он поколебался, когда мимо кабинета пробежала чья-то тень, и увидел свое отражение в стекле диплома, висящего на дальней стене. Уставившийся на него двойник дрожал и грозился уплыть из поля зрения. Из его носа текла черная струйка крови и капала на рубашку. Эван отогнал боль прочь и старался игнорировать давление, появившееся внутри черепа, — постоянное тупое пульсирование, будто ему сжали голову тисками. Схватив со стола Редфилда лист бумаги, Эван залез под деревянный стол с коробочкой и ручкой. Он почувствовал внезапное желание задокументировать то, что делает; вероятно, ему хотелось, чтобы в случае неудачи мать хотя бы попыталась понять его мотивы.

Он проговаривал вслух то, что записывал: «Если вы это нашли, значит, мой план не

сработал, и я, скорее всего, мертв, но если мне удастся вернуться к началу всего этого, то, может быть, я смогу ее спасти...»

И снова боль впиалась в его мозг, и кровь еще сильнее потекла из ноздрей, капая на бумагу. Сердце Эвана панически застучало, и, несмотря на то что он изо всех сил пытался не обращать внимания на усиливающиеся спазмы и вибрации вокруг него, он почувствовал, как в него впились холодные когти страха.

Изучив пленки в коробке, он достал одну из них с прилепленной пожелтевшей бумажкой. Эван узнал почерк отца и прочитал на стакере свое имя, написанное черным фломастером.

Единственный, последний шанс.

Глава двадцать седьмая

Доктор Редфилд обнаружил Митча и двух других охранников у входа в клинику. Он уже собирался ехать домой, когда зазвенел сигнал тревоги. Какое-то шестое чувство заставило его побежать обратно, и на посту дежурная сестра сказала ему, что Эван Треборн исчез, а окно в соседнем коридоре выбито.

— Его не нашли в этом блоке, — сказал запыхавшийся Митч. Возраст давал о себе знать, и ему очень хотелось найти этого мальчишку Треборна и наподдать ему так, чтобы он побегал как следует вокруг клиники.

— В этой комнате его нет, — сказал Редфилд. — Ищите во дворе!

Митч махнул рукой охранникам, и они выбежали на улицу через главный вход. Редфилд смотрел им вслед, наблюдая за тем, как пронзают ночь лучи фонарей. Повернувшись, он увидел знакомое лицо.

— Что за шум, Харлон? Опять оставил дверь амбара открытой?

— Надеюсь нет, Кейт. Это Эван Треборн дал деру.

Доктор Пуласки покачала головой.

— О, Треборн, точно. Случай деллюзии. Но это же нетипичное для него поведение, не так ли?

Он согласно кивнул.

— Мне кажется, что это его приступ в сочетании с лечением за последние несколько лет дал такой результат. Он вернулся в свое первоначальное состояние или того хуже.

— А как он вообще смог выбраться?

— Окно. Вышиб его огнетушителем.

— Что-то не сходится, Харлон. Ты говорил, что этот Эван умный парнишка, не так ли? Он здесь уже давно и наверняка знает, как хорошо охраняется двор. Даже если он и перелезет через стену, то там его уже будут ждать копы.

Редфилд следил за ее мыслью.

— Вряд ли в его поступках была логика.

— А что, если была?

— Думаешь, окно было отвлекающим маневром? Думаешь, он все еще внутри?

Она пожала плечами.

— Вопрос в том, действительно ли Эван хотел бежать? Есть ли здесь что-нибудь, чего бы он хотел больше, чем оказаться на свободе?

Редфилда осенило.

— Черт! Фильмы!

Он оттолкнул Пуласки в сторону, отчего она потеряла дар речи.

— Отзовите охрану! — крикнул он через плечо. — Он в моем офисе!

Эван осторожно поставил громоздкий проектор на пол, направив линзы на внутреннюю сторону столешницы. Воткнув вилку шнура в розетку, он помедлил, чтобы убедиться в том, что ни один лучик света не будет виден ни через окна, ни через застекленную дверь. Эвану

было трудно зарядить пленку в проектор из-за онемевших кончиков пальцев, и ему пришлось дважды останавливаться и начинать все заново. Чтобы не поддаться нарастающей панике, Эвану пришлось собрать в кулак всю свою волю. Он повернул выключатель старенького проектора в положение «Включено», и машина заработала, с шорохом и потрескиванием поглощая белую пленку рекорда. Треск старого аппарата казался Эвану громким, как пулеметная очередь, и он с опаской посмотрел на дверь, боясь, что шум может привлечь чье-нибудь внимание. Спертый воздух кабинета наполнился запахом озона и целлулоида.

Эван увидел мокрое от пота лицо беременной матери, которую быстро увозили от него по коридорам больницы. Пленка затрепетала, и он чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда картинка ярко вспыхнула на месте склейки кадров.

Вот на экране его улыбающаяся мать, поднимающая к объективу крошечного ребенка, затем снова скачок пленки, и теперь она заворачивает кроху в светло-голубое покрывало.

Какой-то звук в коридоре заставил его оторваться от экрана. Голос? Эван понял, что у него не остается времени, возможно, уже пошел отсчет на секунды, и он снова перевел взгляд на мерцающую картинку. Он увидел задний двор дома Ленни Кэгана и улыбнулся. Качели, старая кривая яблоня, покрашенная известью сосна.

В объектив попал пятилетний Ленни, робкий на фоне других детей, пришедших на его день рождения, незнающий, что делать с подарками.

Когда камера прошла по кругу, Эван увидел себя маленьким и далее, на размытом заднем плане, прыгающую по кругу Кейли Миллер.

Он услышал, как мужской голос позвал его по имени, но голос пришел издалека и совсем не оттуда, где сейчас находился Эван. Он расслабился и перестал обращать внимание на вибрации и давление в голове. Глаза его наполнились танцующими и мерцающими образами с того дня рождения, и он потерялся в нем, утонув в зафиксированном на пленку прошлом.

Со всех сторон до него доносились голоса болтающих между собой родителей и смех детей, кто-то выдувал из губной гармошки фальшивые ноты, где-то радостно лаяла собака. Зашатавшийся мир Эвана потерял всякую определенность, и он упал...

Яркий солнечный день.

Мир вокруг Эвана казался огромным по сравнению с телом, в котором он оказался. Тошнота от перехода продолжалась меньше секунды, и он оглядел весело раскрашенные украшения сада Кэганов.

Уверенная, но нежная рука подтолкнула его мягко в спину, и Эван позволил себе пройти вперед, повинуясь ей.

— Давай, Эван, иди и представь себя.

Шатаясь на маленьких ножках, он пошел вперед, подняв глаза на мать, молодую и оживленную, улыбающуюся ему.

— Иди поздоровайся.

Андреа показала на кого-то, и Эван посмотрел в том направлении.

В нескольких шагах от него стояла Кейли, робко глядя себе под ноги и время от времени украдкой на него посматривая. Она неуверенно улыбнулась, когда он подошел ближе. Даже в детском возрасте в ней можно было разглядеть ее живую яркую личность, ранние штрихи той женщины, которую он потом полюбит.

«Знаешь, ты первый человек, который мне по-настоящему небезразличен».

Слова Кейли вернулись к нему с новой силой, и он никак не мог стряхнуть с себя это воспоминание.

«Когда мои предки развелись, они предоставили мне и Томми самим выбрать, с кем бы мы хотели жить. Я терпеть не могла своего отца, но знала, что если перееду во Флориду, то никогда больше не увижу тебя».

Маленькое сердце Эвана сжалось, когда он понял всю ответственность ее заявления. Он медленно обвел двор взглядом, вбирая в себя реальность момента, наслаждаясь

возможностью еще раз побывать в детском воспоминании.

— Обычно он не такой робкий... — услышал он голос своей матери. — Эван, не будь невежливым. Поздоровайся с Кейли.

Выбора нет, решил он, не существует другого способа все исправить. Эван наклонился к Кейли, словно намереваясь поцеловать ее в щечку, но в последний момент отвернулся и злобно прошипел, не меняя выражения лица.

— Я ненавижу тебя, — сказал он с ядом в голосе. — Если ты еще хоть раз подойдешь ко мне снова, я убью и тебя, и твою семью.

Кейли дернулась, как от укуса, и лицо ее превратилось в маску ужаса.

Разрыдавшись, она бросилась прочь от Эвана прямо в руки своей матери.

Мать Кейли сердито посмотрела на него.

— Что ты ей сказал? Что случилось?

Он не обратил на нее внимания, не отрываясь глядел на плачущую на плече у матери Кейли, надеясь, что она бросит на него еще один, последний взгляд прекрасных глаз, прежде чем окончательно уйти из его жизни. У него перехватило дыхание, и он почувствовал, что сейчас расплачется.

— Прости меня, Кейли. Мне так жаль. Прощай, — еле слышно пробормотал он.

Теперь он словно сроднился с болью, и, когда первый болевой шок отпустил, Эван сразу же ощутил вкус теплой крови, стекавшей по его небритой верхней губе. Единственное, что он понял сразу, — это то, что он лежал на кровати. Он успел только схватить подушку и засунуть под нее голову, прежде чем каскад воспоминаний снова обрушился на него.

Кейли в платье девицы Марианны исчезает... Кейли, посылающая ему воздушный поцелуй во дворе колледжа, пропадает... Кейли, взявшая его за руки на крыше общежития братства «Тета» растворяется... Кейли бледнеет, Кейли уходит и забывается...

На этот раз возвращение проходило по-другому: вместо вспышек, сливающихся с другими его воспоминаниями, эта перемена была словно поток пульсирующих световых образов, простейших событий, бьющих, как удар новичка, и тут же исчезающих.

Лиза Халперн и ее подростковая дочь играют за домом Треборнов... Томми Миллер в униформе скаутов, серьезный и целеустремленный... Отец Эвана пожимает руку доктора Редфилда, выходя из клиники...

Эван судорожно вдыхал и выдыхал воздух, думая о том, где он очнется на этот раз и каким будет мир, которому он дал жизнь.

Эван и Ленни дурачатся в классе... Джордж Миллер гордо салютует своему сыну, когда тот отправляется воевать в Залив... Андреа готовит спагетти для своего нового мужа... Эван получает награду колледжа за достижения в науке — за успешные опыты с плоскими червями...

Наконец все прекратилось. Эван убрал подушку с лица и увидел пятна крови и слез на льняной наволочке.

— Ты в порядке? — услышал он знакомый голос. — Может, мне стоит позвонить врачу?

Эван поднял глаза, принял полотенце из рук Ленни Кэгана и улыбнулся с неподдельной теплотой при виде своего старого друга.

— Эй, приятель, а ты неплохо выглядишь.

Эван немного поерзал, устраиваясь поудобнее и оглядывая комнату. В ней мало что изменилось. Те же постеры на стенах. Это его приятно успокоило.

Ленни улыбнулся, удостоверившись, что с Эваном все в порядке.

— Да уж, лучше чем ты.

— Хотеть не вредно.

Эван посмотрел на своего соседа. Ленни был прав, в общем, он выглядел лучше, чем его помнил Эван: подтянутый и счастливый, без всяких следов неловкой застенчивости, которая слегка портила прежнего Ленни.

— Ты уверен, что все нормально? — спросил все еще обеспокоенный Ленни. — Если

твой огромный мозг сгорит, то у кого я смогу тогда списывать ответы на тесты по психологии?

Эван слабо улыбнулся.

— Мне кажется, что теперь со мной все будет нормально, — сказал он, и когда эти слова слетели с губ, в нем начала расти новая надежда. — Мне на самом деле так кажется.

— Ты точно в этом уверен? — спросил Ленни, когда плечом открыл дверь в подвал, глядя поверх картонной коробки, которую он держал в руках.

Эван последовал за ним в полумрак подвала, неся в руках такую же коробку.

— Уверен.

Бросив коробку на пол, он взялся за ручку толстого металлического рычага. Кряхтя от натуги, Эван потянул ручку вниз и открыл зев главной печи общежития, откуда его обдало жаром огня.

Ленни моргнул и уставился в полыхающий жар печи.

— У тебя последняя возможность передумать, Эв. — Он пихнул одну из коробок ногой. — То, что ты сейчас делаешь, по-моему, слишком радикально. Ты уверен, что хочешь сжечь весь свой семейный архив?

— Уверен, — повторил Эван и без колебаний начал закидывать в огонь кипы фотографий, катушки с пленкой и старые журналы. Печь жадно пожирала бумагу, периодически выпуская из пасти клубы дыма.

Ленни отступил от второй коробки, понимая, что для его друга это некий обряд, который мог совершить только сам Эван.

Внутри второй коробки были десятки тетрадей, в обложках которых отражалось пламя печи.

Эван вытащил одну из них наугад и пролистал ее, не глядя на то, что написано на обложке. Между его детскими записями был незаконченный карандашный рисунок с изображением девочки. Образ выглядел призрачным, будто основанный просто на одной мысли об абстрактном лице, а не о конкретном человеке. Эван увидел подростковую мечту о Кейли Миллер и захлопнул тетрадь.

Казалось, он продержал тетрадь в руке целую вечность, а затем легким движением кисти послал ее в преисподнюю. Ни секунды не медля, он начал сгребать дневники в кучу и скармливать огню, наблюдая, как страницы чернеют, превращаясь в пепел.

Через некоторое время Ленни подал голос, выдернув Эвана из мечтательного состояния:

— Ну, и что теперь?

— Теперь? — Эван оставил вопрос некоторое время висеть в воздухе. — А теперь я буду просто жить.

И на этом все кончилось.

Никаких дневников. Никаких фильмов, фотографий, ничего, что могло бы напомнить мне о прошедших годах. С того дня я не вел дневников, вахтенных журналов или каких-либо записей еще, кроме самых необходимых. Я старался удостовериться в том, что именно я делаю снимки, если вдруг поблизости оказывался кто-то с фотоаппаратом, и я никогда не имел собственного. Я вырос, держа свои воспоминания только в одном месте, — моей голове.

Наверное, это выглядит слишком бездушно или даже бездумно, вот так вот взять и отрезать кусок моей собственной истории и оставить его позади гореть в огне. В одной из жизней, в одном из временных отрезков я поклялся Кейли, что вернусь за ней, но мне пришлось бросить ее, чтобы спасти. У Судьбы, если она существует, очень жестокий юмор.

Вся правда состоит в том, что Кейли была для меня самой тяжелой потерей в жизни. В том измененном мной мире, где я, в конце концов, остановился, никто из моих знакомых понятия не имеет, кто она такая. Некоторые помнят только маленькую девочку, которую я в детстве сильно расстроил, и никто ничего не знал о ней с того дня, когда после развода

Миллеров она собрала вещи и уехала с матерью во Флориду. Кейли, которую помнил я, и череда ее вариантов из всех различных версий истории теперь были фантомами, неопределенными вероятностями того, кем она могла вырасти в Саннивейле. Никто не знал той девушки, которую я полюбил, потому что она не существовала. Как и тот рисунок в сгоревшем дневнике, Кейли — моя Кейли — была призраком какого-то другого, отдаленного настоящего.

В общем, я стал жить дальше. С отличием закончил колледж штата и благодаря профессору Картеру нашел дорогу, которая привела меня к собственной практике в Нью-Йорке. Все пошло так, как мне хотелось, и после нескольких лет рана в моем сердце постепенно начала заживать. Вскоре я уже мог не думать о ней в течение целых дней, затем недель, затем месяцев, а потом и лет. Время шло и шло только вперед и никогда назад.

Но в один прекрасный день, когда я пересекал Шестьдесят седьмую авеню, направляясь к Центральному парку, судьба дернула мою цепь еще раз.

Я хорошо это помню. Был прекрасный весенний день. Накануне всю ночь лил дождь, и воздух был свеж. Прижав телефон к уху, я пробирался сквозь толпу. Я разговаривал с матерью — просто еще один костюм в тесной толпе тысяч ньюйоркцев, спешащих по своим делам.

— Да, мам, — нахмурившись ответил я. — Я немного опаздываю на ленч. У одного из моих пациентов случился срыв.

Она говорит что-то сочувствующе, и я согласно киваю.

— В любом случае закажи пока для меня суп. У них отличный французский луковый суп с сельдереем. До скорого.

Я со вздохом убираю телефон, и абсолютно случайно мой взгляд, скользнув по толпе, за что-то цепляется. Или, точнее, за кого-то.

Она, как и я, переходит улицу, только в противоположную сторону. Одетая в безупречный деловой костюм, сшитый идеально по фигуре. Она повзрослела, но лицо все так же прекрасно, как и тогда, когда я впервые потерял от нее голову. Потрясение от встречи с Кейли Миллер столь сильно, что я сбился с шага и едва не упал, когда она прошла мимо меня. Ее глаза задержались на мне лишь на мгновение дольше, чем необходимо, но в них не было узнавания — да и с чего бы ему быть? Она не знает меня, того Эвана Треборна, который полюбил ее другую.

Я остановился и стоял на тротуаре, глядя на то, как она уплывает от меня, постепенно смешиваясь со спешащей на обед толпой.

Миллионы причин «почему» и «почему нет» в одну секунду пронеслись в моей голове, и, если честно, я не принял во внимание ни одну из них. Я подумал о том, где побывал, о разорванных нитях времен, по которым путешествовал, и все это сошлось вместе в один момент выбора. Этот момент в этом месте и в это время.

В общем, я вздохнул, повернулся на каблуках... и пошел за ней.